

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

99

СРЕДНЕВЕКОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

99

СРЕДНЕВЕКОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА—1964

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор — доктор исторических наук *Т. С. Пассек*
Зам. ответственного редактора — кандидат исторических наук *П. А. Раппопорт*

Члены редколлегии:

Е. А. Векилова, Н. Н. Воронин, Н. Н. Гурина, Е. И. Крупнов,
А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, Т. Г. Оболдуева (отв. секретарь),
Д. Б. Шелов и секретари секторов Института археологии АН СССР

І. ИТОГИ И ЗАДАЧИ

Б. А. КОЛЧИН

К ИТОГАМ РАБОТ НОВГОРОДСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ (1951—1962 гг.)

1

Завершен крупный этап в археологическом изучении Новгорода: закончены большие раскопки в Неревском конце. Двенадцать сезонов, с 1951 по 1962 г. большой коллектив археологов Института археологии АН СССР и кафедры археологии Московского Государственного университета вел работы на Софийской стороне Новгорода, в 300 м к северу от Новгородского Кремля¹. Крупные средства, отпущенные Академией и Университетом, и широкая механизация земляных работ позволили вскрыть невиданный ранее по величине участок древнерусского города: всего раскопана площадь в 9000 кв. м при толщине культурного слоя от 7,5 до 6 м. Более 60 000 куб. м земли перебрали руками рабочие и лаборанты экспедиции.

Это были самые большие раскопки в Советском Союзе. Эпизодические обзоры о раскопках в Новгороде и заметки об отдельных находках печатались неоднократно². Поэтому в настоящей краткой статье мы осветим

¹ Начальником Новгородской археологической экспедиции все эти годы был А. В. Арциховский, заместителем начальника — Б. А. Колчин. Отдельными раскопками (а их всего было 35) в разные годы руководили Г. А. Авдусина, П. И. Засурцев, А. Ф. Медведев, В. Л. Янин, В. В. Седов, М. В. Седова, Ю. Л. Шапова, М. Д. Полубояринова, Н. В. Рындина, И. К. Голунова, Г. П. Смирнова, С. Н. Орлов, С. А. Изюмова, А. В. Куза. Все эти годы прориси грамот делал М. Н. Кислов, фотографом экспедиции был С. Т. Бочаров. В экспедиции участвовали студенты Московского государственного университета, Московского архитектурного института и многих других высших учебных заведений Москвы, Ленинграда, Вологды, Иванова, Киева и других городов страны.

² А. В. Арциховский. Новые открытия в Новгороде. ВИ, 1951, № 12, стр. 77; его же. Раскопки 1952 г. в Новгороде. ВИ, 1953, № 1, стр. 113; его же. Раскопки 1951 г. в Новгороде. СА, XVIII, 1953, стр. 342; его же. Раскопки 1953 г. в Новгороде. ВИ, 1954, № 3, стр. 106; его же. Раскопки 1954 г. в Новгороде. ВИ, 1955, № 2, стр. 61; его же. Новые открытия в Новгороде. «Доклады советской делегации на X Международном конгрессе историков в Риме». М., 1955; его же. Раскопки 1955 г. в Новгороде. ВИ, 1956, № 3, стр. 66; его же. Раскопки 1956 и 1957 гг. в Новгороде. СА, 1958, № 2, стр. 227; Б. А. Колчин. На раскопках древнего Новгорода. «Наука и жизнь», 1952, № 4; его же. Новые открытия в Новгороде. «Бюллетень ВОКС» (Voks Bulletin, М., 1952, № 75) 1952 г., № 73; его же. Новые открытия археологов. «Славяне» 1953, № 8; его же. Древнейшая русская азбука. «Русский язык в школе», 1956, № 2; его же. Хронология Новгородских древностей. СА, 1958, № 2; Б. А. Колчин и И. М. Линднер. Шахматы в древнем Новгороде. «Шахматы в СССР», 1961, № 8; В. Л. Янин. Великий Новгород. «По следам древних культур. Древняя Русь». М., 1953, стр. 217; А. Ф. Медведев. Что таится в земле древнего Новгорода. Альманах «Дон», 1955, № 4; его же. Новые открытия археологов в Новгороде. Альманах

итоги раскопочного двенадцатилетия с одной определенной стороны — количества добытого материала и некоторых выводов, обусловленных большим количеством фактов.

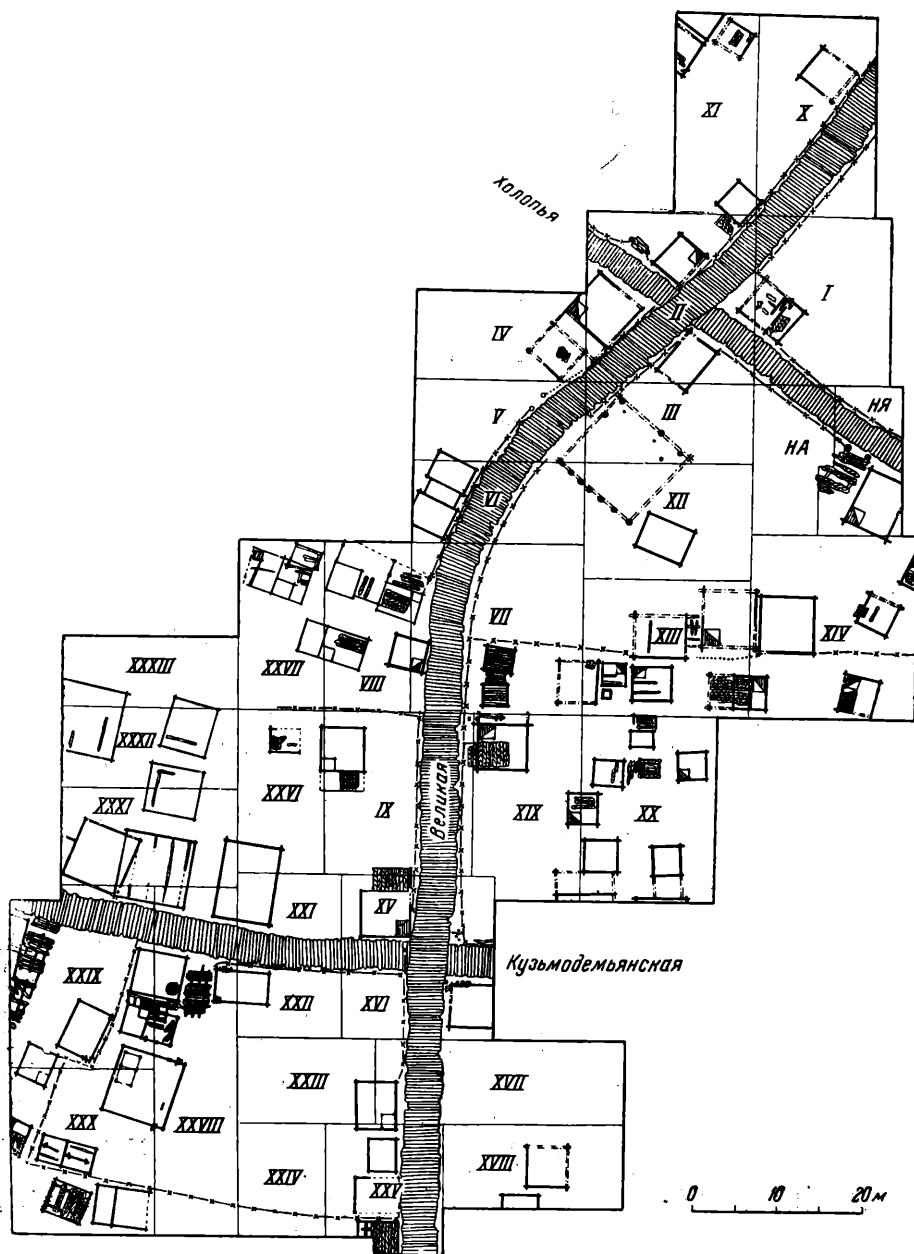

Рис. 1. План Неревского раскопа 1951—1962 гг.

На территории раскопа вскрыты три древние улицы — Великая, Холодня и Кузьмодемьянская — с прилегающими к ним обширными жилыми усадьбами (дворами). Всего изучено 18 усадеб, из них 10 почти полностью (рис. 1). Усадьба — это участок, окруженный забором — тыном, за которым размещались жилые, производственные и хозяйственные постройки.

«Дон», 1957, № 6; П. И. Засурцев. Раскопки в Новгороде. «Советские экспедиции». М., Географиздат, 1962.

Границы усадеб изменялись незначительно и основные дворы, которые определялись в X—XI вв., существовали, как правило, в тех же пределах и в последующие века. Размеры усадеб различны; целиком раскопанные были площадью от 750 до 1000 и более квадратных метров. Территория, вскрытая Неревским раскопом, была, видимо, одним из очень плотно заселенных участков города. Плотность застройки менялась. Так, в конце XIII в. (13 и 12 яруса) на раскопанной территории стояло 75 деревянных построек (из них более половины — жилые дома). Всего же было изучено около 1150 построек (в том числе свыше 500 жилищ). От них дошли до нас лишь нижние венцы срубов: обычно один-два, реже три-четыре и изредка пять венцов.

По Неревскому раскопу мы впервые получили представление об облике русского средневекового города в целом, о планировке Новгорода, его покрытых деревянными мостовыми улицами и площадями, инженерных сооружениях (водосборники и водоотводы), садах и огородах, жилых избах и теремах, мастерских и лавках. В новгородском домостроительстве преобладали пятистенные (двухкамерные) постройки площадью в 40—80 кв. м или простые однокамерные избы площадью в 20—60 кв. м. Большинство домов строились на подклетьях, т. е. были как бы двухэтажными. Первый этаж (подклеть) был низким, высотой около 1,5 м, холодным нежилым помещением, где хранилось имущество, продукты и различная утварь, но в некоторых домах подклети были жилыми. Основное жилое отопляемое помещение занимало второй этаж, куда вела широкая лестница. Бытовал и третий тип дома — трехкамерный, — когда под одной крышей размещаются изба, сени и холодная клеть³.

Новгород, плотно застроенный деревянными домами и иными постройками, часто горел. Новое строительство начиналось сразу же после пожара, в это же время делали и новые деревянные настилы на улицах (поднимали уровень мостовых). Дендрохронологический метод датировки позволил получить даты деревянных построек с точностью до одного года. Для западной части Кузьмодемьянской улицы (раскопы XXVIII—XXXII) выяснилась детальная история ее застройки. Так, например, можно утверждать (в пределах 13 яруса, где датировано 16 построек), что после майского пожара 1267 г., уничтожившего массу домов, на усадьбах сразу же началось восстановительное строительство. В том же 1267 г. выстроили пять домов, в 1268 г. настилали мостовую улицы и строили еще один дом, в 1269 г. — два, а в 1270 г. — еще три дома. Итак, в течение четырех лет после пожара построили 12 домов из 16, т. е. восстановили 75% всей застройки данного яруса на этих усадьбах.

Исключительно хорошая сохранность органических веществ и других материалов (из-за повышенной влажности новгородской почвы), четкая стратиграфия культурного слоя и почти полное отсутствие поздних перекопов дали в руки исследователей огромное количество точно датированных археологических находок: в домах, мастерских и на территории усадеб собрано более 90 000 древних вещей. Их сводка дана в таблице (стр. 6). В нее вошли только так называемые индивидуальные находки и не включены мелкие обломки и обрывки, неопределимые находки и весь массовый материал (черепки керамики, кости домашних и диких животных, обрезки и обрывки кожи, зерна различных злаков и пр.), а также строительные и архитектурные детали зданий и иных сооружений.

В Новгороде собрано более 2 млн. фрагментов керамики; более 20 т костей животных, несколько сот тысяч обрезков кожи — отходов древних сапожных мастерских; на местах сгоревших хлебных амбаров собрано несколько тонн обугленного зерна — ржи, пшеницы, ячменя, овса, гороха.

³ Жилищам и застройке древнего Новгорода посвящена большая интересная работа — П. И. Засурцева. Усадьбы и постройки древнего Новгорода. Труды Новгородской археологической экспедиции, т. IV. МИА, № 123, 1963, стр. 5.

Предметы, обнаруженные при раскопках

№	Находки	Количество
1	Грамоты на бересте	398
2	Монеты (целые и части), печати, пломбы	1599
3	Орудия труда и оружие	Более 1800
4	Ножи	» 2100
5	Ножицы	» 110
6	Замки, ключи, замочные детали	» 1200
7	Гвозди, заклепки, костыли, крепежные детали	» 7000
8	Разные изделия	» 4500
9	Предметы из цветных металлов (в основном украшения)	» 2100
10	Проволока, пластины, полосы и другие изделия из цветных металлов	» 1400
11	Стеклянные браслеты	» 6100
12	Стеклянные бусы, перстни, посуда и другие изделия	» 4100
13	Шиферные пряслицы	2031
14	Янтарные изделия (перстни, крестики, вставки и др.)	» 750
15	Ткани (обрывки и куски одежды)	» 4200
16	Подделки из камня (иконки, кресты, бусы, литейные формы)	» 450
17	Точильные бруски и рыболовные грузилы	» 2400
18	Костяные гребни	» 730
19	Костяные рукоятки ножей и их детали	» 480
20	Разные изделия из кости (украшения, пуговицы, проколки, шашки, шахматы и др.)	» 1200
21	Веревка, тесьма, нитки, кудель, пряжа	» 2600
22	Изделия из войлока (обувь, стельки, подстилки, шапки и др.)	» 2300
23	Изделия из глины (игрушки, тигли, изразцы, светильники, амфоры, поливная керамика и др.)	» 1100
24	Кожаная обувь и ее фрагменты	» 11500
25	Изделия из кожи (кошельки, ножны, пояса, рукавицы, аппликации, мячи и др.)	» 1500
26	Изделия из бересты (коробьи, туесы, поплавки)	» 4000
27	Точеная и резная посуда	» 2700
28	Бондарная посуда	» 1800
29	Веретена, прялки, трепала, чесала	» 1700
30	Ложки, ковши, половники	» 1200
31	Детские игрушки (волчки, стрелы, мечи, куклы, фигурки животных и др.)	» 2100
32	Орудия труда (лопаты, грабли, чекмари, совки, мутовки, сапожные колодки и др.)	» 2300
33	Дерево Детали машин, станков и приспособлений (токарные, ткацкие, мельничные и др.)	» 1400
34	Детали саней, волокуш, лодок, кораблей, весла, лыжи, хомуты и др.	» 2200
35	Детали мебели (скамьи, стулья, столы, сундуки, колыбели, вешалки и др.)	» 1600
36	Разные хозяйственные приспособления	» 2500
37	Косточки местных и привозных плодов (яблоки, сливы, вишни, грецкие орехи, миндаль и др.)	» 1700

чечевицы и других злаков. Массовость накопленных материалов позволила строить исторические заключения на достаточно прочной основе, применяя методы статистической обработки сотен и тысяч вещей.

2

Весь материал Неревского раскопа принадлежит к середине X — концу XV в. (археологических материалов более поздних веков нет). Он освещает почти все стороны жизни и быта живших на Великой, Холопьев и Кузьмодемьянской улицах горожан от рождения до смерти.

Многие общие вопросы истории Новгорода в связи с материалами экспедиции ставил в ряде своих работ⁴ А. В. Арциховский. В них шла речь прежде всего о ремесленном характере Новгорода, который был крупным промышленным центром северной Руси. Коснемся этой темы и мы.

Изученные производственные мастерские и большое количество инструментов, сделанных из железа, стали, дерева, цветных металлов и других материалов, говорят о разнообразии специальностей ремесленников — жителей Кузьмодемьянской, Великой и Холопьев улиц. Для характеристики ремесла и выделения профессий также очень важны многочисленные находки отходов производства, полуфабрикатов изделий, производственного брака и, наконец, исходного материала (сырья) в виде железных криц, полос и брусков железа, стали и меди, слитков меди и цветных сплавов, кожи, заготовок из кости, дерева, кусков янтаря, стекла и т. п.

Всего больше на территории изученных 18 усадеб было сапожников. Только одних мастерских (т. е. производственных построек вместе с инвентарем) вскрыто восемь. Кроме того, топографическое размещение находок, связанных с сапожным ремеслом (колодки, правила и модели — более 300 штук, сапожные ножи — более 30, стальные шилья — более 40, сапожные гвозди и огромное скопление обрезков кожи), позволяет говорить о деятельности не менее 30 сапожников, работавших, вероятно, непосредственно в своих жилищах. Изучено и несколько мастерских кожевников. Надежным признаком этого ремесла служат зольники (их на раскопе вскрыто несколько, иногда даже с обрывками шкур домашних животных).

На втором месте — ювелиры — ремесленники по обработке цветных металлов: серебрянники (универсалы), колечники, медники, литейщики и другие специалисты. Ювелирных мастерских вместе с инвентарем, инструментом и остатками горна изучено 10. Кроме этого, судя по распределению на усадьбах находок, можно говорить о деятельности еще 10 мастеров. На площади раскопа найдено шесть слитков металла, сотни кусков проволоки, полос и пластин, 95 тиглей и льячек, 32 каменных литейных формы и одна деревянная сложного профиля, а также масса инструментов — ювелирные наковальни, молотки, клещи, зубила, бородки, чеканы, ножницы по металлу, напильники, зажимные пинцеты типа ручных тисков и много иных приспособлений.

Из ремесленников по обработке черного металла можно отметить укладчиков (производство стали); открыты две их мастерских. Основные находки здесь — керамические муфели для цементации железа и большое количество железного шлака, устилавшего все пространство вокруг мастерской. Замочники и гвоздочники оставили свои специальные инструменты — гвоздильни, зубила, напильники и т. п. От кузнецов, живших на Кузьмодемьянской и Холопьев улицах, сохранились только кузнечные клещи и молотки. Сами кузницы с горнами располагались, вероятно, в северной части города, за валом на Гзени.

Оставили следы своей деятельности ремесленники по обработке дерева — токари, бочары, резчики-ложечники и некоторые другие. Уверенно можно говорить о трех токарных мастерских. Их определяют скопления

⁴ А. В. Арциховский. Археологическое изучение Новгорода. МИА, № 55, 1956, стр. 7.

деревянных бобышек, на которых держится в зажимах токарного станка вытачиваемый сосуд (когда он готов — бобышки срезают и выбрасывают). Встречены три больших скопления таких бобышек, кроме того, здесь же найдена масса стальных токарных резцов, стамесок и деревянных деталей токарного станка. Остальных деревообделочников выделяют только специализированные стальные инструменты. О бочарах свидетельствуют уторные пилки и бондарные скобельки и скобели; определенно можно говорить о работе пяти мастеров. Резчиков, изготовлявших ложки, резные сосуды, половники и другое, выделяют, прежде всего, резцы по дереву и малые тесла. Кроме того, найдено большое количество недоделанных и бракованных заготовок ложек, половников, чаш и даже огромных ендов. Картографируя эти находки, можно говорить о работе не менее десяти мастеров. Наконец, в слоях начала XIII в. вскрыта мастерская столяра, где найдены: пила, тесло, топор, скобель, резец, долото. Анализируя топографию размещения подобных инструментов на раскопе (часто находили по два-три инструмента вместе — топор, резец и гвоздодер, пила и стамеска, скобель и фигурное долото и т. п.), можно выделить еще восемь мастеров — столяров.

Раскопаны три мастерские косторезов. Их основной признак — огромные скопления заготовок и отходов косторезного производства (расправленные втульчатые кости и масса сделанных острой пилой отпилков от костей и рогов). Как в мастерских, так и в других местах раскопа собраны и инструменты по обработке кости — пилки, напильники (специальные — с большим зубом), струги, сверла и др. Найдены также полуфабрикаты гребней (в одном случае, гребень во время изготовления обломался, а в другом — одна из сторон оказалось сильно ноздреватой). Картографируя все подобные находки, можно выделить более 10 мастеров — косторезов.

Прядение было в России домашним занятием, вероятно, вплоть до XVII в. Во всяком случае, в X—XV вв. в Новгороде пряли в каждом доме. На раскопе собрано около 1000 деревянных веретен, более 2000 пряслиц (шиферных, глиняных, костяных и иных), более 500 чесал и 100 прялок. Уже из готовой шерстяной и льняной пряжи ткачи изготовляли ткани и по заказу, и на продажу.

О работе на изученных усадьбах большого количества холщевников (ткачей) свидетельствуют такие находки, как детали и принадлежности горизонтального ткацкого стана (челноки — 34 штуки, подножки — 56, собачки — 45, планки от ниченов — более 30, юрки — более 86 и др.). Кстати отметим, что горизонтальный ткацкий стан в Новгороде появляется в конце XII в. Деталей от конструктивно более примитивного вертикального ткацкого стана не найдено (точнее, не удалось выделить эти детали из огромной массы поделок из дерева). Местное производство тканей в Новгороде существовало и в X—XII вв. Сотрудник Института истории материальной культуры Польской Академии наук А. Нахалик в созданной им (пока единственной в Европе) историко-технологической лаборатории по тканям исследовал 484 обрывка новгородских тканей. Он выделил местные новгородские, русские ткани и привозные из Западной Европы и, проследив эволюцию технологии местных и импортных тканей, сравнил эти данные со сведениями о развитии текстильного производства в средневековой Европе⁵.

О работе портных в какой-то степени можно судить по таким находкам, как портновские ножницы и специальные стальные швейные иглы (их найдено более 50). С большей определенностью эту отрасль ремесла характеризуют швейки — специальные приспособления для пошива одежды (найденно шесть швеек и их деталей). Можно выделить еще несколько специальностей по производству продуктов питания. Это хлебники, пряничники (изучены большие хлебопекарные печи и найдено множество пряничных

⁵ А. На х а л и к. Ткани Новгорода. МИА, № 123, 1963, стр. 227.

форм), пивовары, отличительным признаком работы которых служат большие железные или деревянные клещи для взвара пива (опускание и вынимание раскаленных камней из кадки с пивным суслом), рыболовы, коптильщики рыб (вскрыты коптильные печи), а в слоях XIII в. даже встречены следы работы бортника (найлены бортные крючки и люльки).

Всего на Неревском раскопе было вскрыто более 60 ремесленных мастерских и, кроме того, более 70 археологических комплексов, свидетельствующих о ремесленной деятельности их владельцев. Таким образом, мы можем говорить, что на вскрытой территории в течение XI—XIV вв. (слои X и XV вв. дали относительно мало производственных находок) жило и работало более 130 ремесленников. Если учесть, что многие профессии требовали помощников (подмастерьев) и у многих были ученики, то эта цифра значительно увеличится.

Кроме того, нужно помнить, что не все ремесленные профессии оставляют прямые археологические свидетельства. Особенно это касается профессии строителей, например, плотников, каменщиков, учанников, городников, мостников и других. Говорят ли, например, находки топора о профессии его владельца? Иногда, вероятно, да, чаще — нет. Топор, как бытовой инструмент, был, как и теперь, в каждом доме, поэтому на раскопе и найдено более 100 топоров со стальными лезвиями.

В своих исследованиях берестяных грамот А. В. Арциховский убедительно показал, что среди адресатов этих грамот, живших в изученных нами усадьбах, выделяется значительная группа мелких феодалов, постоянно проживающих в Новгороде и имевших земельные владения иногда очень далеко от Новгорода. Связь с имением они поддерживали постоянно, путем переписки берестяными грамотами, которые и стали достоянием археологов. В Новгороде этим феодалам, вероятно, и принадлежали усадебные участки, на которых жили ремесленники и стояли их мастерские. Ряд усадеб принадлежал крупным феодалам. Например, на углу Великой и Кузьмодемьянской улиц располагалась родовая усадьба, на которой в XIV—XV вв. жила богатая боярская семья Мишиничей. На территории усадьбы найдено 26 берестяных грамот, адресованных посаднику Онцифору Лукичу (правнуку посадника Юрия Мишинича), посаднику Юрию Онцифоровичу, его сыну, и внукам. Берестяные грамоты свидетельствуют, что на Великой улице жили также купцы, духовенство и различные боярские слуги. Таким образом, Новгород был прежде всего городом ремесленников, но в нем жило и много мелких феодалов, чем, вероятно, и можно объяснить преобладание феодалов в новгородском правительстве⁶.

О берестяных грамотах, найденных на Неревском раскопе за двенадцать лет (первая грамота была найдена в июле 1951 г.), написано более десятка книг и много статей. Публикация берестяных грамот была сделана А. В. Арциховским⁷. Первое время для всестороннего специального анализа грамот к этой работе привлекались крупнейшие знатоки древнерусской письменности и языка — М. Н. Тихомиров и В. И. Борковский. К 1963 г. в Новгороде найдено 415 берестяных грамот, из них на Неревском раскопе — 398, — в разных местах при строительных работах 14 и три — на новом раскопе на Ильиной улице (в 1962 г.). На Неревском раскопе грамоты встречены на территории всех усадеб в слоях XI—XV вв. Живой интерес к берестяным грамотам проявляют зарубежные историки и слависты: статьи

⁶ A. V. Artsikhovskii. La ville russe au moyen âge. La moyen âge, 1959, № 4, стр. 453.

⁷ А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953; А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954; А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953 и 1954 гг.). М., 1958; их же. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958; их же. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963. А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.). М., 1963.

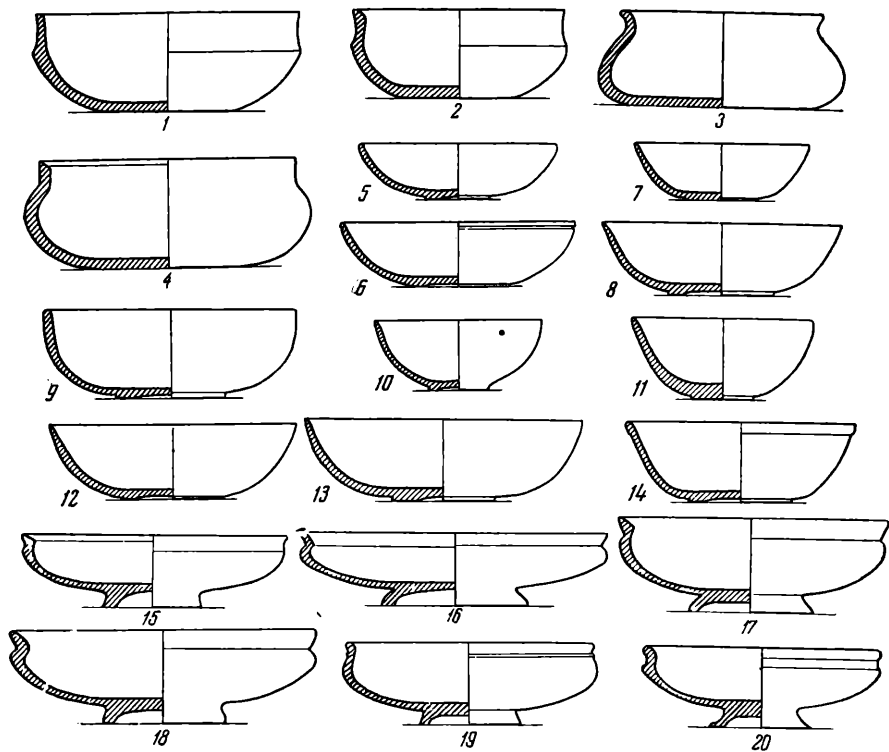

Рис. 2. Столовая деревянная точеная посуда из Новгорода

1—4 — чарки в $\frac{1}{5}$ нат. вел.; 5—14 — чаши в $\frac{1}{7}$ нат. вел.; 15—20 — мисы $\frac{1}{10}$ нат. вел.

о грамотах и рецензии на их публикации появились в Польше, Чехословакии, Франции, Англии, США, Японии, Финляндии, Норвегии, Швеции и других странах⁸.

3

Мир извлеченных из небытия Новгородской экспедицией деревянных вещей самый интересный и многочисленный. В продолжение многих тысячелетий, до конца XIX в. в северной Европе, в том числе и на Руси, дерево было основным и наиболее массовым поделочным материалом. В сущности русское средневековье было «деревянным веком». Дерево рассказало о жизни древних новгородцев с такой подробностью и осветило такие стороны их жизни, о которых до раскопок в Новгороде археологи не могли мечтать. Перед нами предстали, кроме жилых домов и мастерских, домашняя утварь и мебель, хозяйственные и производственные приспособления, корабли и сани, станки и механизмы, орудия труда и инструменты, игры взрослых и детей, музыкальные инструменты и художественные вещи и многое другое.

Академик М. Н. Тихомиров писал: «Вне поля зрения наших историков оказываются большие и важные темы. В особенности плохо разрабатываются темы по истории культуры народов нашей страны. Сведения о народной культуре в наших пособиях и учебниках обычно заменяются повествованием только о памятниках письменности, архитектуры и живописи. После В. О. Ключевского, так живописно изобразившего календарный год старинного русского крестьянина, никто до сих пор даже не пытался рассказать

⁸ Частичный обзор зарубежных работ о берестяных грамотах см.: А. Л. Хорошкевич. Зарубежные отклики на открытие новгородских берестяных грамот. «История СССР», 1958, № 5. стр. 224.

о жизни народа, о его воззрениях, о его праздниках, о его бедствиях и чаяниях, обо всем, чем жил человек прежнего времени»⁹. Это положение объяснялось в значительной степени тем, что по истории народной культуры мы имели очень мало источников. Новгородские раскопки дали их. Приведем несколько примеров.

В коллекции новгородских находок широко представлены столовая и кухонная посуда, утварь для хранения продуктов и домашних вещей. Анализ этого материала показывает, что уже в X—XI вв. есть все виды сосудов и посуды, известные по этнографическим материалам XVIII—XIX вв. Новгородцы изготовляли бондарные, резные, долбленые, токарные, берестяные, лубяные и плетеные из прута, лозы, драни, лыка, коры сосуды разной емкости.

Бондарные изделия, т. е. сосуды, сделанные из отдельных планок-клепок, скрепленных обручами, наиболее распространены. Это бочки, кадки, ведра, жбаны и кружки, ушаты и лоханки, мафлойки и др. Размер бочки колебался от маленького бочонка диаметром 0,2 м и высотой 0,25 м до огромных водовозных бочек диаметром 0,7 и высотой 1,25 м. Обручи на всех бондарных сосудах чаще изготовлялись из дерева, но многочисленны и железные обручи. Кадки (сосуды с открытым верхом) также разных размеров — от больших диаметров 0,8—0,9 м для варки и пива кваса до малых диаметров в 0,3 м. В кадках хранили воду, всевозможные соленья, зерно, муку, заводили тесто и т. п. Более постоянная форма и размеры были у ведер для носки воды; ушки для дужек делались железные и деревянные, обручи и дужки были железные. Ушаты и лоханки разных форм и размеров служили для приготовления пищи людям и домашней скотине, для стирки белья, мытья и т. п. Жбаны и кружки — это настоящая посуда для меда, пива, кваса; жбанчики часто делались с крышками и ручками.

Также широк и разнообразен ассортимент столовой токарной посуды (рис. 2 и 3). Представлены все, известные по этнографическим и письменным источникам, формы — чаши, чашки, мисы, блюда, ставцы, братины, кубки и сосуды на «стоянах», чарки, чаши фигурные, чаши плоскодонные, солоницы. Делались эти сосуды в основном из клена и ясеня. Чаши (сосуды диаметром 15—30 см полусферической, немного приплюснутой формы,

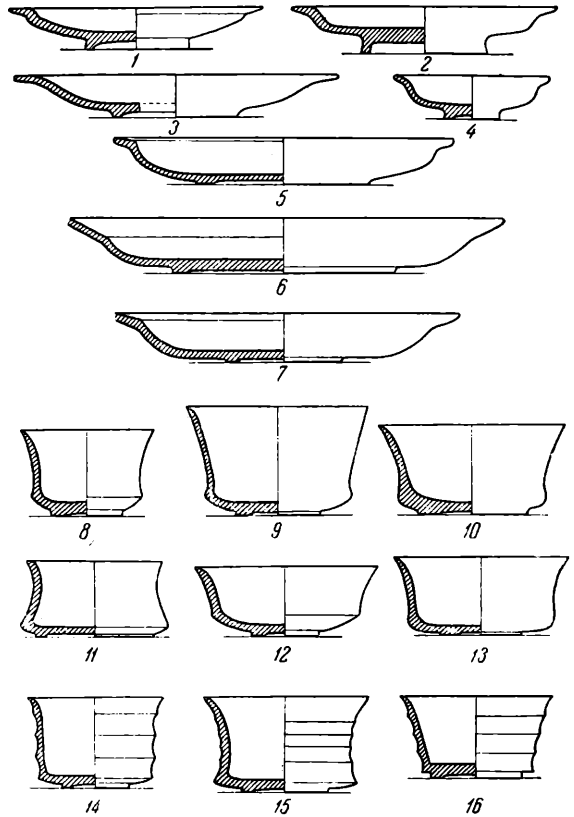

Рис. 3. Столовая деревянная резная посуда из Новгорода

1—7 — блюда в $\frac{1}{7}$ нат. вел.; 8—16 — ставцы в $\frac{1}{7}$ нат. вел.

⁹ М. Н. Тихомиров. Летопись нашей эпохи. Известия, № 259, 1962.

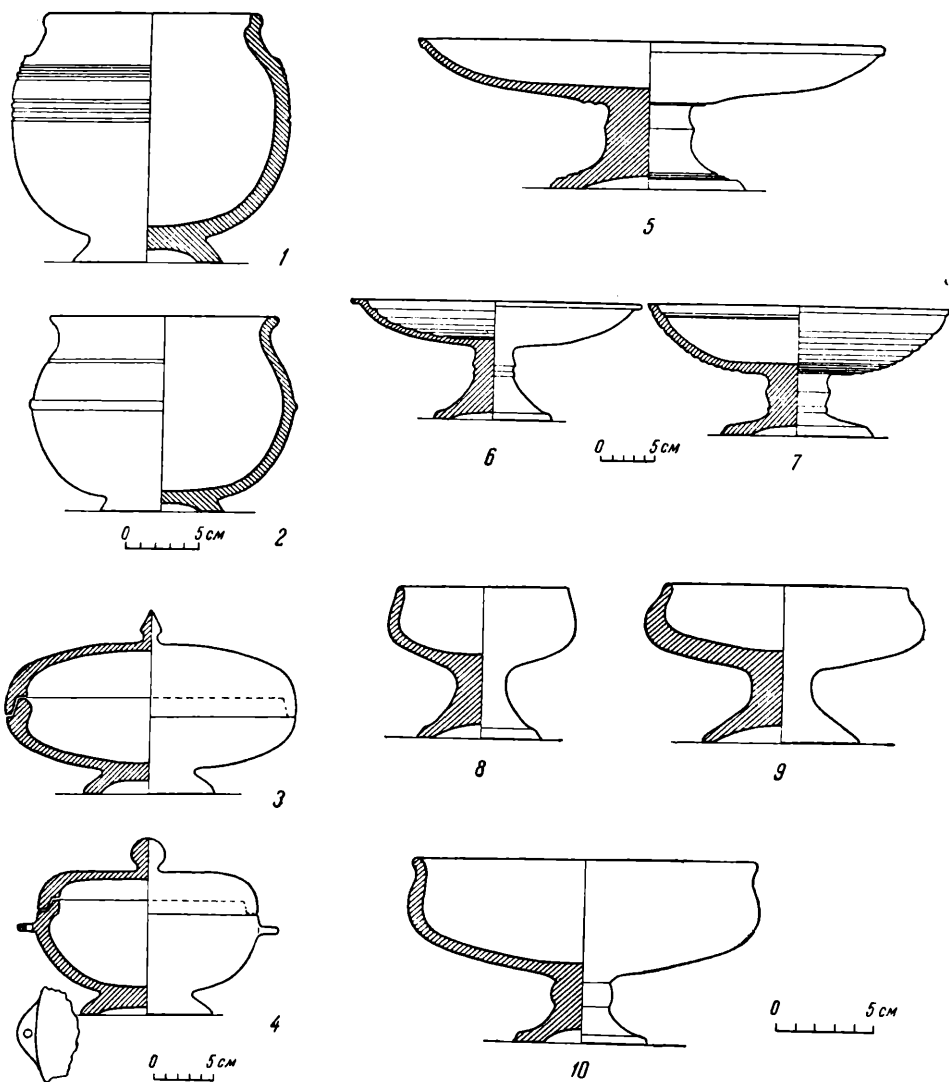

Рис. 4. Столовая парадная деревянная точеная посуда из Новгорода

1, 2 — братины; 3, 4 — мисы столовые; 5—7 блюда на стоянках; 8—10 кубки

с прямым венчиком и низким плоским поддоном) — наиболее распространенный вид посуды, встреченный в слоях всех веков. Чашки — подобны чашам, но более приплюснутой формы и меньшего диаметра, употреблялись для напитков. Мисы — тоже массовая форма столовой посуды; это глубокий сосуд диаметром 25—40 см на высоком поддоне, с выпуклыми стенками и фигурным венчиком (хронологически мисы делятся на три типа). Блюда — это плоские неглубокие сосуды диаметром до 44 см с плавно раскинутыми стенками, небольшим круглым поддоном, широкими фигурными краями и плоскими бортиками. Типологически и хронологически блюда разделяются на три типа; третий — похож на современную мелкую тарелку. Ставцы — это глубокие сосуды полусферической формы, наподобие чаш, с низким поддоном и крышкой (средний размер около 30 см). Братины — сосуды шарообразной формы, крупного размера; это праздничная столовая посуда для подачи напитков (рис. 4—1, 2). Кубки и другие подобные формы — это сосуды на стоянках, т. е. высоких ножках (см. рис. 4—5—7). Они были красивы и нарядны. Стоян (ножка) состоял из широкой опо-

ры — донца — и тонкой удлиненной шейки, которая всегда украшалась. Сосуды на стояне в Новгороде бытовали уже в X в. Точеные солоницы с крышками делались подчас очень интересных и сложных форм.

Разнообразна по назначению и форме долбленая и резная деревянная посуда. Уже в слоях X в. найдены братины, ендывы, скобкари, мисы, солоницы и чаши с ручками. Резные братины, как и точеные, — это большие сосуды, но с более открытым верхом, служащие для выноса напитков. Ендывы — крупные сосуды, напоминающие глубокие мисы, но с отогнутым носиком для слива жидкости. Скобкари — это тоже большие сосуды в виде чаши круглой или овальной формы, с двумя ручками; в них наливали напитки, которые затем черпали ковшами. Скобкари чаще всего делались из корневищ. В слое XIII в. найдена целая заготовка скобкаря с размахом ручек в 75 см. Резные чаши с ручками были распространены значительно шире в X—XII вв., чем в более позднее время; они очень часто украшались резьбой, которой обычно покрывали верх плоской ручки.

Широко представлены также разнообразные виды резных ложек, ковшей, половников. Огромна (около 1000 экз.) коллекция ложек. Они сделаны исключительно из клена и делятся на несколько типологических и хронологических групп. Развитие формы ложки, характерное для резной посуды вообще, идет по линии упрощения, художественного обеднения вещи и выработки строгого массового стандарта. Ручки ложек часто украшались резьбой (в основном — плетенка и растительные узоры) и иногда заканчивались фигурными или геометрическими коковками. Сама ложка внутри и снаружи иногда украшалась разнообразными орнаментами и рисунками, выполняемыми красочной росписью или техникой тонкого выжигания иглой. Интересна ложка из слоя XIV в. На ее внутренней поверхности тончайшим контуром и раскраской изображен воин с мечом и щитом в руках; на обороте в той же технике выполнен растительный узор, где место пальметок занимают личины фантастических зверей. Нижняя часть черенка украшена плетенкой, а выше написано имя хозяина ложки — Ивана Варфоломеевича.

Многочисленны ковши — сосуды с одной ручкой; в X—XII вв. они украшались фигурной или объемной резьбой, ручки вырезались в виде разнообразных реальных или чаще фантастических животных. Излюбленными были ковши с ручками в виде драконов (найденно более 20). С XIII в. этот мотив исчезает и ковши делаются с прямой или стилизованной в виде утиной головы ручкой.

Во всех слоях встречены резные и долбленые хозяйственные сосуды — корыта, ночвы, долбленные кадушки, ступки, совки, черпаки и т. п. Берестяные и лубяные изделия включали два основных вида. Большие коробки для хранения одежды и других вещей делали из луба и обтягивались берестой и, как правило, украшались расписными узорами. Делались они круглой (диаметром до 0,7 м и высотой 0,4—0,5 м) и овальной формы. Берестяные сосуды — бураки-туесы (диаметром 11—13 см, высотой до 15 см) всегда изготовлялись с крышками и чаще всего были цилиндрической и реже овальной формы; они часто расписывались и украшались резной берестой. Из плетеных сосудов упомянем сосуды из «сосновой лозы» — тонких сосновых корней. Основная форма — горлатки с крышками; применялись они для хранения разных сыпучих продуктов.

Кроме ведер, кадок и другой посуды для воды, найдены деревянные и глиняные рукомойки, коромысла; из кухонных принадлежностей — хлебные лопаты, деревянные угольники — кочерги, еловое помело, железные сковороды, таганки и чашельники, хозяйственные весы (железные и деревянные безмены), мутовки, вальки, ступы с пестами, счетные бирки. Настенных деревянных крюков для одежды и утвари найдено несколько сот. Их средний размер от 10 до 15 см. Более 30 крюков художественно оформлены, в виде фигурки птицы, зверька и т. п.; наиболее интересны тонко вырезанные лебеди и утки (рис. 5):

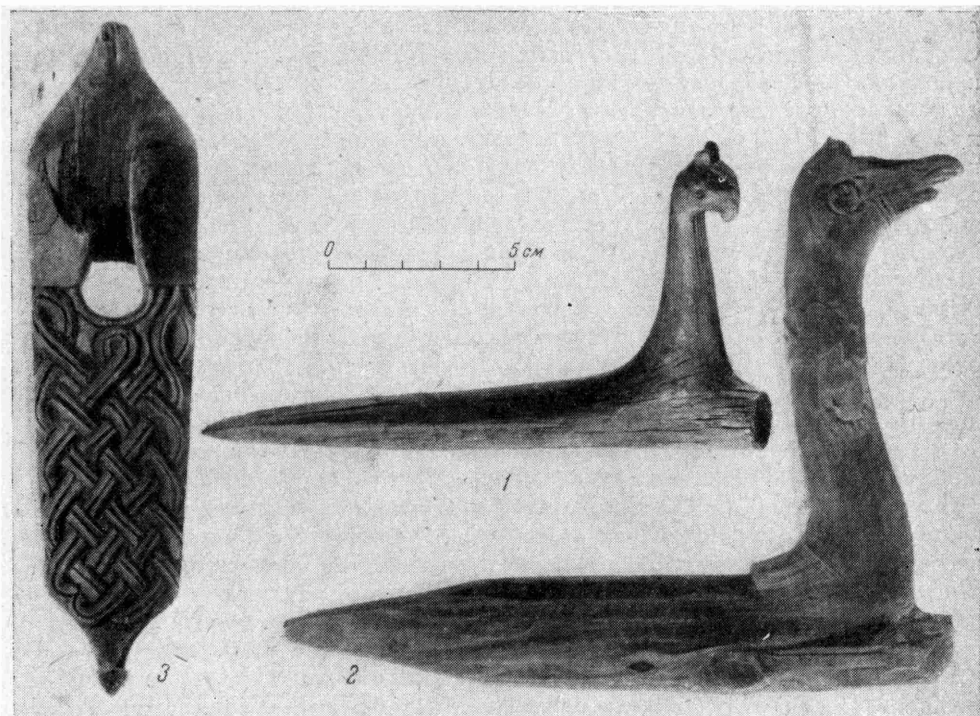

Рис. 5. Настенные деревянные крюки-вешалки из Новгорода (1—3)

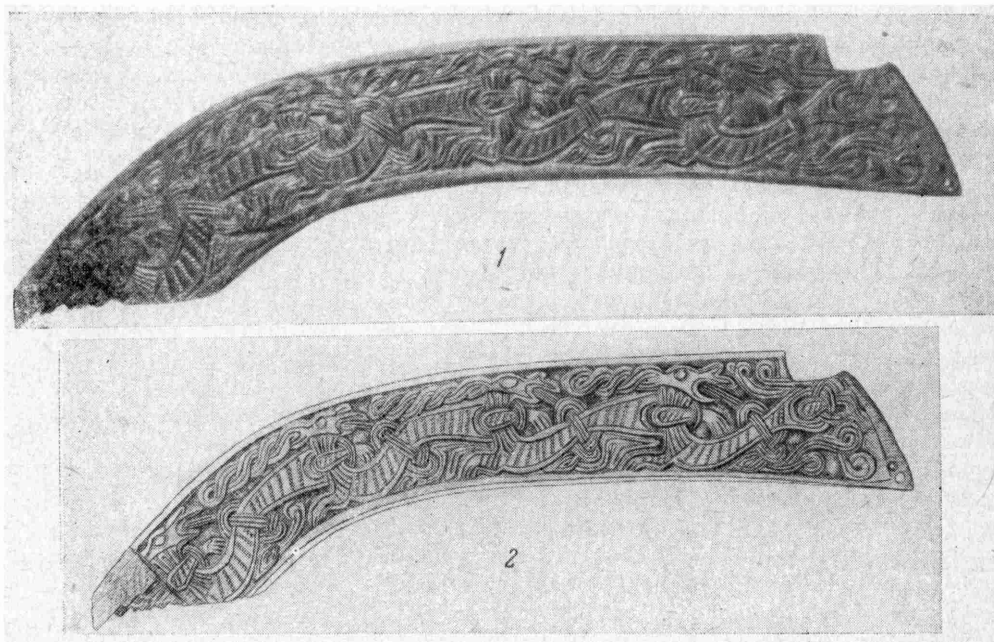

Рис. 6. Художественная резьба по дереву. Орнаментальный брус спинки кресла X в. Сцены с пожирающими драконами
1 — фотография; 2 — прорисовка

Во фрагментах представлены виды мебели: кресла (рис. 6), столы, скамьи, стулья, полати, сундуки, люльки и др. В слое XII в. найдена деревянная колыбель с высокой, украшенной за-тейливой резьбой, головной стенкой, в слое XIII в. — целая рамочная люлька: на согнутую из деревянного прута раму натянуто веревочное основание, покрытое несколькими слоями бересты; такая люлька подвешивалась к потолочному очепу. Встречены также все виды осветительных приборов — железные светцы для лучины с крытами, подсвечники со свечками, каганцы и светильники, кресала с фитилями. Многочисленны бытовые предметы из кости. Многие из них украшены резьбой (рис. 7). Сделанный частичный обзор материалов по ремеслу и утвари показывает сколь детально и конкретно эти предметы освещают занятия и домашний быт древних новгородцев, о которых мы располагали лишь самыми общими данными, а чаще не знали ничего.

4

Новгородцы были не только искусными ремесленниками, но и знаменитыми корабельщиками: по рекам и озерам они плавали из Балтийского — «Варяжского» моря в Черное — «Русское» море. Множество летописных известий говорит о плавании новгородцев «за море». Под 1130 г. в Новгородской летописи отмечено морское путешествие «в готы»; в 1187 г. новгородцы взяли с моря и разрушили шведскую Сигтуну. Из подобных известий мы узнаем только два названия судов — корабли и лодьи. Относительное представление о размерах древнерусских судов нам дает Русская Правда. Устанавливая сумму штрафа за кражу судна там перечисляются: морская лодья, набойная лодья, лодья, струг и челн. Разница в штрафе между челном и морской лодьей была двадцатикратной. В Неревском раскопе во всех его слоях собраны сотни разнообразных частей и деталей судов различных конструкций и размеров — набойных лодьей, челнов-долбленок — и полный набор корабельного снаряжения. К XII—XV вв. относятся детали больших озерных кораблей: части килевого бруса, целые форштевни и архштевни, шпангоуты разных форм и размеров, доски обшивки и бортов, весла кормовые и бортовые, уключины, черпаки, нагели, железные скобы, детали парусного снаряжения и другие находки. Подобные корабли — «соймы» плавали на Ильмене до последнего времени. Вероятно, такую же конструкцию имели и знаменитые «ушкуи», на которых новгородцы ходили по Волге, Каме и другим рекам далеко на восток и на юг. Можно судить и об их размерах. Длина форштевня, изготовлявшегося из массивных сосновых брусьев со сложными элементами креплений кия и бортовых досок, достигала 1,25 м — это высота судна в носовой части; длина судна достигала 10 м, а возможно была и значительно больше. По величине некоторых шпангоутов можно полагать, что ширина корабля превышала 3 м. Центральный руль на кораблях в Европе появляется только в конце XIII в.¹⁰, а до этого

Рис. 7. Новгород. Художественная резьба по кости, обкладка рукоятки. Парижская работа начала XIV в.

¹⁰ R. Lefebvre des Noettes. De la Marine Antique à la Marine Moderne. Paris, 1935.

были только кормовые весла. На Неревском раскопе в разных слоях их найдено более 30; они достигали в длину 2 м и более; на конце рукоятки для управления — поперечный брусок, лопасть весла, часто фигурных очертаний, длиной около 1 м и шириной до 0,3 м. Такие кормовые весла, по аналогии с веслами хорошо известных кораблей викингов¹¹, могли применяться на больших морских, озерных и иных судах длиной до 20 м. Другие мелкие детали — коуши, кляпы и др., сделанные из дерева и кости, свидетельствуют о сложной парусной оснастке новгородских кораблей.

Более многочисленны находки частей челнов и стругов (учанов). Свыше 100 шпангоутов найдено от челнов, так называемых лодок однодеревок. Их основой был выдолбленный (а затем развернутый по ширине) из бревна осины или дуба челн, на борта которого добавляли бортовые насады. Несколько десятков шпангоутов принадлежат лодкам, сделанным целиком из наборных бортовых досок. Найдено более 100 лодочных уключин, несколько десятков весел, включая и малые кормовые, днища, скамейки и другие детали.

Освещена находками и история новгородского сухопутного транспорта. Судя по летописным источникам и миниатюрам, в древней Руси существовало два вида: повозка на колесах — «кола» — и сани. В Новгороде же зимой и летом пользовались исключительно санями. На несколько сот деталей саней не найдено ни одной ют колесной повозки, и прежде всего колеса или его части. Санных полозов собрано более 200 разных конструкций и размеров, копылов более 750 (более 100 из них украшены резьбой, в основном мотивом плетенки). Кроме этого, найдены грядки, вязки, отводы, детали кузовов и оглобли. Сравнение санных полозов и копылов с этнографическим материалом XVIII—XIX вв. позволило выделить шесть типов саней, бытовавших в Новгороде в XI—XIV вв.: грузовые обычные (дровни), грузовые тяжеловозы, легковые, легковые с высокой грядкой (беговые), сани-возки (кибитки с закрытым кузовом) и малые ручные, они же детские салазки. Кроме саней, для перевозки бревен и досок новгородцы применяли волокуши. Найдены четыре волокуши абсолютно одинаковые с современными, употребляемыми еще и сейчас на востоке Новгородской области на лесозаготовках для вывоза из леса бревен.

Из конского снаряжения, кроме уздечки, найдены хомуты и деревянные детали седел (луки и лавки). На хомутах стоит остановиться более подробно.

Как известно, на древнем Востоке, в Греции, в Риме и вообще во всем мире в эпоху античности и позже, запрягая в повозку коня, на его шею надевали мягкое ярмо. Ярмо давило на грудь лошади, затрудняло дыхание, в силу чего нельзя было давать лошади значительную нагрузку. Это тормозило развитие конного транспорта и использование лошади в хозяйстве. В VII в. н. э. в Китае был изобретен жесткий хомут, который переносил упор с груди на плечи лошади. Эта новая конская упряжь позволила в пять раз увеличить нагрузку, т. е. значительно повысить коэффициент полезного действия коня. Ранее считали, что это изобретение достигло Европы в начале XI в. и было в первую очередь достоянием франков и норманов¹². На Неревском раскопе в слоях X—XIV вв. найдено 18 комплектов деревянных клещей от хомутов (это основная их деталь). Форма хомута все это время была одна и та же и ничем не отличалась от современной. И так, в Новгороде уже во второй половине X в. была известна новая, законченная конструкция конской упряжки. Это изобретение дало большой эффект и прежде всего в земледелии.

Здесь необходимо упомянуть и лыжи. В слоях всех веков, но особенно XIV в., обнаружено 12 целых и обломанных лыж конструктивно развитой формы.

¹¹ A. W. Brøgger and H. Shetelig. The viking ships. Oslo, 1951.

¹² R. Lefebvre des Noettes. L'Attelage. Paris, 1931.

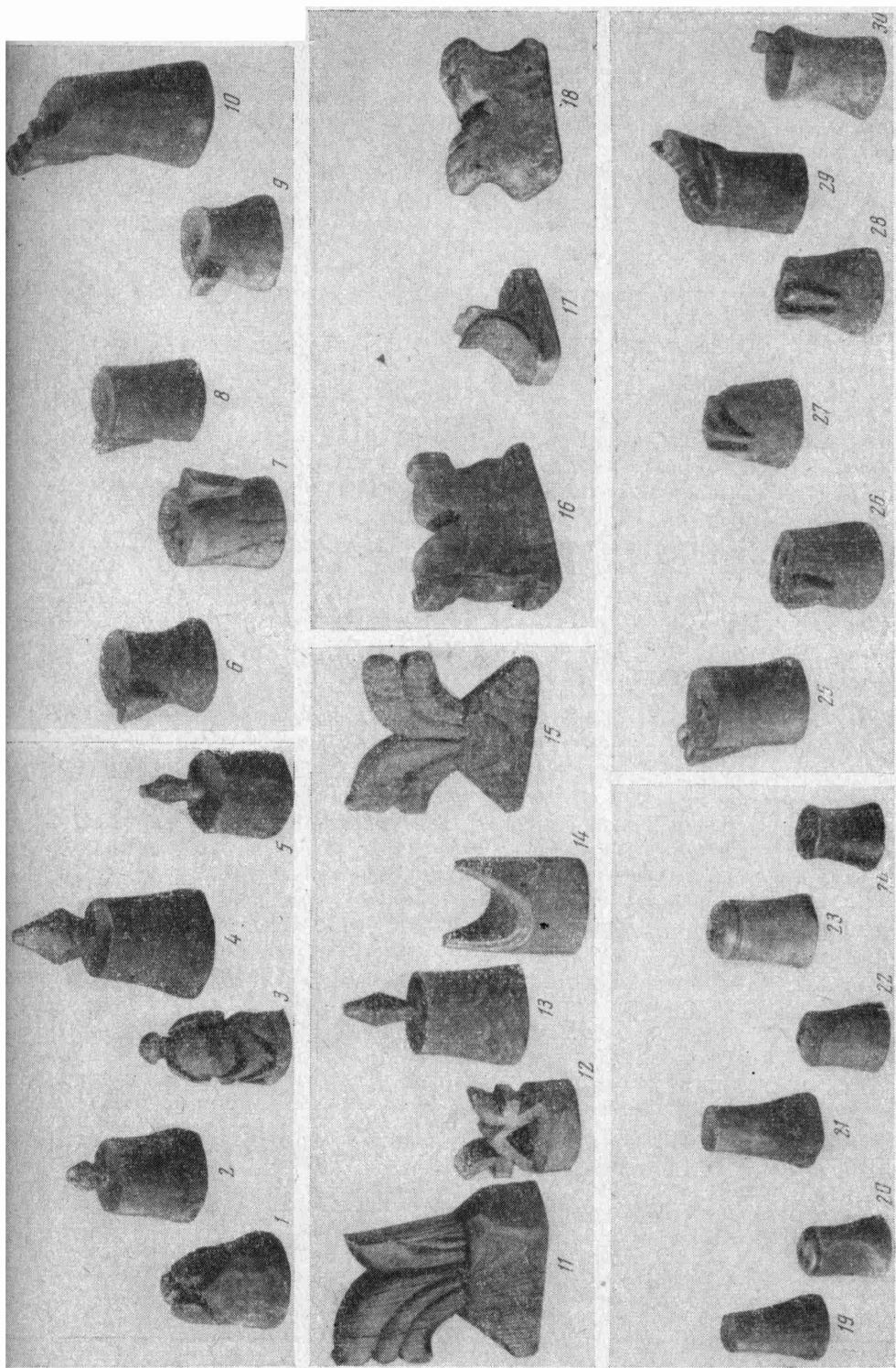

Рис. 8. Шахматные фигуры XIV в. из Новгорода
 1—5 — короли и ферзи; 6—10 — кони; 11—18 — ладьи; 19—24 — пешки; 25—30 — слоны

Коснемся находок из мира детских игрушек, игр взрослых и музыкальных инструментов. Игрушки сделаны в основном из дерева. Найдено несколько деревянных плоских и объемных кукол размером от 15 до 25 см и более 100 фигурок животных — зверьков и птиц. Изображения иногда довольно реалистичны, но чаще стилизованы. Фигурки стояли на стерженьке или четырех ногах, которые крепились к плоской площадке, позволявшей игрушку ставить. Много глиняных погремушек, свистулек, игрушечной посуды. Самой распространенной игрушкой для мальчиков был волчок: в слоях всех веков их обнаружено более 700. Они имели форму современных

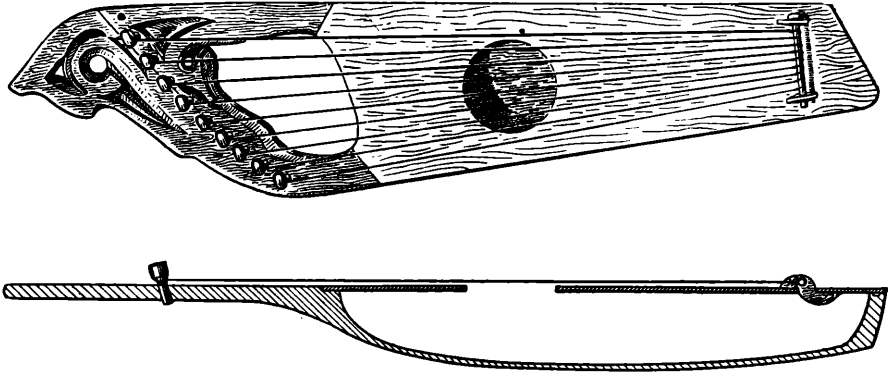

Рис. 9. Гусли XIII в. из Новгорода

кубарей. Пускали их с помощью веревки, подхлестывая все время плеткой. Собрано несколько сот деревянных мечей, ножей, луков и стрел. Игрушечное оружие часто повторяло форму боевого; таковы стрелы с наконечниками и оперением или мечи с украшением навершия, перекрестья и рукоятей. Любили маленькие новгородцы ездить на конях-скакалках, длинных палках с плоской или объемной фигуркой коня с уздечкой. Таких скакалок найдено более 50. Делались и игрушечные инструменты, например, игрушечные железные топоры, насаженные на деревянное топорыще. Играли новгородские дети в кожаный мяч, костяные бабки, катались на костяных коньках и на лыжах. Мальчики играли в шар-мазла, игру, несколько похожую на хоккей — деревянный шар загоняли в лунку в земле специальной клюшкой. Шары и клюшки найдены во множестве.

Из настольных игр взрослых широко представлены шахматы, шашки, мельница, кости. Самой распространенной игрой, была, вероятно, мельница. На раскопе найдено более 60 досок для игры в мельницу. На доске изображались три квадрата, один внутри другого, с разделенными пополам сторонами (типа лабиринта). Эта игра распространена во всем мире, сейчас в нее играют в средней и южной Европе (например, в Чехии и Греции), Азии и Африке. Новгородцы играли в мельницу уже в XI в. Широко распространены были шахматы. В слоях XII—XV в. найдено 67 шахматных фигур от 41 комплекта (рис. 8). В XIV в. в каждой усадьбе играли в шахматы. В коллекции представлены все фигуры: короли, ферзи, ладьи, слоны, кони и пешки. Фигуры значительно отличались от современных: они были геометрическо-абстрактного типа, распространенного в то время в Европе и на Востоке. Костяных и деревянных фигур шашек в слоях XI—XV вв. найдено более ста. Меньше, вероятно, играли в кости. Костяных кубиков размером в 1,0—1,5 см найдено только 12.

Новгородская почва сохранила и такие редчайшие вещи, как музыкальные инструменты. Найдены гусли, свирели (сопели) и железные варганы

со стальным язычком. До новгородских раскопок мы совершенно не знали ни устройства, ни вида древних гуслей. А без гуслей не обходился, как свидетельствуют многочисленные письменные источники, ни один праздник, ни одно «игрище» и пир. Всего в слоях XII—XV вв. найдено 13 гуслей; из них два экземпляра совершенно целых и два полуфабриката — недоделанные инструменты (в них еще не полностью выдолблен выем и нет отверстий для колков). Корпус гуслей делался долбленным из одного куска дерева и был ладьевидной формы, с полочкой на конце для колков, на которые натягивались струны (рис. 9). Гусли делались разного размера. Длина найденных экземпляров колебалась от маленьких трехструнных, размером в 20 см, до больших восьмиструнных, размером в 70 см. Найдены также четырехструнные и шестиструнные гусли. Верхняя доска — дека — делалась обычно тонкой с круглыми и фигурными отверстиями в центре.

6

Мы коснулись только трех из многих десятков тем, освещение которых впервые стало возможным благодаря новгородским раскопкам. Если к этому добавить берестяные грамоты, которые жители Новгорода писали и читали во множестве, трудовые навыки и ремесленную технику, раскрытую физическими методами исследования, и многое другое, то станет ясным, какой гигантский материал получила наука для реконструкции истории и культуры древнего Новгорода и древней Руси в целом.

За истекшее время большой коллектив археологов Новгородской экспедиции проделал огромную работу по изучению и изданию отдельных видов и категорий новгородских древностей. Часть из этих материалов уже опубликована¹³. Нельзя не отметить, что коллектив Новгородской экспедиции одним из первых стал широко применять в своих работах новые аналитические методы естественных и технических наук: дендрохронологию, структурный анализ (металлография и петрография), спектральный анализ, специальные макро- и микротехнологические исследования тканей, физическое моделирование, агробиологические и другие методы.

Археологическая коллекция Неревского раскопа при четкой стратиграфии культурного слоя, позволяющей с относительной точностью датировать вещи, стала своеобразной энциклопедией русских древностей. Прошедшая в 1959—1961 гг. в Институте археологии АН СССР дискуссия по хронологии Неревского раскопа способствовала ее уточнению¹⁴. В ее итоге при сохранении в основе членения культурного слоя «яруса» его выделение стало более точным и дифференцированным. Ярусом мы называем часть культурного слоя, выросшую за время существования какой-либо одной

¹³ Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959; А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого. Там же, стр. 121; М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода. Там же, стр. 223; Н. В. Рындина. Технология производства новгородских ювелиров. МИА, № 117, 1963; Ю. Л. Шапова. Стекланные изделия Новгорода. Там же, стр. 104; ее же. Стекланные бусы древнего Новгорода. МИА, № 55, 1956, стр. 164; М. Д. Полубояринова. Стекланные браслеты древнего Новгорода. МИА, № 117, 1963, стр. 164; А. В. Кирьянов. История земледелия Новгородской земли. МИА, № 65, 1959, стр. 306; С. А. Изюмов. Кожевенное и сапожное ремесло Новгорода Великого. Там же, стр. 192; Г. П. Смирнова. Опыт классификации керамики древнего Новгорода. МИА, № 55, 1956, стр. 228; А. Ф. Медведев. Водоотводные сооружения и их значение в благоустройстве Новгорода Великого. Там же, стр. 208; В. Л. Янин. Вислые печати из Новгородских раскопок. МИА, № 55, 1956, стр. 138; егo же. Печати из Новгородских раскопок 1955 года. МИА, № 65, 1959, стр. 299; С. А. Янина. Неревский клад кувических монет X века. МИА, № 55, 1956, стр. 180; ее же. Второй Неревский клад кувических монет. МИА, № 117, 1963.

¹⁴ Б. А. Рыбаков. К вопросу о методике определения хронологии новгородских древностей. СА, 1959, № 4; А. В. Арциховский. О новгородской хронологии. Там же; Б. А. Рыбаков. Что нового вносит в науку статья А. В. Арциховского «О новгородской хронологии?». СА, 1961, № 2; А. В. Арциховский. Ответ Б. А. Рыбакову. СА, 1961, № 3.

деревянной мостовой, относя к нему дома, построенные в этот период, а также и все попавшие за этот срок в землю вещи и предметы. Определяя время постройки мостовой улицы того или иного яруса, мы устанавливаем начальную дату соответствующего яруса. Для установления хронологии новгородских уличных настилов и построек на усадьбах был широко применен дендрохронологический метод датировки¹⁵. В итоге была получена абсолютная хронология настилов мостовых и построек на раскопах XXVIII—XXXII. Теперь даты сооружения деревянных настилов Великой, Кузьмодемьянской и Холопией улиц, т. е. хронология ярусов такова:

Мостовая	28-го	яруса	—	953	г.	мостовая	14-го	»	1238	г.
»	27-го	»		972	г.	»	13-го	»	1268	г.
»	26-го	»		989	г.	»	12-го	»	1281	г.
»	25-го	»		1006	г.	»	11-го	»	1299	г.
»	24-го	»		1025	г.	»	10-го	»	1313	г.
»	23-го	»		1055	г.	»	9-го	»	1340	г.
»	22-го	»		1076	г.	»	8-го	»	1369	г.
»	21-го	»		1096	г.	»	7-го	»	1382	г.
»	20-го	»		1116	г.	»	6-го	»	1396	г.
»	19-го	»		1134	г.	»	5-го	»	1409	г.
»	18-го	»		1161	г.	»	4-го	яруса	1422	г.
»	17-го	»		1177	г.	»	3-го	»	1429	г.
»	16-го	»		1197	г.	»	2-го	»	1446	г.
»	15-го	»		1224	г.	»	1-го	»	1462	г.

Археологические работы в Новгороде продолжаются. В 1962 г. на Торговой стороне Новгорода, на углу Ильинской и Первомайской улиц заложен новый, Ильинский раскоп. Его площадь 600 кв. м, толщина культурного слоя достигает 6 м.

¹⁵ Б. А. Колчин. Дендрохронология Новгорода. СА, 1962, № 1; его же. Дендрохронология Новгорода. МИА, № 117, 1963; его же. Дендрохронология построек Неревского раскопа. МИА, № 123, 1963.

II. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

Б. А. РЫБАКОВ

ЛЮБЕЧ — ФЕОДАЛЬНЫЙ ДВОР МОНОМАХА И ОЛЬГОВИЧЕЙ

(содержание доклада)

Полная неизученность русских феодальных замков раннего средневековья нередко приводила к ошибочным выводам в оценке русского феодализма вообще. Одна из насущных задач нашей археологии — систематическое изучение русских замков X—XIII вв. Любеч представляет большой историко-археологический интерес благодаря удачному сочетанию летописных и археологических данных о нем. Он упоминается в летописях в связи с событиями 882, 1016, 1097, 1147, 1180 гг. О Любече пишет Константин Багрянородный в середине X в. Есть о нем и более поздние сведения XV—XVIII вв.

Археологический комплекс Любеча находится на высоком берегу Днепра. Здесь на протяжении 5 км расположены: курганный могильник IX—X вв., языческое святилище (?), замок XI—XII в., древний городок VIII—X вв., посады X—XII вв., монастырь, урочище «Гончары» XI—XII вв., пристань X—XII вв., урочище «Кораблище», придорожные курганы-вехи на дороге в Чернигов. Раскопки 1957—1960 гг. позволили наиболее подробно изучить комплекс укреплений посада и одновременный этим укреплениям замок, расположенный на отдельно стоящей высокой горе. За четыре года работ все городище «Замковая Гора» (3000 кв. м) раскопано полностью.

Стратиграфия городища: нижний аморфный слой содержит керамику бронзового века и зарубинецкую; несколько сооружений относится к роменской культуре IX—X вв. и несколько (в том числе стекловаренная печь) к первым двум третям XI в. (?). Основной слой замка — последняя треть XI в. до 1147 г., когда Любеч был сожжен врагами. Затем следует незначительный слой XII—XIV вв. Верхний слой с большим количеством сооружений относится к XVI—XVII вв. К концу XIX — началу XX в. относятся два сооружения и котлован раскопок 1910 г. Край городища сильно поврежден траншеями 1941—1943 гг.

Особенность Любечского городища (Замка) — хорошая сохранность потолочных насыпок каждого этажа; этому способствовало, во-первых, наличие глубоких подземелий в каждом доме, во-вторых, планомерное сожжение всего замка в 1147 г. и, в третьих, — незначительность построек после пожара 1147 г., когда в Любече жили только «псары да половцы». Потолочные насыпки состоят из чередования слоев дерева (бревенчатый накат), земли над деревом и на самом веру — глины, являвшейся полом следующего этажа. Удалось проследить до четырех потолочных насыпок, т. е.

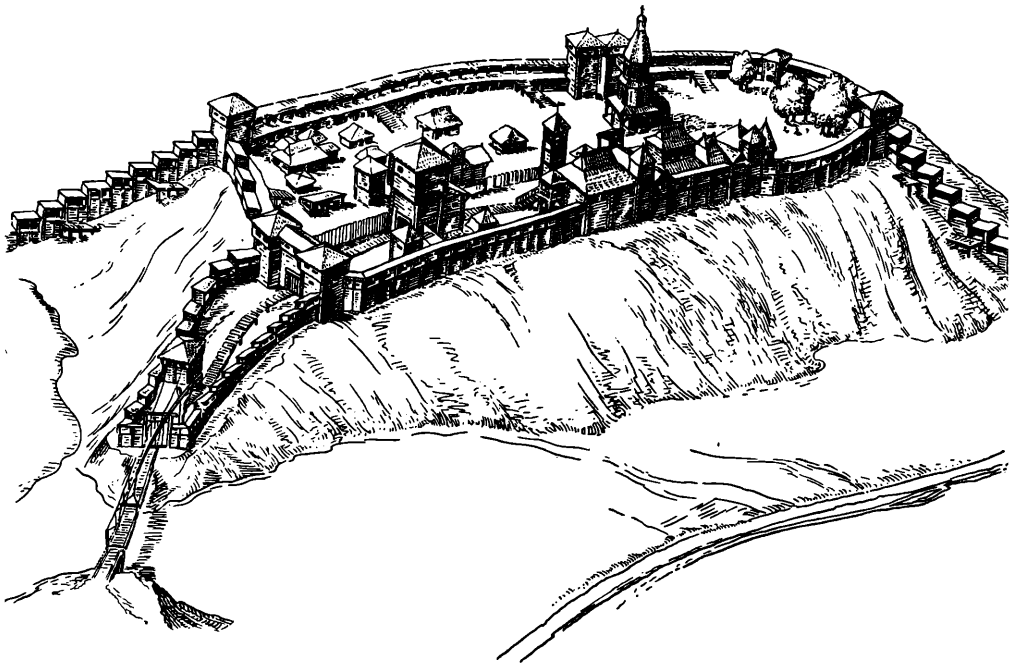

Рис. 10. Любеч. Реконструкция

установить наличие в замке четырехэтажных зданий (дворцовые башни, башня-донжон, деревянная церковь). Декоративностью отделки выделяются полы вторых этажей во всех этих зданиях.

Укрепления города состояли из массивного глиняного вала, насыпавшегося в три приема (три сезона?); поверх глиняной основы были поставлены поперек дубовые городни. Обнаружена квадратная башня-вежа (6 × 6 м) с двойными стенами. Установлено использование трапециевидных шаблонов из легких жердей, которые устанавливались на месте будущего вала через 10 саженей для определения точного профиля глиняной подушки. Укрепления замка одновременны стенам всего города. Они состояли из городен и примыкающих к ним изнутри вплотную жилых срубов с плоскими, покрытыми глиной крышами. Въезд в замок начинался с подъемного моста, поднимаемого «жеравцем» и воротом, помещенным в особой башне. Ворота — узкий проем глубиной в 6 м с тремя заслонами — были в двойной башне. Около ворот обнаружен ход на стены и нечто вроде караульного помещения. На одной из площадок замка найдены остатки пологого схода на столбах, ведущего прямо на стену (на крышу жилищ у стен). В трех пунктах замка обнаружены потерны, «дыры градные».

Главным сооружением замка был дворцовый комплекс длиной около 40 м, шириной 9—13 м (рис. 10). Прямоугольник дворца, входивший в линию южной стены, был разделен поперек на три секции. Средняя (9 × 12 м) покоилась на большом количестве срубов первого этажа; на втором этаже, очевидно, был главный зал, украшенный рогами и поливными керамическими дисками. Главное крыльцо примыкало к западной секции, заднее — к восточной. Средняя часть дворца была трехэтажной. Дворец имел три или четыре небольших башни. В северной стороне дворца, обращенной во двор, возможно, находились сени.

Неподалеку от дворца располагалась башнеобразная деревянная церковь, крытая шатром с небольшой главой, обитой свинцовыми пластинами. За церковной апсидой начиналось небольшое кладбище. На запад от церкви был расположен участок хозяйственных клетей, кладовых «медовуш»,

насчитывавший около десятка отдельных, преимущественно одноэтажных построек.

Обнаружено большое количество житных ям и ям для воды, которые могли обеспечить на случай осады гарнизон замка (250—300 человек) на один год. Хозяйственный район был отделен тыном.

Особо интересна просторная мощная четырехэтажная башня с двойными стенами, поставленная между воротами, дворцом, крепостной стеной и тыном хозяйственного участка. В военное время башня могла быть донжоном. Судя по ее местоположению, башня относилась к управлению замком — ее четыре двери вели к четырем важнейшим разделам замка: к воротам, к стене, к кладовым с «готовизиной» и к княжескому дворцу.

На втором этаже башни-донжона был красивый глиняный пол из белой и красной глины, как во дворце; этаж этот тоже был украшен рогами и керамическими дисками.

В глубоком подzemелье башни найден клад золотых и серебряных вещей (широкие браслеты, бусы, бляшки с перегородчатой эмалью, перстни и др.) богатого боярского круга. Хозяином башни был, по всей вероятности, «огнищанин-дворский» — боярин, комендант замка, управлявший из нее всеми функциями княжеского двора.

Условия гибели замка в 1147 г., когда он был, очевидно, предварительно ограблен (как дворы Ольговичей в 1146 г.), а потом сожжен, не позволили бытовому инвентарю сохраниться полностью. Лишь кое-где, преимущественно в углах домов или за деревянной обшивкой подвалов обнаружены серебряные денежные гривны (одна с надписью ПОЛОНЪ) и драгоценности. Только один дом, условно называемый «дом священника», сохранил утварь.

В разных местах найдено пять шиферных пряслиц с надписями XI—XIII вв. Одна из них написана самим мастером-кремнерезом: «Иванко сделал это тебе, единственной дочери». В других надписях есть имена Нежины, Степаниды, Николая и начало азбуки от А до Э.

Сочетание археологических и исторических данных позволяет считать строителем города и замка XI в. черниговского князя Владимира Мономаха (1078—1094 гг.). Во времена знаменитого Любечского съезда в 1097 г. Любеч принадлежал уже Олегу Святославичу, при племянниках которого — Владимире и Изяславе Давыдовичах — и был сожжен смоленским князем.

Любечский комплекс впервые в истории русской и славянской археологии позволил нам представить себе облик богатого феодального замка XI в. с его планировкой и размещением военных и хозяйственных объектов. Определилось и соотношение обширного ремесленного посада и резко обособленного от него княжеского двора. Мы знаем теперь сложную и глубоко продуманную систему организации замка с его дворцом, теремами и идущими вдоль стен жилищами челяди, «истобкой» огнищанина-дворского, «узилищем», церковью, заборолами и боевыми башнями, складами «готовизны», «медовушами» и «бретьяницами», смотровыми вежами, «дырами градными», потайными спусками, воротами с заслонами и «възводным мостом с жеравцем».

С. А. ПЛЕТНЕВА

О ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ОКРАИНЕ
РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ В ДОМОНГОЛЬСКОЕ ВРЕМЯ¹

Во время разведок Северо-Донецкого отряда в верховьях Северного Донца, Оскола и Дона с целью поиска и обследования городищ и селищ VIII—IX вв. было обнаружено несколько древнерусских поселений, датирующихся обломками типичной русской керамики XII—XIII вв.

Поселения эти весьма интересны, поскольку дают возможность установить с большей долей вероятности, чем это делалось до сих пор, южную, вернее юго-восточную границу русских земель в XII—XIII вв.

До настоящего времени в бассейне Северского Донца и Дона был хорошо известен только один древнерусский пограничный пункт — Донец. Донецкое городище находится в окрестностях Харькова, на правом берегу р. Уды, у с. Карачева (рис. 11—1). Оно неоднократно исследовалось археологами, начиная с Н. Е. Макаренко и В. А. Городцова и кончая Б. А. Шрамко². Продолжая работы предшественников, Б. А. Шрамко раскопал городище полностью и частично исследовал окружавшие его большие посады. Раскопки показали, что городище, построенное славянами в VIII—IX вв., продолжало существовать (с небольшим перерывом) вплоть до татаро-монгольского нашествия, т. е. до середины XIII в.³ Под 1185 г. Донец упоминается в летописи в связи с описанием бегства князя Игоря из половецкого плена. Далее о Донце, уже как о городище, говорится в «Книге Большому Чертежу» в XVII в.: «А по левой стороне вверх по Удам, выше Хорошего городища, Донецкое городище, от Хорошего верст с 5»⁴. Кроме Донца, в «Книге Большому Чертежу» упоминается еще более десяти древних городищ, однако все они сейчас уже обследованы и относятся или к скифскому, или к хазарскому периодам⁵. Древнерусских городищ русские географы XVII в. в Подонье не знали. К. В. Кудряшов⁶ вслед за Н. В. Сибилевым, обследовавшим в 20-х годах средневековые укрепленные поселения в среднем течении Северского Донца, считает Сидоровское городище половецким городом Сугровым, Теплинское городище — Шаруканем, а городище «Маяки» — Балиным (рис. 11—13—15). Однако для

¹ Доклад на заседании сектора славяно-русской археологии ИА АН СССР 13 декабря 1962 г.

² В. А. Городцов. Результаты исследований, произведенных экскурсиями съезда. Труды XII АС, т. 1. М., 1905, стр. 110—130; Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Харьковской и Воронежской губерниях в 1905 г. ИАК, 19. СПб, 1906, стр. 117—122; А. Федоровский. Археологические раскопки в окрестностях Харькова. Хроника археологии та мистецтва, т. 1. Київ, 1930; Б. А. Шрамко. Новые детали устройства раннеславянских жилищ. СА 1960, № 3.

³ Б. А. Шрамко. Указ соч., стр. 319.

⁴ Книга Большому Чертежу. М.—Л., 1950, стр. 71.

⁵ С. А. Плетнева. Средневековые поселения верховьев Северского Донца. КСИИМК, вып. 79, 1960.

⁶ К. В. Кудряшов. Половецкая степь. М., 1948, стр. 120—122.

такого сопоставления нет решительно никаких оснований, потому что подъемный материал на этих памятниках исключительно салтово-маяцкий, четко датирующийся по многочисленным аналогиям VIII—IX вв. Точно так же у нас нет оснований предполагать, что знаменитое Салтовское городище жило дольше⁷, чем все аналогичные ему поселения с каменными укреплениями, известные археологам в настоящее время. Материалы на этом городище и на селищах вокруг него датируются или VIII—IX вв., или XVII—XVIII вв., т. е. хазарским периодом или временем, когда о нем как

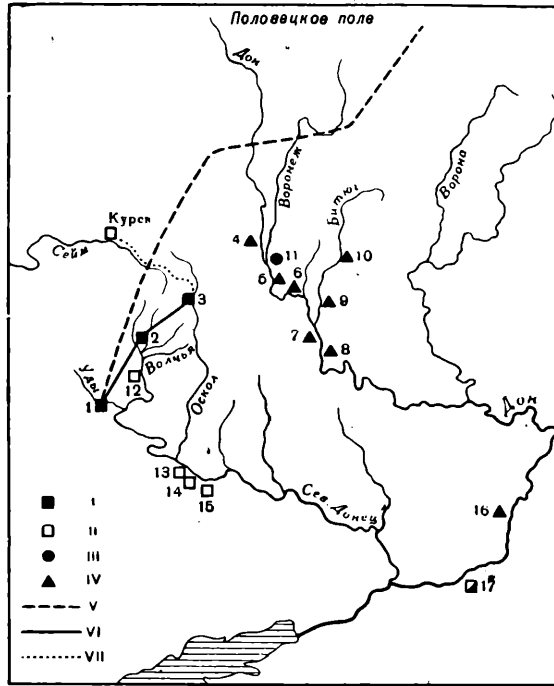

Рис. 11. Карта поселений Подонья с домонгольской русской керамикой и городищ салтово-маяцкой культуры, ошибочно датируемых XI—XII вв.

I — городище VIII—IX вв.; II — городища XII—XIII вв.; III — кочевническое поселение XI—XIII вв.; IV — поселения с древнерусской керамикой XII—XIII вв.; V — предполагаемая граница русских земель; VI — граница русских земель, от городища к городищу; VII — путь из Курска до с. Холок. Поселения с домонгольской русской керамикой: 1 — с. Карачево (Донецкое городище) Харьковской обл.; 2 — с. Крапивное Шебекинского р-на Белгородской обл.; 3 — с. Холок Новооскольского р-на Белгородской обл.; 4 — с. Ендовище Семилучского р-на Воронежской обл.; 5 — с. Бодеевка Давыдовского р-на той же обл.; 6 — дер. Песковатка Лискинского р-на, той же обл.; 7 — дер. Коловерт Павловского р-на той же обл.; 8 — дер. Русская Буйловка Павловского р-на той же обл.; 9 — с. Мечетка Бобровского р-на той же обл.; 10 — с. Старый Курлак Аннинского р-на той же обл.; 11 — дер. Погоново Гремячинского р-на той же обл. Салтово-маяцкие городища: 12 — с. Верхнее Салтово Старо-Салтовского р-на Харьковской обл.; 13 — с. Богородичное (городище Теплинское); 14 — с. Сидоровское; 15 — с. Маяки Краснолиманского р-на Донецкой обл.; 16 — хутор Ближняя Меаьница Нижне-Чирского р-на Ростовской обл.; 17 — Саркел — Бела Вежа — хутор Попов Цимлянского р-на Ростовской обл.

о древней крепости знали московские географы «Книги Большому Чертежу».

Остатки поселений, датирующихся находками XII—XIII вв., встретились нам значительно севернее не только среднего течения Северского Донца, но даже и Салтовского городища (рис. 11—12). Это, прежде всего, городище, расположенное в бассейне верховий Северского Донца (примерно на 50 км севернее Салтова), на речке Корень, у с. Крапивного Шебе-

⁷ Б. А. Рыбаков. Русские земли по карте Идриси 1154 года. КСИИМК, вып. XLIII, 1952, стр. 22—23.

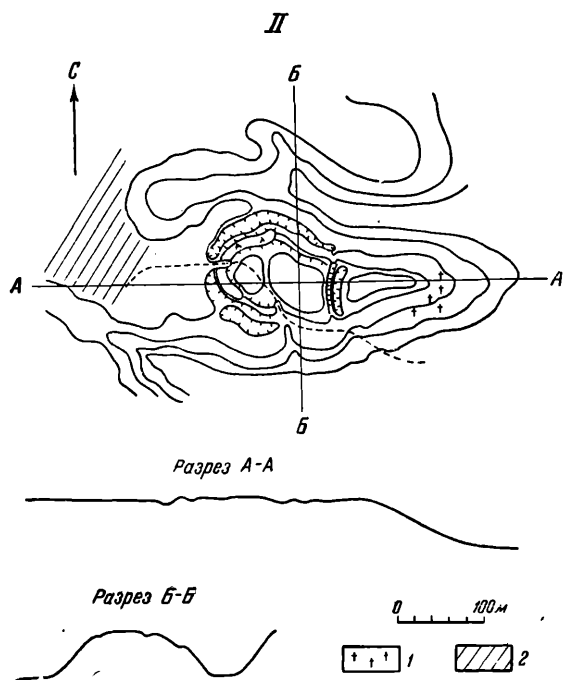
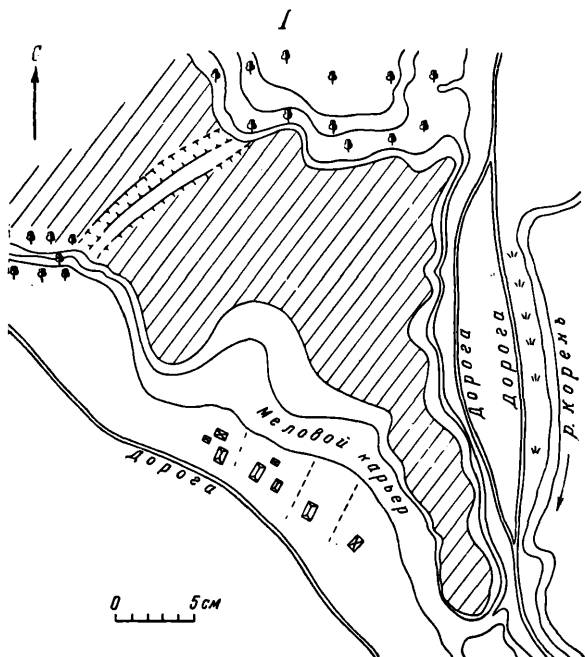

Рис. 12. Планы городищ у с. Крапивное (I) и с. Холок (II)

1 — кладбище XI—XII вв.; 2 — пашня

кинского района Белгородской области (рис. 11—2). Городище находится на мысе высокого мелового правого берега (рис. 12—1). В настоящее время около половины мыса полостью уничтожено меловыми разработками и подъездами к нему. Поверхность интенсивно из года в год разрушается распашкой. С напольной стороны городище было укреплено валом и рвом. Сейчас их можно заметить только во время пахоты: вал выделяется на поверхности в виде оранжевой глинистой полосы шириной около 20 м., ров — в виде черной гумусированной полосы, обрамляющей вал с напольной стороны. Площадь сохранившейся части городища более 3 га. Таким образом, это было очень крупное для того времени поселение. Толщина культурного слоя нигде не превышает 0,5 м. Судя по большому количеству находок на поверхности, поселение было очень заселенным и существовало длительный срок (не менее 100 лет). Подъемный керамический материал подтверждает этот вывод — он датируется XII — серединой XIII в. Это преимущественно обломки тонкостенных серых или желтых горшков, сделанных на ручном гончарном круге. Венчики их — с четко выраженной закраиной для крышки, плечики — крутые, украшенные одной или двумя тонкими линиями, тулово — стройное, конусовидное с небольшим дном. Кроме обломков горшков, попадают-

ся фрагменты амфор XII в. (рис. 13). Лепная посуда отсутствовала. Некоторое своеобразие этого памятника сравнительно с обычными древнерусскими поселениями заключается в том, что среди подъемного материала

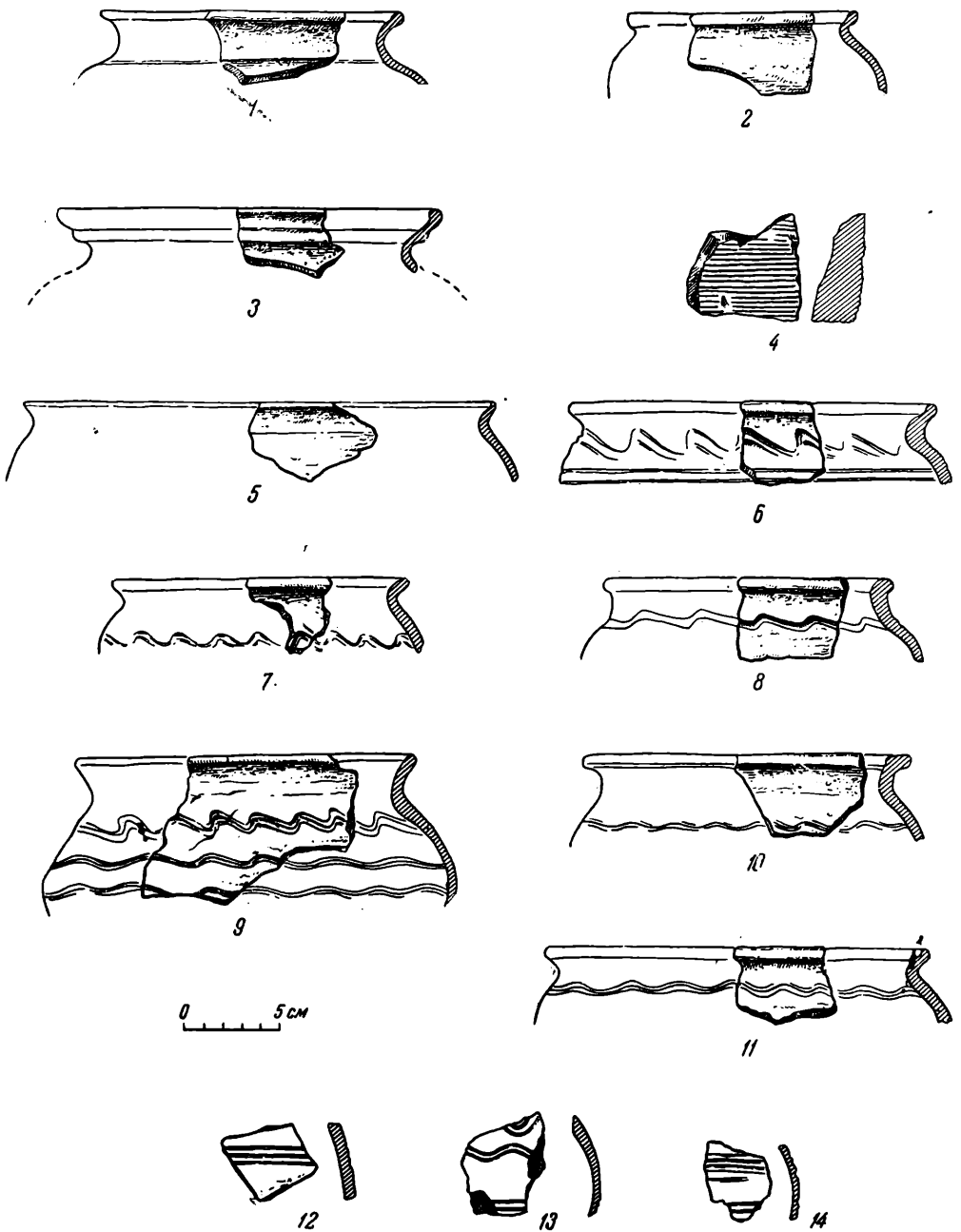

Рис. 13. Русская домонгольская керамика с городищ и селищ Подонья.
 1 — 4, 12 — с Крапивного городища (№ 2); 5, 7, 13 — с городища Холук (№ 3); 8, 14 — с поселения у дер.
 Песковатки (№ 6); 9—11 — с поселения у с. Мечетка (№ 9)

совершенно не встречаются обломки стеклянных браслетов и шиферных пряслиц. Культурный слой во многих местах перевернут распашкой до материка, поэтому объяснить это явление «неизученностью» памятника нельзя. По-видимому, Крапивенское поселение было далекой окраиной русской земли, до которой не доходили даже купеческие караваны из больших торгово-ремесленных городов. Шиферные пряслица были заменены здесь

пряслицами из обломков посуды, особенно часто из амфорных стенок. Они чрезвычайно напоминают пряслица, которыми пользовались в VIII—IX вв. алано-болгарские племена, обитавшие в верховьях Северского Донца. Это обстоятельство наводит на мысль о том, что население Крапивенского городища состояло не только из русских переселенцев, но и из местных жителей — алан и частично, возможно, болгар. В Саркеле прослеживается аналогичное явление. Там после разгрома, учиненного Святославом, не восстановилось ни одно из ранее процветавших ремесел. Однако пряслица еще долгое время (на протяжении всего XI в.) изготовлялись из черепков амфор, хотя в Белой Веже они, естественно, сосуществовали с шиферными, поскольку она стояла на караванном пути, связывающим Русь с Востоком⁸.

В восьми километрах от Крапивенского, на речке Короче, на той же широте находится крайний, северо-западный памятник салтово-маяцкой культуры — Дмитровское городище, жизнь на котором прекратилась в конце IX — начале X в. Почему местное население не вернулось на прежнее уже укрепленное поселение, почему не использовало древние приемы при постройке укреплений с камнем, почему не восстановило навыки хотя бы наиболее распространенного гончарного ремесла — это вопросы, на которые в настоящее время трудно ответить. Вероятно, основная причина в том, что подавляющее большинство алано-болгар влилось в захватившие степи печенежские и затем половецкие орды и забросило оседлую жизнь и связанные с нею занятия (земледелие, гончарство и т. д.). Только небольшая, наиболее пассивная часть населения отступила в леса, под защиту русских дружин, а затем, спустя 200 лет, вернулась уже вместе с русскими на прежние земли. Почему русские в XI—XIII вв., придя в Подонье, не воспользовались ни одним из салтово-маяцких городищ — непонятно. Они, как правило, предпочитали селиться на новых мысах и укреплять их земляными, легко разрушающимися валами.

На р. Оскол, у с. Холок (Новооскольский район Белгородской области) обнаружено еще одно укрепленное древнерусское поселение, датирующееся по находкам тем же временем, что и Крапивенское (рис. 11—3). Оно расположено на высоком треугольном в плане правобережном меловом мысе (рис. 12—2). Укрепления с напольной стороны очень мощные. Это высокий хорошо сохранившийся вал и глубокий ров. В валу оставлен воротный проем, во рву — соответствующая проему перемычка. Кроме того, самая оконечность мыса укреплена еще одним валом и рвом, в настоящее время сильно расплывшимися. Вдоль склонов, по периметру прослеживается легкое всхолмление — по-видимому, остатки невысокого вала, а западный склон укреплен еще дополнительно валом и рвом, образующими как бы ступень в склоне и делающими его совершенно недоступным. Валу насыпаны из материка — из кусков мела и глины. Размеры городища значительно меньше Крапивенского — всего около 1,5 га. Культурный слой не превышает 0,7 м, поверхность его задернована. Южный и восточный склоны мыса сильно оплыли. В обрезах восточного склона открываются могилы, а в осыпях обнаружены кости человеческих скелетов и находки, позволившие датировать кладбище домонгольским временем — два височных проволочных серебряных колечка с заходящими концами и обломок синего витого стеклянного браслета. Кладбище, несомненно, синхронно городищу, на поверхности которого и в обрезах слоя обнаружены обломки горшков XI—XII вв. и несколько обломков стеклянных браслетов.

Городище Холок — прекрасно укрепленная крепость. Особенно интересна система ее оборонительных сооружений. Бросается в глаза три особенности: отделение небольшим валом и рвом оконечности мыса, сооруже-

⁸ В. П. Левенок. Пряслица городища Саркел — Белая Вежа. МИА, № 75, 1959, см. таблицу распространения пряслиц по слоям — табл. VIII, стр. 351.

⁹ П. А. Раппопорт. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. МИА, № 52, 1956, стр. 20—65.

ние вала по периметру городища и ров, прокопанный на его склонах. Все эти черты не свойственны древнерусским городищам⁹. Подавляющее большинство известных в настоящее время салтово-маяцких городищ VIII—IX вв. отличается от соседних с ними славянских именно этими особенностями. Очевидно, что в данном случае укрепления возводились потомками строителей салтовских крепостей — алано-болгарами. Полное отсутствие на городище салтово-маяцкого слоя исключает предположение о вторичном использовании и реставрации салтовских укреплений новыми пришельцами. Кроме того, салтовцы VIII—IX вв. сооружали валы из рваного камня и щебня, а на городище Холок, как говорилось, они земляные — материковые. Ко времени постройки крепости «салтовцы» уже утеряли технику построения каменных валов и стен, но знали еще другие строительные приемы, тем более, что их легко было вспомнить, осмотрев находящиеся в нескольких десятках километров южнее по Осколу развалины салтовских крепостей (Ютановка, Подлысенки).

Среди русских городищ единственной аналогией городищу Холок может служить Южное Витачевское городище¹⁰. Там тоже прослеживается вал по периметру и два параллельных рва, образующие ступени на склонах. Витачевские укрепления построены, как известно, выходцами из поросского городка Юрьева, разрушенного в 1095 г. половцами¹¹. По-видимому, пограничные со степью «юрьевцы» этнически в значительной части принадлежали к южному степному населению, состав которого также был весьма смешанным. Известно, что в вассальные Киеву печенежские орды, кочевавшие и оседавшие в XI в. в Поросье, вошло большое количество алано-болгар еще в годы завоевания печенегами Подонья.

То же можно сказать, вероятно, и о жителях пограничной крепости Холок, построенной в «салтовских» традициях. Она была заселена потомками того народа, который жил на Осколе в VIII—IX вв., о чем свидетельствуют остатки салтовских поселений того времени, почти вплотную подходящих к Холку с юга. Однако население верховьев Оскола в XI—XII вв. было связано с русскими княжествами. Причем, если можно судить по находкам стеклянных браслетов на городище, связи эти были более регулярные и крепкие, чем у Крапивенского поселения. Это и естественно. Холок находился всего в 120 км от Курска, т. е. в двух-трех днях пути. Путь до Курска можно было, по-видимому, пройти по воде — сначала по Осколу, затем через переволоку по Сейму (длина переволоки всего 15—20 км).

Следует подчеркнуть, что вокруг Холка нет посадов, даже кладбище находится внутри крепостных стен. Это говорит, вероятно, о том, что крепость была расположена в опасной пограничной зоне и часто подвергалась нападению. Недаром укрепления ее отличаются исключительной мощностью.

Таким образом, оба городища были, вероятно, пограничными крепостями Черниговского княжества, расположенными в юго-восточном углу Курского удела. Юго-восточная граница русских земель проходила значительно южнее пограничной линии, произвольно проведенной на всех современных исторических картах домонгольской Руси¹², а именно — от города Донца на Удах, до Крапивного на Корне и от Крапивного до Холка на Осколе (рис. 11). Население Черниговского пограничья было, по словам Идриси, «необычайно воинственно» и «никогда не разлучалось с оружием»¹³. Это были те самые куряне, о которых писал автор «Слова о полку Игореве», что они «свѣдоми кѣмети», «скачуть, аки сѣрыи вльци в полѣ»¹⁴. Воз-

¹⁰ См. Б. А. Рыбаков. Отчет о раскопках летом 1961 г. Архив ИА АН СССР, дело № 2608.

¹¹ Повесть временных лет, т. 1. М.—Л., 1950, стр. 249.

¹² Например, см. карты в работе А. Н. Насонова. Русская земля. М., 1951, стр. 203 и др.

¹³ Б. А. Рыбаков. Русские земли по карте Идриси 1154 года, стр. 23.

¹⁴ Слово о полку Игореве. М.—Л., 1950, стр. 12.

можно, что это последнее поэтическое сравнение курян с волками не случайно. Известно, что многие тюрки, в том числе и болгарские племена, считали своим родоначальником — предком волка. Куряне-волки, жившие на древних алано-болгарских землях, могли и этнически принадлежать к потомкам алано-болгарских племен¹⁵.

Городище Холок представляет собой, на мой взгляд, интерес и в уточнении маршрута первых дней похода Игоря Святославича на половцев в 1185 г. Дружина Игоря вышла из Новгорода Северского 23 апреля — во

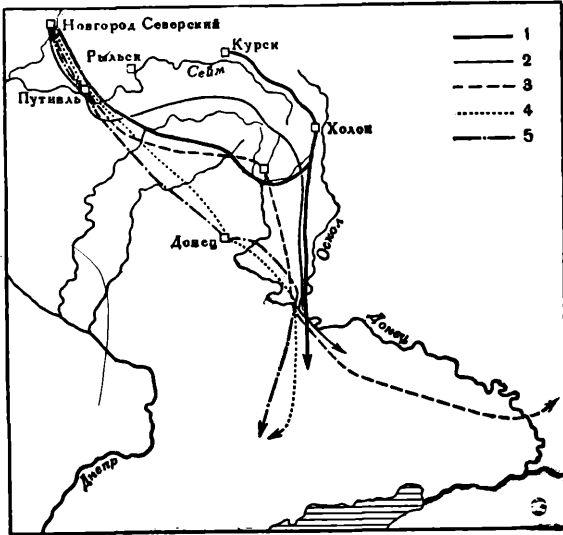

Рис. 14. Карта различных вариантов пути Игоря Святославича во время похода на половцев в 1185 г.

- 1 — вариант автора статьи; 2 — вариант К. В. Кудряшова;
3 — вариант Е. А. Афанасьева; 4 — вариант А. В. Логинова;
5 — вариант Б. А. Рыбакова

вторник. Выйдя в поход, Игорь, по свидетельству летописца, «идящу тихо собирающе дружину свою»¹⁶. К Дону он дошел только 1 мая, и здесь его застало солнечное затмение. После затмения Игорь «перебрете Донец и тако прииде ко Осколу и жде два дни брата своего Всеволода», который шел к Осколу другим путем — из Курска. Место переправы через Донец и место встречи на Осколе различные русские историки указывали по разному (рис. 14). А. В. Логинов и Б. А. Рыбаков полагали, что переход через Донец произошел где-то в районе современного Чугуева, а встреча братьев — у Изюма¹⁷. В. А. Афанасьев и К. В. Кудряшов склонны считать, что переправа находилась в верховьях Донца¹⁸. Однако никто из них не доводит маршрут Иго-

ря до Оскола и все обходят прямое указание летописи о том, что Игорь «прииде ко Осколу». Нам кажется вполне правомочным предположение, что князья Игорь и Всеволод, условившись встретиться на Осколе, имели в виду какой-то определенный населенный пограничный пункт. Этим пунктом могла быть на Осколе единственная русская крепость — Холок. Всеволод подошел к ней из Курска дорогой через переволоку, а Игорь «перебрете Донец» по броду у впадения в Донец Нежеголи и пошел по Нежегольскому шляху, действующему и поныне, к Холку. Этот путь, равный 100 км, вполне можно было совершить в два дня (2—3 мая), поскольку даже идя «тихо», дружина Игоря делала в день около 30 км (с 23 апреля по 1 мая прошла примерно 270—280 км). 4—5 мая Игорь ждал Всеволода у Холка, и 6 мая они тронулись по Изюмскому шляху или вдоль берега Оскола на юг, к половецким кочевьям (рис. 14).

Наиболее восточная область распространения поселений с домонгольской русской керамикой — это верховья Дона. В отличие от двух предыду-

¹⁵ Не случайно, вероятно, и то обстоятельство, что в этом районе впадает в Донец река Волчьа, на которой давно известны (у г. Волчанска) городища, окружающие егс селища и чуть выше — у с. Бочково — могильник салтовского, т. е. хазарского времени — VIII—IX вв.

¹⁶ Ипатьевская летопись. СПб., 1871, стр. 430.

¹⁷ Б. А. Рыбаков. Дон и Донец в «Слове о полку Игореве». Научные доклады высшей школы, серия «Исторические науки», 1. М., 1958.

¹⁸ К. В. Кудряшов. Указ. соч., стр. 56, 57, 63.

щих рек, где поселения XI—XII вв. единичны и к тому же не укреплены, здесь, на Дону в настоящее время известно уже семь поселений¹⁹, причем на них нет никаких следов укреплений, несмотря на то, что самое южное из них находится на 100 км южнее Холка.

Все семь поселений в целом чрезвычайно однообразны. Они располагались на первой надпойменной террасе левого или правого берега реки. Большинство из них вытянуты вдоль берега на 500—1000 м узкой полоской (так называемые однорядные поселения). Только два у дер. Коловерт и Ст. Курлак (рис. 11—7, 10) занимают площадь 300 × 200 и 100 × 150 м в долине ручейков, впадающих в Дон и Битюг. Сохранность культурного слоя на селищах очень плохая — они активно распахиваются, размываются рекой, а левобережные, расположенные на песчаных дюнах, развеиваются и засыпаются песком. Тем не менее во многих местах слой еще хорошо прослеживается. Толщина его достигает 0,4—0,6 м. Правда, все они многослойные, и потому судить о мощности средневекового слоя фактически невозможно (см. таблицу).

Сохранность культурных слоев

Век	Номер селищ и толщина слоя						
	4 ?	5 0,2—0,4	6 0,4—0,5	7 0,2—0,5	8 ?	9 0,6	10 0,6
XX	×			×			
XVII—XVIII					×	×	
XI—XIII	×	×	×	×	×	×	×
Бронза	×	×	×		×	×	×

Однако средневековый материал чрезвычайно выразителен. Это обломки тонкостенных горшков XI—XII вв., украшенных по плечикам линейно-волнистым орнаментом. Ни обломков стеклянных браслетов, ни шиферных пряслиц не обнаружено, хотя, как и на поселении у с. Крапивное, культурный слой здесь перепахан и перевернут плугом до материка. Совершенно отсутствуют на этих поселениях обломки лепной кочевнической керамики XI—XII вв., довольно хорошо известной благодаря находкам в Саркеле — Белой Веже²⁰. А это исключает предположение о принадлежности поселений XI—XII вв. на Дону оседающим половцам, которые селились, видимо, отдельно, хотя и по соседству с русскими. Некоторые данные для такого утверждения у нас есть. В 1949 г. А. Н. Москаленко обнаружила на левом берегу Дона, в окрестностях Воронежа, остатки поселения с обломками толстостенных грубых баночных горшков, напоминающих кочевнические сосуды из верхних слоев Белой Вежи (XI—XII вв.)²¹. Характер поселений, как мы уже говорили, отличается от обнаруженных на Северском Донце и Осколе. Все они неукрепленные, а это значит, что отношения их жителей со степью были иными, чем у населения более западных окраин. Очевидно, они были дружественные или, во всяком случае, — мирные. Селившиеся на границах с половцами русские могли быть только бродниками, т. е. людьми, перешедшими на сторону и под покровительство одной из орд, кочевавших на Дону. В число бродников, безусловно, входили и выходцы из степи: алано-болгары и сами половцы, но они не оставили следа в быте

¹⁹ Пять из них (см. карту рис. 11—5—9) обнаружены мной в разведке 1962 г., два (рис. 11—4 и 10) — П. Д. Либеровым (Архив ИА АН СССР, № 2118, стр. 4 и 145—146).

²⁰ С. А. Плетнева. Керамика Саркела — Белой Вежи. МИА, № 75, 1959, рис. 26, 49.

²¹ Отчет А. Н. Москаленко за 1949 г. Архив ИА АН СССР, № 326, стр. 8—9.

этих далеких русских поселений. Связь же последних с русскими центрами культуры, в частности с Рязанью, была, вероятно, почти полностью прервана. Об этом свидетельствует опять таки отсутствие на них находок стеклянных браслетов и шиферных пряслиц.

Земли, заселенные бродниками, были своего рода оторванной от русских земель рязанской «украиной». В XIV в., по мнению Н. П. Барсова, «Рязанская Украина» занимала пространство от Дона и Воронежа до Великой Вороны и считалась частью Рязанской земли²². Однако в домонгольское время эта территория не входила в состав Рязанского княжества, сами бродники не считали себя подданными русского князя и поддерживали мирные отношения с кочевнической степью. Как и половцы, они вовлекались русскими князьями в междуусобные войны и даже участвовали в войне против рязанского князя Ростислава Ярославича в 1146—1147 гг. Характерно, что под 1216 г. при описании Липецкой битвы они упоминаются вместе с Муромцами и Городчанами, т. е. наряду с жителями крайних восточных русских поселений: «...и полци бяху с ними силни, Муромци, и Бродници, и Городчане и все сила Суздальской земли...»²³.

Вполне возможно, что это были те самые бродники, которые населяли обнаруженные нами поселения на Дону и Битюге. Это тем более вероятно, что других поселений, которые можно бы было связать с бродниками ни в верховьях Дона, ни на притоках Оки (в районе так называемого Половецкого поля) мы не знаем.

Мы не будем в настоящей статье останавливаться на социальных вопросах происхождения бродников и бродничества. Это — большая тема, требующая специального исследования. Отметим только, что в науке неоднократно высказывалось мнение, что бродники XII—XIII вв. — это прообраз позднейшего казачества²⁴. Совершенно очевидно, что те же процессы, которые вызвали в свое время (в XVII—XVIII вв.) появление казачества в Русском государстве, способствовали и выделению бродников в XII—XIII вв.²⁵ Феодальное закрепощение крестьянства и жестокая эксплуатация его в беспокойный период феодальной раздробленности приводили к бегству на «нейтральные», лежавшие между русскими княжествами и половецкими кочевьями, земли не только смердов и холопов, но и разоренных горожан и «осиротевших» — безудельных князей, т. е. изгоев всех общественных категорий и классов. Эти-то порвавшие связи с родной землей люди и селились на степных «украинах». Они составляли чрезвычайно боеспособные военные отряды²⁶, наемной силой которых пользовались от случая к случаю и русские князья, и половецкие ханы.

Несмотря на нередкие совместные с русскими князьями действия, тяготение бродников к вольной степи и кочевникам, по-видимому, было настолько сильным, что в 1223 г. в битве при Калке «воевода их Пლოსкыня» изменил русским, что облегчило победу татар²⁷.

Бродники — жители «восточных украинских русских земель» были по существу древнейшими «донскими казаками». Активная колонизация Дона русскими началась только 500 лет спустя — в XVII в. Остатки поселений

²² Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885, стр. 170—171.

²³ Воскресенская летопись. ПСРЛ, VII. СПб., 1856, стр. 38, 121, 132.

²⁴ П. В. Голубовский. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. Киев, 1884; А. И. Попов. Кипчаки и Русь. Ученые записки ЛГУ, серия исторических наук, 1949, вып. 14 и др.

²⁵ Странно, что Б. Д. Греков, разбирая все категории крестьянства в древней Руси, совершенно не остановился на вопросе о бродничестве. Между тем именно активная феодализация общества привела к бегству на вольные земли закрепощенных сирот, смердов и изгоев. См. Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси. М.—Л., 1946, стр. 127—244.

²⁶ Погребение одного из броднических «атаманов» или кошевых обнаружено в среднем Приднепровье у с. Таганчи (С. А. Плетьев а. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА, № 62, 1958, стр. 185—186.

²⁷ Воскресенская летопись. ПСРЛ, VII. СПб., 1856.

этого времени встречаются на всех более или менее удобных для жизни берегах Дона и его притоков. Впрочем русские переселенцы и в XI в. шли уже проторенным путем. Недаром река Дон называлась еще в хазарское время Славянской рекой²⁸, а отдельные славянские поселения доходили в конце IX в. до среднего и даже нижнего Дона²⁹.

²⁸ А. Ю. Якубовский. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв. Известия АН СССР, серия истории и философии, 1945, 3, № 5, стр. 463.

²⁹ Например, поселение у хутора Ближняя Мельница. (И. И. Ляпушкин. Славянское поселение на территории хутора Ближняя Мельница. МИА, № 62, 1958). Кроме того, и сам Саркел стал заселяться славянами задолго до прихода на нижний Дон дружин Святослава.

В. А. КУЗНЕЦОВ

ГЛИНЯНЫЕ КОТЛЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА¹

Осенью 1959 г. по просьбе Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института отряд Северо-Кавказской экспедиции Института археологии АН СССР производил археологическую разведку в Кабардино-Балкарии и районе г. Кисловодска². Результаты разведки оказались особенно интересными у Кисловодска.

Окрестности его представляют собой плато, лежащее на высоте более 800 м над уровнем моря и сильно расчлененное глубокими каньонообразными балками³. Обилие удобных, естественно укрепленных площадей, теплый сухой климат и другие природные богатства края привлекали сюда человека с глубокой древности. Район насыщен археологическими памятниками разных эпох. Однако до сих пор эти памятники почти не изучены и еще плохо выявлены. Поэтому в течение сравнительно короткого времени нам удалось зафиксировать несколько раннесредневековых городищ и поселений⁴, ранее не отмеченных в литературе.

Это городище Рим-гора⁵, Клин-яр, Острый мыс, на горе Малое седло, у отстойника Кисловодского озера и поселения у Кольцо-горы, у мебельной фабрики № 1 и против городской свалки.

Не останавливаясь сейчас на описании этих археологических памятников, обратим внимание на собранную нами керамику. Наиболее примечательны обломки глиняных котлов, встреченные на всех вышеназванных городищах и поселениях среди подъемного материала и в культурных слоях. Всего найдено 40 фрагментов венчиков котлов с характерными внутренними ушками⁶. Котлы в основном лепные, хотя отдельные экземпляры могли быть сделаны на круге. Тесто их грубое, с примесями, типичное для раннесредневековой кухонной керамики, поверхность черно-коричневых тонов.

¹ Доклад, прочитанный на заседании группы Кавказа ИА АН СССР 8 декабря 1961 г.

² Краткий отчет см.: В. А. Кузнецов. Археологические разведки в Кабардино-Балкарии и в районе Кисловодска. «Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии, вып. IX». Нальчик, 1961, стр. 205—216.

³ С. Г. Григорьев. Долины окрестностей Кисловодска. «Сборник в честь семидесятилетия проф. Д. Н. Анучина». М., 1913, стр. 77—106.

⁴ Большую помощь при этом нам оказали местные археологи-краеведы А. П. Рунич и Н. Н. Михайлов, которым выражаем глубокую благодарность.

⁵ Это городище известно в литературе. См.: Дюбуа де Монпере. Путешествие вокруг Кавказа, т. 1. Сухуми, 1937, стр. 145; А. Фиркович. Археологические разведки на Кавказе. ЗРАО, т. IX, вып. 2. Спб. 1857, стр. 377—380; Н. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, вып. 43. Спб., 1911, стр. 121—126; В. Ф. Смолкин. Катакомбы на Рим-горе близ Кисловодска. «Краеведение на Северном Кавказе». № 1—2. Ростов, 1928, стр. 87—90.

⁶ Девять обломков глиняных котлов с внутренними ушками, найденные на Рим-горе, хранятся в Пятигорском музее краеведения. Инв. № 2406. Кроме того, на указанных памятниках Н. Н. Михайлов собрал еще около 50 обломков котлов с внутренними ушками. Письмо Н. Н. Михайлова автору от 25 января 1961 г.

Некоторые котлы, судя по обломкам, были покрыты линейным орнаментом. Внутренние ушки, предназначенные для подвешивания котла над очагом, можно подразделить на три типа. К первому мы относим наиболее многочисленные ушки с двумя отверстиями, проткнутыми круглой палочкой (рис. 15—4—5). Средний диаметр отверстий около 1,5 см. Второй тип представлен несколькими ушками с одним, но большим отверстием (рис. 15—2, 6). К третьему типу относятся два обломка. Отверстия были проткнуты в стенке котла наискось и закрыты извне бортиком, соединенным с венчиком (рис. 15—1, 3). Бортик предназначался для защиты веревки или ремня, на которой висел котел, от огня.

При зачистке культурного слоя на поселении у Кольцо-гора на глубине 0,7 м найден разбитый лепной котел, собранный почти целиком (рис. 16—1). Тесто грубое, с примесью крупнозернистого песка. Поверхность коричнево-серого цвета, покрытая слабо прочерченным линейным орнаментом. На внутренней стороне видны следы заглаживания. Ушки с двумя отверстиями расположены друг против друга. Диаметр сосуда 23 см, высота 18 см, толщина стенок 0,5 см. Внутри котла лежали комки обгоревшего проса. Дно, к сожалению, не сохранилось, однако, судя по форме стенок, оно было округленным. Следует отметить, что на поселении Кольцо-гора нами было найдено несколько черепков, которые по своему профилю вполне могли быть округлыми днищами котлов.

Такова краткая характеристика котлов с внутренними ушками, найденных на поселениях и городищах в районе Кисловодска. Раскопки памятников еще не производились, и материал собран из шурфов, зачисток и на поверхности.

Судя по последним данным, ареал распространения глиняных котлов значительно шире Кисловодского района. Летом 1962 г. А. П. Рунич нашел разбитый, но собиравшийся почти целиком глиняный котел на древнем поселении у сел. Хасаут, в районе известных Хасаутских скальных погребений. Котел (рис. 16—2) коричнево-серый, лепной, покрытый орнаментом из горизонтальных и вертикальных линий. Внутренние ушки — с двумя отверстиями. Таким образом, в близлежащих районах Кабардино-Балкарии можно ожидать обнаружения поселений, в состав керамики которых также входят глиняные котлы.

Датировка котлов, найденных в окрестностях Кисловодска, определяется аналогиями из юго-восточной Европы. Глиняные котлы идентичные нашим, встречаются в керамике салтово-маяцкой культуры VIII—IX вв.⁷

⁷ М. И. Артамонов. Средневековые поселения на нижнем Дону. ИГАИМК, вып. 131, 1935, стр. 48 и сл.; И. И. Ляпушкин. Карнауховское поселение. МИА,

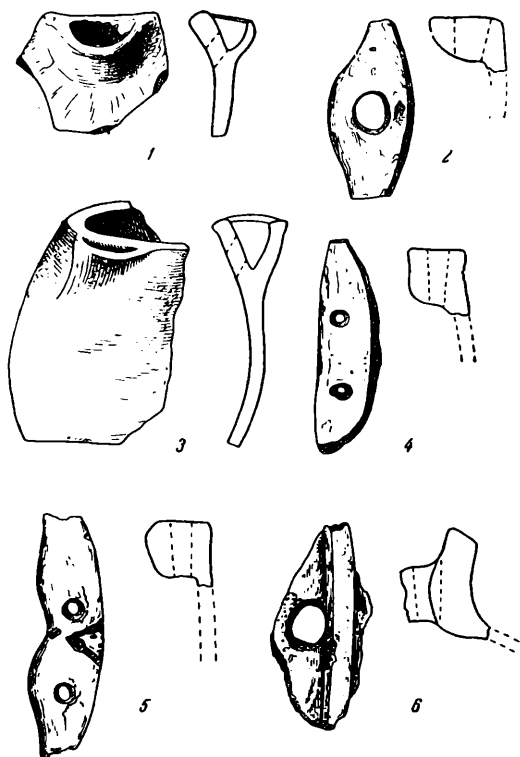

Рис. 15. Обломки глиняных котлов и ручки котлов

1 — с поселения у мебельной фабрики № 1; 2—4 — с поселения Кольцо-гора; 5 — с поселения у г. Кисловодска (свалка); 6 — с поселения Малое Седло; (3 — по рисунку А. П. Рунича)

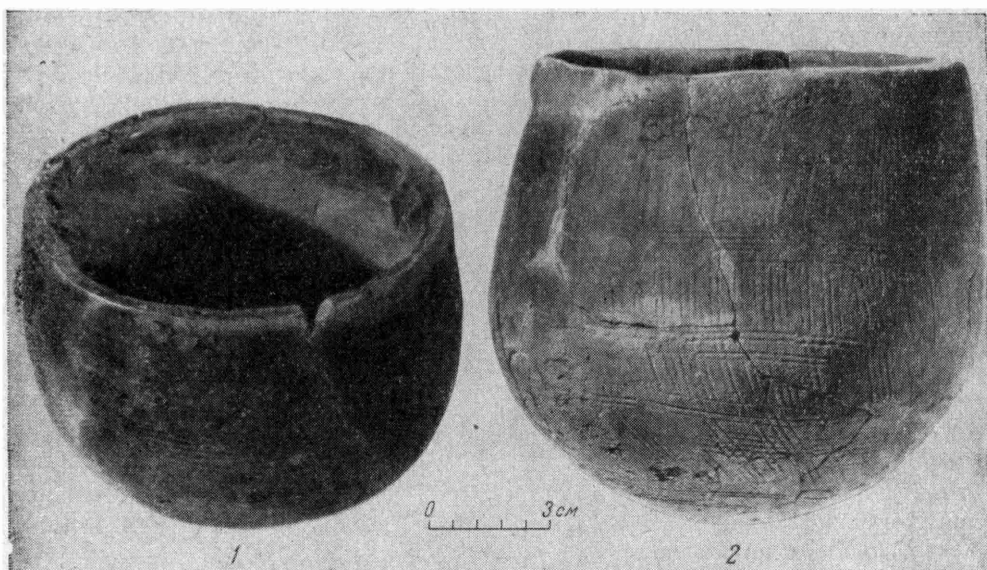

Рис. 16. Реставрированные глиняные котлы
1 — с поселения Кольцо-гора; 2 — с поселения у с. Хасаут.⁵

Остальная керамика, собранная нами, вполне может быть отнесена к VIII—IX вв. Она представлена черноглиняными горшками салтово-маяцкого типа, фрагментами посуды с налепными острорезными валиками и косыми насечками на венчиках, характерными для аланской керамики VIII—IX вв. Пятигорья, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии⁸.

Важно отметить, что глиняные котлы не типичны для аланской керамики центрального Предкавказья. Они не имеют в ней предшествующих форм и в более раннее время неизвестны ни в районе Кисловодска, ни в соседних районах. Важно также и то, что обломки глиняных котлов до сих пор не обнаружены на ближайших аланских городищах, расположенных вокруг Пятигорска и в Кабардино-Балкарии⁹. Эти обстоятельства указывают на то, что глиняные котлы были в VIII—IX вв. принесены в район Кисловодска извне населением, отличным от алан. Поэтому особенно интересны предположения, которые могут быть сделаны в связи с этническим определением населения, изготовлявшего и использовавшего глиняные котлы на Северном Кавказе.

Район широкого распространения глиняных котлов лежит значительно севернее Кисловодска. Это Нижнее Подонье, Таманский полуостров, северное Приазовье¹⁰. Отдельные находки известны на нижнем Днепре

№ 62, 1958, стр. 306, рис. 52, 3—6; С. А. Плетнева. Керамика Саркела — Белой Вежи. МИА, № 75, 1959, стр. 214—225.

⁸ См. например: Б. Е. Деген-Ковалевский. Работы на строительстве Баксанской гидроэлектростанции. Археологические работы ГАИМК на новостройках в 1932—1933 гг., в. II. М.—Л., 1935, рис. 14, 1—3. Автор несколько занижает датировку, относя керамику к VI—VIII вв. (там же, стр. 26), Сужу также по материалам наших раскопок Змейского поселения VIII—IX вв. в 1958 г.

⁹ Лишь на городище Верхний Джулат (Северная Осетия) в слое X—XII вв. среди десятков тысяч обломков керамики в 1959—1962 гг. найдены четыре обломка глиняных котлов (раскопки О. В. Милорадович и В. А. Кузнецова).

¹⁰ М. И. Артамонов. Указ. соч.; С. А. Плетнева. Указ. соч.; И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам. МИА, № 6, 1941, табл. II, 7; его же. Археологические памятники зоны затопления Цимлянского водохранилища. МИА, № 62, 1958, стр. 240, рис. 12; Б. А. Шрамко. Керамика салтівської культури. Труды Историчного факультету Харківсь-

и Северском Донце¹¹. Второй район широкого распространения котлов лежит в области Среднего Подунавья — в Румынии, Болгарии и Венгрии. Это котлы X—XIII вв., занесенные из юго-восточной Европы.

Форма и характер глиняных котлов позволяют думать об использовании их над открытым очагом кочевым или полукочевым населением. Об этнической принадлежности этого населения единого мнения пока нет. Некоторые румынские археологи связывают глиняные котлы с печенегами¹², венгерские — с мадьярами¹³, есть попытка (по нашему мнению, неудачная) включить их в состав славянской керамики XI—XIII вв.¹⁴ В последнее время в Словакии (округ Комарно) открыты поселения, культурный слой которых содержит глиняные котлы. Чехословацкие археологи датируют их XI—XIII вв., в этническом отношении связывая эти котлы с мадьярскими кочевыми племенами¹⁵.

Интересной и плодотворной представляется нам точка зрения, выдвинутая в последнее время советскими археологами, которые выделили в салтово-маяцкой культуре два варианта — северный и южный (древнеболгарский) — и считают глиняные котлы VIII—IX вв. древнеболгарскими¹⁶. После распада Приазовской Болгарии в VII в. и передвижения больших болгарских орд на Дунай и на Волгу в Приазовье осталась группа болгар, известных в источниках как «черные» или «внутренние» болгары. Именно с ними и связываются глиняные котлы юго-восточной Европы.

Письменные источники свидетельствуют о длительном обитании болгар в пределах Северного Кавказа. В латинском переводе греческой хроники, кончающейся 257 г., в конце списка народов, живущих севернее Кавказа, указаны болгары («Ziezi ex quo Vulgares») ¹⁷. Сирийский автор VI в. Захария Ритор помещает болгар к северу от Каспийских ворот (Дербента), здесь же отмечая и алан¹⁸. Эти сведения подтверждаются другим сирийским автором VI в. — Иоанном Эфесским, рассказ которого о заселении болгарами страны алан Барсалии (северной части Дагестана) дошел до нас

кого ордена Трудового Червоного Прапора Державного университету ім. О. М. Горького, 1959, т. 7, стр. 252, рис. V, 8—9; М. А. Миллер. Керамика древних поселений Приазовья. Записки Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии, кн. 1, вып. 3—4. Ростов, 1928, стр. 19—22.

¹¹ М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 50, примеч. 169; Н. Н. Погребова. Средневековые памятники на скифских городищах нижнего Днепра. Доклад на секторе скифо-сарматской археологии ИА АН СССР 13 мая 1959 г.; С. А. Плетнева. Средневековые поселения верховьев Северского Донца. КСИИМК, вып. 79, 1960, стр. 17, рис. 6—9.

¹² P. Diaconu. Cu privire la problema caldarilor de cut in epoca feudala timpurie (sec. X—XIII). Studii și cercetări de istorie veche, vol. VII, N 3—4, București, 1956, стр. 421—437; см. также: Археологические раскопки в Глинча-Яссы. Studii și cercetări de istorie veche, vol. IV, N 1—2, București, 1953, стр. 319, рис. 6, 5—6 и Dr. Florescu, R. Florescu si P. Diaconu. Capidava, vol. I, București, 1958, стр. 211, рис. 113.

¹³ Б. Сёке. К вопросу о наших глиняных котлах. АЕ, т. 82, вып. 1, Budapest, 1955, стр. 86—90; см. также: Acta archaeologica t. VI, Budapest, 1955, табл. LIV, 4—6.

¹⁴ К. Горедт. Славянская керамика Трансильвании. Studii și cercetări de istorie veche, vol. II, București, 1951, стр. 189—218, табл. XIV, 14.

¹⁵ A. Habovstiaik. Príspevok k poznaniu našei nizinnei dediny v. XI—XIII. sto-roči. Slovenska Archeologia, XI, 1—2, 1961, стр. 451—479.

¹⁶ Н. Я. Мерперт. К вопросу о древнейших болгарских племенах. Казань, 1957, стр. 32; его же. Древнейшие болгарские племена в Причерноморье. «Очерки истории СССР III—IX вв.». М., 1958, стр. 611—615; И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА, № 62, 1958, стр. 146—147; С. А. Плетнева. Средневековые поселения верховьев Северского Донца..., стр. 17—18.

¹⁷ Т. Mommsen. Über den Chronographen vom Jahre 254. Leipzig, 1850, стр. 591. Однако нужно помнить указание Гутшмида и Куника о том, что в данном случае возможна позднейшая вставка. См.: А. Куник и В. Розен. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах, ч. 1. Приложение к т. XXXII Записок Академии наук. СПб, 1878, стр. 148.

¹⁸ Н. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941, стр. 165.

в изложении Бар-Гебрея (XIII в.)¹⁹. Следовательно, уже в VI в. тюркоязычные племена болгар (Захария Ритор подчеркивает: «булгары со своим языком») проникли из Предкавказья в Северный Дагестан, положив, по-видимому, начало тюркизации части местного населения²⁰.

Хорошо известны древние болгары и в северо-западной части Кавказа. Территория Приазовья между Доном и Кубанью, а также часть Прикубанья входили в основные земли болгар еще при Кубрате²¹. Константинопольский патриарх Никифор прямо указывает: «Около Майотидского озера по реке Кофине (Кубани — В. К.) была расположена издревле известная великая Болгария»²². В замечательном по своей осведомленности источнике — новом списке «Армянской географии» VII в. указаны четыре болгарских племени, оставшихся на Северном Кавказе после распада древней Болгарии, — купи-булгар, дучи-булкар, огхондор-блкар — пришельцы, чдар-булкар²³. Из числа этих племен пока удалось локализовать только одно — купи-булгар, живших по Кубани²⁴. Попытка И. Маркварта расположить остальные болгарские племена по мелким рекам к северу от Кубани оказалась неудачной²⁵. Можно также отметить, что еще в X в. Масуди помещал город болгар на берегу моря Майотис (Азовского). Это, по-видимому, свидетельствует о том, что болгарские племена на Северном Кавказе существовали и в X в.²⁶

Таким образом, обитание древнеболгарских племен в пределах Приазовья — Прикубанья во второй половине I тысячелетия н. э. хорошо документировано письменными источниками. Отдельные их группы могли проникать далеко в глубь Предкавказья, вплоть до Кавказского хребта²⁷. Возможно, что во второй половине VII в. продвижение болгар в глубь Кавказа усилилось в связи с хазарской опасностью и борьбой с хазарами. В это время — в конце VII — начале VIII в. — болгары и появились в районе Кисловодска. Они вытеснили отсюда алан, катакомбные могильники которых в IV—VI вв. покрывали район Кисловодска густой сетью²⁸.

По-видимому, мы вправе ожидать обнаружения глиняных котлов на промежуточной территории между Кисловодском и Приазовьем. Отдельные находки на этой территории уже есть. Два обломка котлов с внутренними ушками недавно найдены на городищах у станицы Казанской Краснодарского края²⁹. В 1960 г. фрагменты глиняных котлов с ушками найдены Е. П. Алексеевой на поселениях у аула Кызыл-Кала в верховьях речки Джегута и у хутора Важного на р. Учкурке (Карачаево-Черкесская авто-

¹⁹ I. Marquart. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903, стр. 15, 485.

²⁰ Ср. Я. А. Федоров. Происхождение кумыков. Автореф. канд. дисс. М., 1961, стр. 6.

²¹ Летопись византийца Феофана. Перев. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского. «Чтения в Обществе истории и древностей Российских», кн. 2. М., 1887, стр. 262; Д. Иловайский. Болгаре и Русь на Азовском поморье. ЖМНП, ч. CLXXVII. СПб., 1875.

²² Никифора патриарха Константинопольского краткая история со времени после царствования Маврикия. ВВ, т. III, 1950, стр. 363.

²³ Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому. Перев. К. Патканова. ЖМНП, 1883, март. стр. 29.

²⁴ Из нового списка географии..., стр. 24; I. Marquart. Указ. соч., стр. 57.

²⁵ М. И. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1937, стр. 42, 43.

²⁶ Al. Masoudi. Les Praires d'or. Texte et traduction par C. Barbier de Meynard. t. II, Paris, 1863, стр. 15. (Ссылкой на это издание я обязан А. Новосельцеву.) Ср. с сообщением о внутренних болгарях неизвестного персидского автора X в. (Худуд-ал-Алам. Рукопись Туманского с введением и указателем В. Бартольда. Л., 1930, стр. 30).

²⁷ Н. Я. Мерперт. Указ. соч., стр. 24.

²⁸ В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. МИА, № 106, стр. 15 и сл. Характерно, что в период от VII до X в. катакомбные могильники здесь пока не известны.

²⁹ Письмо К. П. Печниковой в Институт археологии от 14 ноября 1960 г. К письму были приложены рисунки фрагментов котлов.

номная область)³⁰. Фрагменты глиняных котлов с внутренними ушками найдены также А. Л. Монгайтом во время его разведки на верхнекубанских городищах в 1953 г. и на поселении Белый Ерик у станицы Удобной (разведки В. Б. Деопик)³¹. Нет сомнения в том, что дальнейшие исследования средневековых прикубанских поселений дадут новые материалы. Можно также ожидать, что болгарские глиняные котлы будут со временем обнаружены и на поселениях степной части центрального Предкавказья, где могли находиться кочевья болгар.

Выявление групп кочевого или полукочевого древнеболгарского населения на исконной аланской территории исторически и археологически не являются неожиданностью. Здесь уместно напомнить незаслуженно забытое мнение В. Ф. Миллера о том, что «под аланами могли скрываться народы разного происхождения»³². Д. Иловайский прямо указывал, что под именем алан скрывались и болгары³³. Болгары и аланы долгое время обитали совместно на территории Юго-Восточной Европы, объединенные общностью материальной культуры, называемой салтово-маяцкой³⁴. Подобная картина могла наблюдаться и применительно к аланской культуре Северного Кавказа. Выяснение ее несомненно очень важно для истории современных тюркоязычных народов Северного Кавказа — карачаевцев и балкарцев.

Итак, мы приходим к заключению, что глиняные котлы Северного Кавказа, как и приазовские, могли появиться и употребляться скорее всего в древнеболгарской среде, точнее в той ее части, которая обитала на Северо-Западном Кавказе и Приазовье — Подонье. Ареал глиняных котлов близко совпадает с исторической территорией, на которой находились древнеболгарские племена. Конечно, было бы ошибочным все глиняные котлы связывать только с болгарам. Они могли заимствоваться любимыми кочевниками, близко соприкасавшимися с болгарам (в Центральной Европе, например, такими кочевниками очевидно были мадьяры). Но на территории Юго-Восточной Европы и Северного Кавказа принадлежность глиняных котлов VIII—IX вв. болгарам весьма вероятна. Если это так, то выявление в районе Кисловодска группы поселений с древнеболгарской керамикой заслуживает серьезного внимания археологов и историков.

³⁰ Е. Алексеева. Археологические раскопки у аула Кызыл-Кала. Ленинское знамя, 4 сентября 1960 г.

³¹ Пользуясь любезным сообщением В. Б. Деопик.

³² В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, ч. III. М., 1887, стр. 96.

³³ Д. Иловайский. Указ. соч., стр. 146.

³⁴ Н. Я. Мерперт. Указ. соч., стр. 30—36; И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона..., стр. 146—147. См. также: А. П. Смирнов. О возникновении государства волжских булгар. ВДИ, 1938, № 2 (3). стр. 102.

А. В. ГАДЛО

ПОСЕЛЕНИЕ XI—XII вв. В ДЕЛЬТЕ ДОНА¹

Летом 1962 г. Приазовский отряд ЛГУ им. А. А. Жданова, работающий в составе возглавляемой С. И. Капошиной Кобяковской археологической экспедиции ИА АН СССР, обследовал неизвестное в литературе

поселение на низменном острове в дельте Дона, в 5 км к северо-востоку (по прямой) от г. Азова, на окраине станицы Елизаветовской (рис. 17)².

Поселение протянулось почти на 500 м вдоль северного берега протоки Казачий Ерик и приблизительно на 200 м в глубь острова. Территория древнего поселения занята усадьбами хутора Казачий Ерик, который на западе сливается с хутором Абуховским. Значительная часть памятника смыта водами протоки и он постоянно, особенно во время «низовки» разрушается.

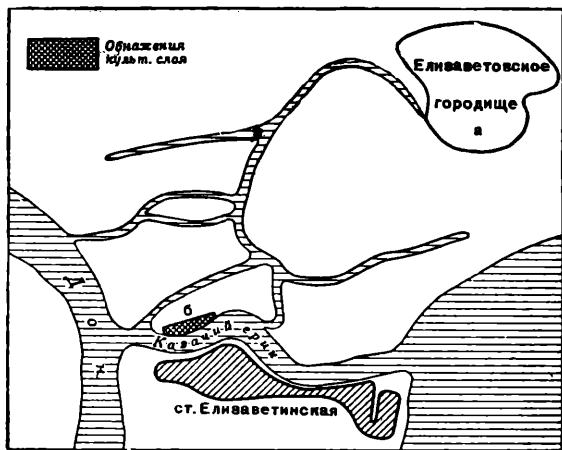

Рис. 17. Схематическая карта положения поселения Казачий Ерик

а — Елизаветовское городище; б — Казачий Ерик

По обрзу берега («яра») довольно отчетливо прослеживается свита культурных напластований, образующих подобие линзы. Высота берегового обрыва в центральной части достигает 4 м. К востоку и западу мощность культурных напластований, равно как и высота берега, падают.

Сборы подъемного материала, а также зачистка, произведенная в центральной части берегового обрыва позволили выявить три разновременных культурных слоя, которые соответствуют трем последовательно существовавшим здесь поселениям.

При этом следует отметить, что находки, соответствующие нижнему культурному слою, концентрируются на протяжении 200 м только в центральной части берегового обрыва. Второй культурный слой перекрывает нижний, более ранний, в центральной части и прослеживается вдоль бере-

¹ Доклад, прочитанный на заседании группы средневековой археологии юго-востока Европейской части СССР ИА АН СССР 22 марта 1963 г.

² Поселение открыто сотрудником Азовского краеведческого музея Л. М. Казаковой, которая принимала самое деятельное участие в работе Приазовского отряда.

гового обрыва в восточном направлении до границы памятника, где он залегают непосредственно на материке. Его протяженность около 300 м.

Верхний культурный пласт перекрывает нижние в центральной части и выклинивается вдоль берега в западном направлении, где также залегают непосредственно на материке. Общая протяженность этого слоя вдоль берега около 400 м. Мощность нижнего культурного горизонта — 0,7 м — 1,2 м. Он характеризуется импортной средиземноморской керамикой, относящейся к концу V и к IV—III вв. до н. э. Среди находок следует отметить фрагмент большого чернолакового сосуда, фрагменты гераклейских и фасосских амфор, клеймо на ручке фасосской амфоры с именем керамарха Деметрия и с изображением фригийской шапки. Местная керамика представлена лепными сосудами, аналогичными керамике Елизаветовского городища, которое расположено на том же острове, в 2 км к северу от поселения³.

Второй культурный горизонт (его мощность 0,6—1,2 м) датируется керамикой первых веков н. э. Его характеризуют светлоглиняные южно-понтийские амфоры, среди которых преобладает тип I—II вв. н. э., сероглиняная местная керамика и грубые лепные горшки, формы которых имеют аналогии среди керамики нижнедонских городищ первых веков н. э.⁴ Особо следует отметить найденные в центральной части берегового обрыва великолепное блюдо, выполненное в технике terra nigra и украшенное штампованным орнаментом по дну, и верхнюю часть краснолакового кувшинчика, которые датируются II в. н. э. Мощность третьего древнего горизонта 0,65—0,90 м. Он характеризуется явными следами пожаров: в обресе берега видны прослойки золы и угля, обгорелая глиняная обмазка плетня и пережженный саман. Жители хутора при земляных работах постоянно встречают человеческие скелеты и отдельные кости. Среди фрагментов керамики этого горизонта численно преобладают фрагменты крупных амфор с удлиненным грушевидным корпусом, покрытым мелким рифлением, часто ангобированных. У них сравнительно высокое узкое горло и массивные, округло-овальные в сечении ручки, отходящие от горловины вверх и круто опускающиеся на плечики, характерный, очень плотный, грубый и в то же время легкий черепок, обычно со следами выжженной соломы, которая подмешивалась в тесто. Этот тип амфор наиболее часто встречается в русских памятниках от Тмутаракани до Новгорода⁵. В Саркеле — Белой Веже эти амфоры немногочисленны и относятся к последним десятилетиям его существования (конец XI — начало XII в.). В то же время наиболее распространенный в русском слое Саркела тип амфор (с широким грушевидным корпусом, широкими уплощенными ручками и отогнутым венчиком) вовсе не встречен на поселении у Казачьего Ерика⁶.

За исключением одного фрагмента, не представлены на поселении и более поздние амфоры конца XII — начала XIII в., подобные амфоре из жилища, раскопанного М. К. Каргером в 1949 г. в усадьбе Михайловского

³ Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища у станции Елизаветовской по находкам экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры в 1928 г. ИГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 160—185.

⁴ Т. Н. Книпович. Танаис. Историко-археологическое исследование. М.—Л., 1949, стр. 72—82; Д. Б. Шелов. Некрополь Танаиса (раскопки 1955—1958 гг.). М., 1961, стр. 55—79, табл. XVI—XXX. Материалы из раскопок Кобякова городища (1956—1962 гг.).

⁵ А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.). МИА, № 17, 1950, стр. 104—106; Б. А. Рыбаков. Отчет о работах Таманской археологической экспедиции на Таманском городище и в его окрестностях (1952—1953 гг.). Архив ИА АН СССР, дело № 918, 919, альбом, рис. 97; Коллекция Таманской экспедиции ГАИМК. 1930—1931 гг. Гос. Эрмитаж, № 1260; Материалы Новгородской археологической экспедиции. Принишу благодарность Г. П. Смирновой за любезное разрешение ознакомиться с этими материалами.

⁶ С. А. Плетнева. Керамика Саркела — Белой Вежи МИА, № 75, 1959, стр. 244—246, рис. 31; Гос. Эрмитаж. Фонды Волго-Донской экспедиции.

Златоверхого монастыря в Киеве⁷, и амфоре из раскопок А. А. Миллера на Кобяковом городище⁸. На западной окраине поселения вдоль берегового обрыва был заложен небольшой раскоп (12 кв. м) с целью расчистки выступавшей в обресе прослойки пережженного самана и глиняной обмазки. Раскоп подтвердил, что в этой части поселения залегает лишь один культурный пласт, относящийся к XI—XII вв. Он лежит непосредственно на материке, его мощность здесь 0,8—0,9 м.

Раскопками вскрыта часть погибшего в пожаре наземного жилища, глинобитный пол которого обнаружен на глубине 1,35 м от современной поверхности. Стены жилища были возведены из камыша, обмазанного глиной, а снаружи оштукатурены и побелены. В незначительной мере, судя по количеству находок, в конструкции жилища применялся саманный кирпич. Для перекрытия использовались связки камыша, уложенные на легкие деревянные стропила, обуглившиеся остатки которых найдены при расчистке пола. Сверху крыша, вероятно, была также, как и стены, обмазана глиной, оштукатурена и побелена.

Сооружения подобной конструкции традиционны в местной архитектуре. Они известны на Елизаветовском городище, на городищах первых веков н. э. на правом берегу Нижнего Дона, они встречены при раскопках Таманского городища и отмечены этнографами среди современных построек Тамани⁹.

В жилище обнаружены плохо сохранившиеся остатки печи частично обвалившейся в сторону берега. Прослеженная при расчистке нижняя часть печи близка по конструкции печам русского слоя Таманского городища¹⁰.

Печь была квадратной в плане, со слегка закругленными углами. Длина стенок приближается к 1 м. Под был несколько углублен в материк ниже пола и обмазан глиной. На поду лежал толстый слой (10—11 см) золы, образованный полностью перегоревшим топливом, в качестве которого служили солома, камыш, кизяк. Стенки печи были вылеплены из саманной массы. У основания они опирались снаружи на оригинальные подушки — подпорки, образованные плотно утрамбованной чистой серой глиной, масса которой заглублена почти на 0,2 м ниже уровня пола в материк.

Ширина глинобитной подушки, примыкавшей к печи с востока, — 0,4 м, ее высота над уровнем пола жилища — 0,12 м. Она была прямоугольной в сечении. Ширина северной глинобитной подушки — подпорки — 0,1 м, ее высота над уровнем пола — 0,21 м.

Пол жилища к востоку от печи был усеян обломками битых частично перегоревших в пожаре в основном однотипных горшков, которые упали в том же направлении, что и крыша жилища — с запада на восток. Создалось впечатление, что до катастрофы горшки стояли около печи на широкой глинобитной подушке — подпорке, служившей, очевидно, припечком.

К северу от печи находилась вырытая в материке ямка, глубина которой 0,11 м, а диаметр горловины 0,3 м, возможно, служившая для установки сосуда для хранения. Днище такого сосуда — красноглиняного пифоса, орнаментированного по стенкам неглубоким беспорядочным рифлением —

⁷ М. К. Каргер. Древний Киев. «Очерки по истории материальной культуры древнерусского города», т. 1. М.—Л., 1958, стр. 422, 423, табл. LXXV.

⁸ М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону. ИГАИМК, вып. 131, 1935, стр. 107, рис. 43.

⁹ Б. А. Рыбаков. Отчет о работах Таманской экспедиции (1954 г.). Архив ИА АН СССР, дело № 1051, стр. 219. Жилища подобной конструкции известны также на поселениях VIII—X вв. в бассейне Дона; И. И. Ляпушкин. Карнауховское поселение. МИА, № 62, 1958, стр. 263—314. Ряд наземных жилищ того же типа встречен в нижнем хазарском слое Саркела; В. Д. Белецкий. Жилища Саркела — Белой Вежи. МИА, № 75, 1954, стр. 56—60.

¹⁰ А. А. Миллер. Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г. (Краткий предварительный отчет об исследованиях в Таманском городище). ИГАИМК, вып. 3, 4, 1932, стр. 58, 59.

найдено при расчистке пола жилища¹¹. В ямке был встречен обломок крышки горшка, аналогичной крышкам из русского слоя Белой Вежи.

К северо-западу от печи собрано большое количество костей рыб, главным образом осетровых, и выточенное из рыхлого известняка рыболовное

Рис. 18. Керамика, найденная в жилище, и фрагмент поливного блюда с поселения
1, 3 — горшки; 2 — византийская амфора XI—XII вв.; 4 — фрагмент блюда

грузило, отличное по форме и обработке от многочисленных грузил — голышей, находимых на сарматских городищах Нижнего Дона, в том числе и в слое первых веков н. э. на поселении у Казачьего Ерика¹².

Жилище датируется частично восстановленной византийской, судя по качеству глины, амфорой, обгоревшие обломки которой были найдены на полу к северо-западу от печи (рис. 18 — 2). У амфоры стройный грушевидный корпус, покрытый неглубоким рифлением. Ниже ручек по плечикам нанесены граффити. Подобная амфора поднята в 1962 г. со дна моря у мыса

¹¹ Фрагменты подобных красноглиняных пифосов известны в Саркеле — Белой Веже и в Тмутаракани, в слоях X—XII вв.

¹² В жилище найдены также кости животных, которые были определены Н. М. Ефимовой. Здесь представлены: корова — 1 особь, баран — 1 особь, козел — 2 особи (молодые).

Ильи в районе Феодосии¹³; такая же найдена в Тмутаракани¹⁴. В материалах Белой Вежи фрагменты амфор этой группы единичны. Очевидно, эта амфора синхронна описанным выше, составляющим большинство в керамическом комплексе верхнего слоя поселения, тем более, что фрагменты последних найдены и в засыпи жилища, и на уровне пола за его пределами.

Среди находок из поселения у Казачьего Ерика особого внимания заслуживает фрагмент красноглиняного блюда, покрытого внутри по ангобу прозрачной, бледно-желтой, почти бесцветной свинцовой глазурью (рис. 18—4). Блюдо декорировано изображением присевшего перед прыжком зайца и стилизованными лозами или растительными побегами, которые выполнены в технике *sgraffito with incision*. Подобные сюжеты широко распространены на византийской поливной керамике этого типа. Изображения присевшего перед прыжком или бегущего зайца очень часты на фрагментах из Константинополя и городов материковой Греции (Афины, Спарта, Коринф). Обычно они сопровождаются монетами Алексея I (1081—1118) — Мануила I (1143—1180)¹⁵.

Находки на поселении в устье крупной судоходной реки многочисленных фрагментов амфор, служивших главным образом для транспортировки жидких и сыпучих грузов, в том числе византийской амфоры, а также пологого блюда в какой-то мере способствуют определению социально-экономической характеристики древнего поселения. Определению его политических связей помогает находка гончарного горшка с клеймом на дне, представляющим известную разновидность знака Рюриковичей¹⁶ (рис. 19). Эта находка свидетельствует о том, что на поселении или в его ближайшей округе жили ремесленники-гончары, находившиеся в вассальной зависимости от русского князя, происходившего из дома Рюриковичей. Несмотря на некоторую нечеткость рельефа, рисунок клейма читается весьма определенно. Это вписанный в круг двузубец, левый зубец которого раздвоен, а правый слегка отогнут наружу. Двузубец опирается на кружок. Схема двузубца напоминает зеркальное отражение знака, который долгое время безоговорочно приписывался Олегу (Михаилу) Святославичу, с 1078 по 1094 гг. (с перерывом 1079—1083 гг.), бывшему Тмутараканским князем¹⁷.

Облик клейма, его размеры, способ его нанесения на сосуд указывают на то, что мастер работал в традициях русского гончарного ремесла. Однако это обстоятельство еще не определяет этнической принадлежности гончара, ибо приземистая округлая форма сосудов, имеющая аналогии лишь в русских слоях Белой Вежи и Тмутаракани, скорее восходит к формам местной керамики салтовского типа, хотя венчики этих горшков, приспособленные для крышек, характерны для XI—XII вв.

¹³ Амфора добыта отрядом аквалантистов, работавших в составе Боспорской экспедиции ИА АН СССР. Сообщено Н. С. Беловой, которой приношу благодарность.

¹⁴ Б. А. Рыбаков. Отчет о работах Таманской экспедиции (1952—1953). Архив ИА АН СССР, дело № 919, альбом, рис. 94.

¹⁵ Alison Frantz. Middle byzantine pottery in Athens. *Hesperia*, v. VII, № 3. Athens, 1938, стр. 431, 432, 436, 437; D. Talbot Rice. *Byzantine glazed pottery*. Oxford, 1930, стр. 32, 33; Ch. H. Morgan. *The byzantine pottery*. Corinth, v. XI. Cambridge, 1942, стр. 148—157, pl. Ll (e, g); O. Wulff. *Altchristliche und mittelalterliche, byzantinische und italienische Bildwerke*. B. III. Berlin, 1911, Tf. XXII (2079, 2084, 2086), Tf. XXIII (2186).

¹⁶ Горшок был найден в обрыве берега в нескольких метрах к западу от раскопа вместе с верхней частью другого подобного горшка и бипирамидальной стеклянной бусиной XI—XII вв.

¹⁷ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Труды музея палеографии, вып. 2, 1928, стр. 203 (рис. 178); А. В. Орешников. Классификация древних русских монет по родовым знакам. *Известия АН СССР, юд. гуманитарных наук*, 1930, № 3, стр. 101 (рис. 24), 107; Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. *СА*, VI, 1940, стр. 232, 233; В. Л. Янин. Вислые печати из новгородских раскопок 1951—1954 гг. *МИА*, № 55, 1956, стр. 152. В. Л. Янин выдвинул иную атрибуцию этого знака.

В то же время и среди подъемного материала и материала из засыпи жилища есть группа фрагментов, принадлежащих горшкам, полностью тождественным керамике великокняжеского времени из южнорусских городов: Киева, Чернигова, Изяславля, Вышегорода, Райков и т. д.

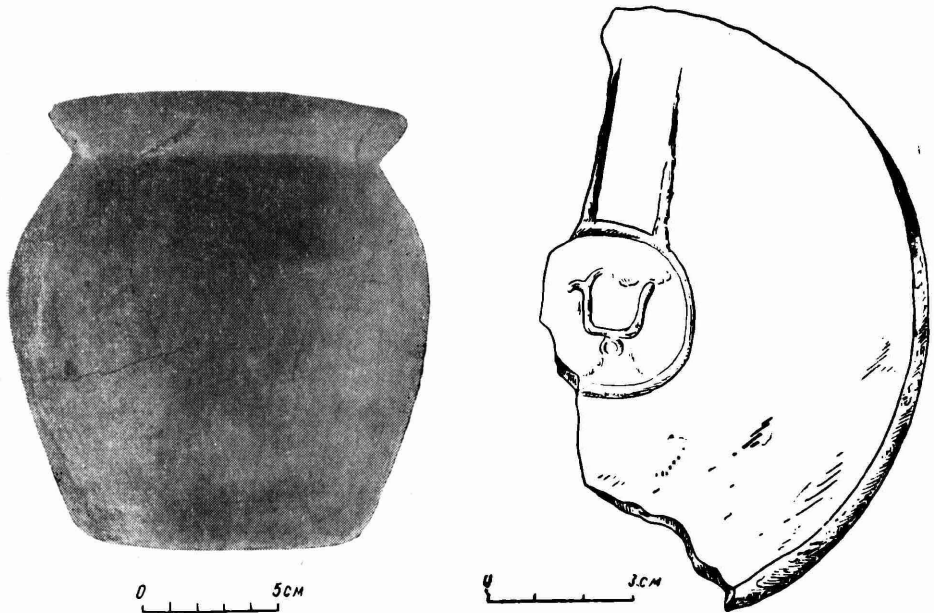

Рис. 19. Горшок с клеймом и прорисовка клейма

Горшки, найденные на полу жилища (более шести сосудов), составляют третью группу бытовой керамики поселения XI—XII вв. (рис. 18—1). Они изготовлены на круге; обжиг хороший, черепок грубый, плотный, песчанислый. Почти все горшки одинаковы. Их высота 0,23 м, наибольший диаметр 0,18 м. Диаметр горловины почти равен диаметру дна. У них стройное эллипсоидное тулово и небольшой каплевидный в сечении венчик, очень слабо отогнутый наружу. Они лишены какой-либо орнаментации. Вероятнее всего эта группа также восходит к формам керамики салтовского времени и принадлежит потомкам носителей салтово-маяцкой культуры.

Четвертая группа бытовой керамики представлена одним горшком, также из жилища, но резко отличным от описанных выше по форме, тесту и технике изготовления (рис. 18—3). У него приземистое, суженное к низу тулово, сравнительно широкая горловина (диаметр ее 0,10 м, высота сосуда 0,14 м) и почти вертикальный прямой венчик. Этот сосуд восходит к тем формам лепной роменско-боршевской керамики IX—X вв., которые известны на Нижнем Дону из Саркела — Белой Вежи¹⁸. Очевидно, генетически различные типы бытовой керамики в культурном слое, соответствующем средневековому поселению у Казачьего Ерика, характеризуют этнически различные группы его обитателей и в какой-то мере отражают процесс проникновения русского населения в местную этническую среду. Таким образом, первые работы, проведенные на поселении, позволяють рассматривать этот памятник, как значительный промежуточный торгово-ремесленный пункт на пути из Тмутаракани в Русскую землю. Необходимость в существовании такого пункта в дельте Дона была доказана А. А. Спицыным еще в 1909 г.¹⁹ На нашу долю выпало лишь подтвердить это предвидение.

¹⁸ М. И. Артамонов. Саркел — Белая Вежа. МИА, № 62, 1958, стр. 62, 63, рис. 41; С. А. Плетнева. Указ. соч., стр. 225—230, рис. 13.

¹⁹ А. А. Спицын. Историко-археологические разыскания. II. Тмутаракань. ЖМНП, новая серия, 1909, январь, стр. 79—90.

В. П. ДАРКЕВИЧ

ОБРАЗ ЦАРЯ ДАВИДА
ВО ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОЙ СКУЛЬПТУРЕ ¹

Библейский царь Давид в окружении зверей, птиц и растений — один из основных персонажей владимиро-суздальской фасадной пластики. Истолкование этого сюжета в значительной степени определяет то или иное осмысление всей системы резного убранства церкви Покрова, построенной Андреем Боголюбским в устье Нерли (1165 г.), и Дмитриевского собора (1194—1197 гг.) — дворцового храма Всеволода III. В обоих памятниках фигура Давида помещена в центре средних закомар трех стен (кроме восточной — алтарной). По размерам она превосходит окружающие фигуры и выполнена в более высоком рельефе. Вокруг этого композиционного ядра симметрично группируются остальные рельефы в закомарах.

Первоначально фигуру святого принимали за изображение Спасителя в окружении христианских символов в виде львов и голубей ². Н. П. Кондаков видел в пророке Дмитриевского собора царя Соломона, предлагая искать разгадку смысла резного убора храма в духовном стихе о Голубиной книге и апокрифических текстах (мир божьей премудрости, воспетый ветхозаветным мудрецом) ³. Эта точка зрения, которой в настоящее время придерживается Г. К. Вагнер ⁴, представляется неубедительной. Во-первых, в церкви Покрова на Нерли над головой персонажа сохранилась первоначальная надпись «Святой Давид», а в Дмитриевском соборе повторяется та же композиция в более усложненных вариантах. Во-вторых, в христианской иконографии Соломон никогда не изображался с музыкальным инструментом. В-третьих, мало вероятно, чтобы произведения отреченной литературы и сложившиеся под их влиянием народные духовные стихи могли лечь в основу декорации христианского храма. Апокрифическая «Беседа трех святителей», послужившая источником стиха о Голубиной книге, по предположению В. Мочульского, уже в XIII в. считалась еретическим сочинением и была внесена в индекс ложных книг ⁵. Большинству исследователей (Ф. Халле ⁶, Д. В. Айналов ⁷, В. Н. Лазарев ⁸) фигура «поющего» Да-

¹ Доклад, прочитанный на заседании сектора славяно-русской археологии ИА АН СССР 27 декабря 1962 г.

² А. С. Уваров. Взгляд на архитектуру XII века в Суздальском княжестве. Труды I АС в Москве, 1869, 1. М., 1871, стр. 260.

³ И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. VI. СПб., 1899, стр. 27.

⁴ Г. К. Вагнер. К вопросу о владимиро-суздальской эмблематике. «Историко-археологический сборник». М., 1962, стр. 255.

⁵ В. Мочульский. Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге. Варшава, 1887, стр. 50.

⁶ F. Halle. Russische Romanik. Die Bauplastik von Wladimir-Ssusdal. Berlin, 1929, стр. 61—62.

⁷ D. Ainalov. Geschichte der russischen Monumentalkunst der vormoskovitischen Zeit. Berlin—Leipzig, 1932, стр. 78—82.

⁸ В. Н. Лазарев. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. «История русского искусства», т. 1. М., 1953, стр. 402 и сл.

Рис. 20. Изображение Давида в закомаре церкви Покрова на Нерли (среднее прясло западной стены)

вида давала основание видеть в резном уборе обоих памятников иллюстрацию к тем единичным псалмам, где говорится о восхвалении природой своего создателя (Псалом 150—6). Н. Н. Воронин считает, что рельефы церкви Покрова символизируют ветхозаветное пророчество царя Давида о богородице⁹, а в Дмитриевском соборе святой выступает как владыка, в борьбе с крамолой укрепляющий свою державу¹⁰. Не исключая вероятную связь Давида с культом Покрова, остановимся на других сторонах этого многогранного образа.

На рельефе церкви Покрова (Нерль) юный царь¹¹ торжественно сидит на престоле (рис. 20). Окруженная нимбом голова святого в обрамлении длинных локонов увенчана короной. Правой рукой он благословляет, левой прижимает к себе прямоугольный псалтирь, пять струн которого вверху натянуты круглыми колками¹². Давид облачен в длинную, до пят, одежду

⁹ То же толкование предложено Е. С. Медведевой (Древне-русская иконография Покрова. Канд. дисс., ч. II. Архив ИА АН СССР Р-2, № 1728).

¹⁰ Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. 1. М., 1961, стр. 268, 269, 437.

¹¹ Молодой Давид, еще не сменивший Саула на престоле, рассматривался уже как царь. Вспомним, что Самуил помазал его на царство в возраст около двадцати лет. На южных вратах Суздальского собора (1222—1225 гг.) композицию «Явление ангелов Давиду», где святой представлен безбородым юношей, поясняет следующая надпись: «Давид царь, на треплетную веру Троице уповав, три взя камени на брань» (Н. Толстой и Н. Кондаков. Указ. соч., стр. 69). На Васильевских вратах (1336 г.) над сценой единоборства юного Давида с Голиафом помещена надпись: «Царь Давид порази Голиафа!» (В. Н. Лазарев. Васильевские врата 1336 г. СА, XVIII, 1953, стр. 424, рис. 26). На миниатюре Псалтыри X в. из Рима безбородый Давид — арфист в короне — сидит на престоле. В левой руке у него скипетр — эмблема царского достоинства (G. L. Micheli. L'enluminure du Haut Moyen âge et les influences irlandaises. Bruxelles, 1939, рис. 235).

¹² В западноевропейских миниатюрах IX—XI вв. у Давида обычно прямоугольный или квадратный псалтирь. В России (XVI—XVIII вв.) псалтирь имел трапециевидную форму с закругленными сторонами, реже — треугольную (А. С. Фаминцын. Гусли, русский народный музыкальный инструмент. СПб., 1890, стр. 76 и сл.).

1

2

Рис. 21. Дмитриевский собор.

1 — закомара среднего прясла западной стены; 2 — закомара среднего прясла южной стены

с плотно прилегающими рукавами, которая падает прямыми складками. Строго фронтальная фигура выглядит застывшей, тело несоразмерно мало по сравнению с головой. По сторонам престола стоят львы и птицы. В Дмитриевском соборе фигура «псалмопевца», напротив, пропорциональна и полна движения (рис. 21). Псалтирь он придерживает вертикально, упирая его нижний край в колени, как при игре на этом инструменте. На деке в промежутках между струнами маленькими круглыми углублениями обозначены голосники. В домонгольском искусстве этот тип царя-музыканта не имеет параллелей.

В литературе отмечалось некоторое формальное сходство рельефов церкви Покрова с композицией «Христос во славе», широко распространенной в романском искусстве, особенно в тимпанах церковных порталов¹³. В центре, в мандорле помещалась фронтальная фигура благословляющего Христа-триумфатора, сидящего на троне. Левая рука опирается на Евангелие, поставленное на колено. По сторонам четыре символа евангелистов; вверх ангел и орел, вниз лев и крылатый бык. Между тем в западноевропейском искусстве средневековья Давид-музыкант, в большинстве случаев лишенный нимба, никогда не благословляет¹⁴. Возможно, источник «владимирской» трактовки следует искать среди тех изображений, где фигуры Давида и Вседержителя располагались рядом. При воспроизведении два образа могли слиться воедино. На рисунках в западноевропейских Псалтырях играющего псалмы Давида по традиции помещали на заглавном листе, часто вписывая в начальный инициал «В». Иногда в верхнее звено инициала вписывали благословляющего Христа — объект пророчеств псалмопевца, в нижнее — Давида-музыканта (регенсбургская Псалтырь XII в.¹⁵, Библия из Дуэ середины XII в.¹⁶). Христа могут окружать символы евангелистов (английская Псалтырь начала XII в.), а Давида — музыканты, птицы (английская Псалтырь конца XIII в.¹⁷), львы (Псалтырь Ноткера XII в.¹⁸). В западных Псалтырях псалмопевец в соответствии с византийской традицией иногда выступает в виде юноши. Есть основания предполагать, что рукопись, послужившая образцом для резчиков церкви Покрова¹⁹, происходила из южной Германии (Регенсбург), откуда шел торговый путь на Киев. Одежду, корону и трон Давида окаймляет «жемчужный» орнамент, а в Дмитриевском соборе передняя сторона снабженного подушкой престола и подножная скамеечка заштрихованы пересекающимися косыми линиями (обозначение мягкой обивки). Аналогичные регалии находим на миниатюрах регенсбургских рукописей XII—XIII вв.²⁰ Это пред-

¹³ Н. Н. Воронин. Указ. соч., стр. 335.

¹⁴ Иконография Давида в христианском искусстве очень богата, так как он считался ветхозаветным прообразом и предком Христа, а многие эпизоды его истории ставились в параллель к жизни Иисуса. Он изображался то в виде юного пастуха — победителя Голиафа, то как музыкант или бородатый пророк. Как предполагаемый автор Псалтыри Давид — поэт и музыкант — был покровителем этих искусств. Средневековый образ царя-псалмопевца, наследовавший античному Орфею — это сидящий на троне бородатый старец в короне, который аккомпанирует себе на арфе, лире, виоле или псалтири. Его окружают музыканты и танцоры (иллюстрации Псалтырей, на капителях, в оформлении порталов и хоров церквей, на витражах) (L. Réau. *Iconographie de l'art chrétien*, t. II. Paris, 1956, стр. 254—256).

¹⁵ A. Voeckler. *Die Regensburg — Prüfeninger Buchmalerei des XII und XIII Jahrhunderts*. München, 1924, табл. 96, 132.

¹⁶ A. Voeckler. *Abendländische Miniaturen bis zum Ausgang der Romanischen Zeit*. Berlin und Leipzig, 1930, табл. 96.

¹⁷ E. G. Millar. *English illuminated manuscripts*, 1. Paris et Bruxelles, 1926, табл. 32, в; 100.

¹⁸ Д. Фогт. *История немецкой литературы от древнейших времен до настоящего времени*. СПб., 1901, вклейка между 96 и 97 стр.

¹⁹ В романской скульптуре изображения Давида также иногда вдохновлялись иллюстрациями Псалтырей (R. Jullian. *L'Éveil de la sculpture italienne*, 1, Paris, 1945, стр. 221).

²⁰ A. Voeckler. *Die Regensburg — Prüfeninger Buchmalerei...*, табл. XXIX, 33; XXXI, 35; XLV, 51, XLVI, 52.

положение — одна из возможных гипотез о происхождении владимирской иконографии.

Чем вызвана местная переработка сюжета, где Давид предстает в репрезентативном образе святого, простершего руку в благословляющем жесте, а псалтирь воспринимается только как определительный атрибут (он не играет, а лишь придерживает его)?

В средневековье Давид воплощал идею божественного происхождения светской власти. Безвестный пастух был помазан на царство по велению бога, который неизменно покровительствовал своему избраннику (см. 2 книга Царств, гл. 7 ст. 8—9). Представление о богоданности княжеской власти, которой помогает небо (часто в связи с именем Давида), отразилось в воинской повести Северо-Восточной Руси. «...Яко рече Исая пророк: тако глаголетъ Господь: князи аз учиняю, священи бо суть, аз вожу я. Во истину, без Божиа повеленья не бе княжение его» («Житие Александра Невского») ²¹. Перед битвой со шведами Александр обратился с речью к дружине: «Помянем песнесловца Давида: Си во оружии, а си на конех, мы же во имя Господа Бога нашего призовем» ²². Автор жития соединяет имена Давида и Александра, равно угодных царю небесному. После освобождения Пскова от немецких рыцарей жители приветствуют Александра: «Пособивый, Господи, кроткому Давиду победити иноплеменики и верному князю нашему оружием крестным свободи град Полсков от иноязычник» ²³. «Боже... Покори под нозе его (князя Дмитрия Донского — В. Д.) врагы Амалика, яко же иногда кроткому Давиду...» («Сказание о Мамаевом побоище») ²⁴.

«Дух господень», почивающий на Давиде находит символическое воплощение в рельефах Дмитриевского собора. К нему спускаются голуби — посланники неба (в закомарах всех стен) и ангел (на западной стене). На западной стене несколько выше Давида помещены два рельефа с ангелами, идущими с обеих сторон к престолу. За каждым из них — святой со свитком (рис. 21—1). На южной стене над Давидом, к которому слетает святой дух в виде голубя, сидят на престолах два бородатых пророка со свитками в руках. Один из них, возможно Самуил, помазавший на царство сына Иессея (ему приписывалось создание первых двух книг Царств), второй — Нафан (?). Между ними помещен «престол уготованный» (Этимасия) с крестом — символ присутствия бога (рис. 21—2).

В феодально-рыцарской среде святой Давид почитался как образец совершенного мудрого и справедливого правителя. Библия характеризует сына Иессея как «умеющего играть, человека храброго и воинственного, и разумного в речах и видного собою и господь с ним». (1 книга Царств, гл. 16, ст. 18). «И царствовал Давид над всем Израилем, и творил Давид суд и правду над всем народом своим» (2 книга Царств, гл. 8, ст. 15). «...Владычествующий над людьми будет праведен, владычествуя в страхе Божиим» (2 книга Царств, гл. 23, ст. 3). Этому идеалу отвечают древнерусские похвалы князьям XII—XIII вв. Ростовский князь Василек Константинович был «...лицем красен... мужьство же и ум в нем живяше... Бе бо всему хитр и гораздо умея, и поседе в доброденьстви на отни столе и дедни» ²⁵. Ярослав Осмомысл «мудр и речен языком, и богобоязлив, и честен в землях, и славен полкы»... ²⁶ Даниил Заточник желает своему князю «хитрость Давидову». Житие Владимира Святославича сравнивает этого князя со святым Давидом ²⁷.

²¹ В. Мансикка. Житие Александра Невского. «Памятники древней письменности и искусства», CLXXX. СПб., 1913, стр. 126—127.

²² Там же, стр. 128.

²³ Там же, стр. 133.

²⁴ Повести о Куликовской битве. М., 1959, стр. 63.

²⁵ ПСРЛ, т. I, вып. 2, 1927, ст. 467.

²⁶ ПСРЛ, т. II, вып. 3, 1843, стр. 135.

²⁷ В. Мансикка. Указ. соч., стр. 37.

Давид — грозный для врагов, талантливый военачальник, подчинивший соседние народы и без устали уничтожавший врагов внутри государства. «Я гоняюсь за врагами моими и истребляю их, и не возвращаюсь, доколе не уничтожу их» (2 книга Царств, гл. 22, ст. 38). «Иноплеменники ласкательствуют предо мною; по слуху обо мне повинуются мне. Иноплеменники бледнеют и трепещут в укреплениях своих». (2 книга Царств, гл. 22, ст. 45—46). Эта цитата находит параллель в летописной характеристике Всеволода III (повторяющей аналогичные строки о Владимире Мономахе): «Сего имени токмо трепетаху вся страны и по всей земли изиде слух его... и бог покаяше под нозе его вся врагы его»²⁸. На примере святого Давида церковь оправдывала жестокость феодалов²⁹.

Подавив мятежи, Давид объединил под своим скипетром все 12 племен Израиля. По-видимому, это событие имели в виду резчики, изобразив на стенах Дмитриевского собора 12 скачущих всадников, в которых можно видеть представителей колен израилевых, спешащих принести присягу Давиду. Примерно посредине высоты окон западной и южной стены они образуют как бы фриз (по четыре в средних пряслах и по два на восточном прясле южной стены и южном прясле западной стены). Эти всадники, вооруженные мечами и луками, возможно ассоциировались и с воинством Давида, «подвизавшимся с ним в царстве его»³⁰. В распоряжении царя было 12 военачальников всенародного ополчения. На каждой стене изображено по шести всадников, а в составе войска Давида было шесть знаменитых героев³¹. Уместно вспомнить и библейский рассказ о войне за власть между Давидом и сыном Саула Иевосфеем. Сражение у пруда Гаваонского началось поединком между двенадцатью молодыми людьми из стана Давида и столькими же сторонниками Иевосфея. (2 книга Царств, гл. 2, ст. 16). Сравнения княжеского воинства с отроками Давида, а врагов поганых — с моавитянами (племя, покоренное Давидом) и Голиафом употребительны в древнерусской воинской повести. «Тако бо бяше и у Александра князя множество храбрых, якоже древле у Давида царя силне и крепце...» («Житие Александра Невского»)³². Воины Дмитрия Донского «бяху бо, аки Давидови отроци, иже сердца имуща, аки лвовы...» («Сказание о Мамаевом побоище»)³³. В Дмитриевском соборе «сильные» Давида выступают как «святые воины», культ которых был широко распространен на Руси (их головы окружены нимбами).

Окружающие Давида звери и птицы, которых обычно рассматривают как представителей славящей бога вселенной, скорее символизируют державное могущество князей. В церкви Покрова на Нерли это львы — геральдическая эмблема владимирской княжеской династии и хищные птицы с мощными клювами и сильно развитыми когтями (орлы?). Композиция как бы служит иллюстрацией к словам Даниила Заточника: «Орел птица царь надо всеми птицами..., а лев над зверми, а ты, княже над переславцы»³⁴. На северной стене Дмитриевского собора, кроме львов, Давида фланкируют грифоны, с животными в когтях (в церкви Покрова они помещены в боковых закомарах), также входившие в круг княжеской геральди-

²⁸ ПСРЛ, т. I, вып. 2, 1927, стр. 436.

²⁹ Деятели ключнического движения идеолог рыцарства аббат Одо оправдывал кровопролитие примером святого царя Давида, часто прибегавшим к оружию (О. Г. Чаяковская. Ключническое движение X—XI вв., его социальный и политический характер. «Вопросы истории религии и атеизма». Сборник статей. VIII. М., 1960, стр. 279).

³⁰ После войны с Адраазаром Давид захватил у врага сто коней, создав довольно скромную конницу. При Соломоне конница стала основным видом войска (Я. А. Богородский. Еврейские цари. Казань, 1906, стр. 295).

³¹ Я. А. Богородский. Указ. соч., стр. 150.

³² В. Мансикка. Указ. соч., стр. 132.

³³ Повести о Куликовской битве..., стр. 71.

³⁴ Памятники древнерусской литературы. вып. 3. Слово Даниила Заточника. Л. 1932, стр. 66.

ческой эмблематики³⁵. На западной стене его окружают барсы и львы (у ног), на южной — львы и хищные птицы³⁶.

Таким образом, нет оснований видеть в Давиде только певца идиллического единения природы и бога, глашатая мировой гармонии. Во владимирской скульптуре он предстает прежде всего как идеальный государь, «грозный множеством воинов», победитель иноплеменцев и изменников, создатель объединенного государства, которое в резьбе Дмитриевского собора представлено двенадцатью всадниками. Этот образ, по-видимому, воплощая на стенах храмов охранительные функции, воплощал идею величия единодержавной власти, которая вручается самим богом и следовательно предстает в ореоле святости. Подобно тому как Давид для укрепления царства сделал своей столицей Иерусалим, не принадлежавший ни одному из колен Израиля, Андрей Боголюбский переносит княжеский стол в новую столицу — Владимир, бывший «пригород» боярского Ростова. Для возвышения Иерусалима Давид доставил туда ковчег завета³⁷ — князь Андрей привозит из Вышгорода во Владимир чудотворную икону богоматери, которая стала главной святыней северо-восточной Руси. Как и Давид, украсивший Иерусалим великолепными дворцами и подготовивший сооружение грандиозного храма Иегове, владимирские князья заботятся о застройке своей столицы.

Предложенная интерпретация, которую ввиду сложности образа нельзя считать всеобъемлющей, отвечает господствующему направлению государственной мысли времени Андрея и Всеволода и общему характеру владими́ро-суздальской феодальной культуры, где христианские темы широко использовались для проведения актуальных политических идей. Такому пониманию соответствует семантика других больших закомарных композиций Дмитриевского собора, который соединялся переходами с дворцом Всеволода. «Вознесение Александра Македонского» (восточное прясло южной стены) — символ возвеличения и обожествления власти²⁸. В закомаре восточного прясла северной стены изображен князь Всеволод с сыновьями. У его ног изваяны барс, лев (в центре) и грифон — образы силы и могущества, излюбленные в среде дружинной аристократии. Мироззрение этого сословия, культуре которого свойственны идеализация и гиперболизация физической мощи и доблести, определило выбор многих других сюжетов, украшающих стены собора. В их числе Самсон, раздирающий пасть льва, и труды Геракла (среднее прясло западной стены)³⁹, воин, вонзающий меч в пасть попавшего в капкан зверя (среднее прясло северной стены), борцы (среднее прясло южной стены), сцены терзания хищниками травоядных — ланей, зайцев и т. д. При сопоставлении тематики резьбы Дмитриевского собора с росписями дворцов византийских и западноевропейских светских феодалов обнаружится несомненное сходство. Изображения эпизодов из жизни Давида (битва с Голиафом, гнев Саула), так же как и подвиги других прославленных героев древности (Самсона, Ахилла, Одиссея, Александра Македонского), были выполнены мозаикой

³⁵ Г. К. Вагнер. Грифон во владими́ро-суздальской фасадной скульптуре. СА, 1962, № 3, стр. 88—89.

³⁶ Ср. строки из «Шахнаме»: «Животные, хищники, с разных дорог
Сбегаясь, ложились у царственных ног»

Фирдоуси. Шахнаме, т. 1. М., 1957, стр. 24. В поэме Руставели, когда витязь запел:
«Отовсюду вышли звери слушать звуки песнопенья...

И пришли пред ним склониться тварей мира вереницы,

Звери с гор, из моря рыбы, крокодилы, с неба птицы...»

Шота Руставели. Витязь в тигровой шкуре. Перевод с грузинского Ш. Нуцубидзе. М., 1941, стр. 173.

³⁷ Этот эпизод изображен на левой створке Васильевских врат 1336 г. (И. Тойстой и Н. Кондаков. Указ. соч., стр. 75, рис. 106).

³⁸ Н. Н. Воронин. Указ. соч., стр. 319.

³⁹ В. П. Даркевич. Подвиги Геракла в декорации Дмитриевского собора во Владимире. СА, 1962, № 4.

в приемном зале дворца Дигениса Акрита — героя византийской поэмы X в.

В сатирической поэме «Поп Амис» немецкого поэта Штрикера (XIII в.) описана роспись парадного зала королевского дворца. Здесь представлены Давид и Соломон, гибель Авессалома, победы Александра Македонского в Персии и Индии, римские императоры, наконец, сам король и его двор⁴⁰.

Система резного убранства стен Дмитриевского собора (над аркатурно-колончатым фризом) представляется следующим образом. Основные смысловые центры сосредоточены в закомарах. Между изображениями на них и на резных камнях, лежащих значительно ниже (на несколько рядов рельефов), может существовать сюжетная связь (Давид и всадники). Кроме того, сюжетная и идейная взаимосвязь прослеживается между рельефами, расположенными в разных местах стены, иногда на разных пряслах (подвиги Геракла на среднем прясле и кентавры на боковых пряслах западной стены). Композиционная близость между связанными по содержанию элементами не всегда прослеживается, так как все пространство между ними заполнено многочисленными рельефами, декоративный характер которых очевиден (растения, парные львы с общей головой, птицы с переплетенными шеями, осевые композиции из парных животных и птиц, построенные по принципу формальной симметрии).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА В. П. ДАРКЕВИЧА

Прения по докладу сосредоточились вокруг центральной темы — трактовки изображений Давида.

Говорилось о том, что в резьбе Дмитриевского собора есть своя внутренняя логика и скрытый смысл в подборе и расположении фигур; чтобы правильно понять центральный образ, его надо брать в связи с остальными изображениями (Б. А. Рыбаков). В резьбе Дмитриевского собора отразилась общая идея устройства мира сильной властью князя, эта идея фигурирует и во владимирской литературе того времени (Н. Н. Воронин), нельзя также не считать с тем, что Давид показан как предвестник культуры богоматери.

Г. К. Вагнер отметил, что изучение западноевропейских аналогий владими́ро-суздальской скульптуры, в частности миниатюр, представляет большой интерес, так как все это явления одного порядка. Однако образ Давида в средневековом искусстве очень сложен и здесь не всегда можно пользоваться аналогиями. В частности, на фасадах церкви Покрова на Нерли Давид представлен юным, следовательно, прежде всего как псалмопевец, так как Давид-царь изображается старцем (в отличие от Соломона). По мнению Г. К. Вагнера, образ Давида в скульптуре церкви Покрова прежде всего обусловлен Псалтырью, теми псалмами ее, где говорится о Покрове (о «крове крылу»). Поскольку культу Покрова при Андрее Боголюбском придавалось громадное национальное значение, постольку появление образа Давида-псалмопевца в фасадной скульптуре вполне правомерно. Идея Давида-царя могла быть здесь только второплановой.

⁴⁰ В живописи государевых хором дворца Алексея Михайловича в Коломенском с Давида и Соломона начиналась «галерея» древних царей — («Царь Юлий Римский да царь Пор индейский», «Александр Македонский да царь Дарий Перский»). (И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., т. I. М., 1918, стр. 200).

П. А. РАППОПОРТ

НОВЫЕ ДАННЫЕ
ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ВОЛЫНИ¹

Историческая география как наука в прошлом целиком базировалась на письменных источниках. Археологические материалы почти совершенно не привлекались для решения историко-географических задач. Не составляла исключения в этом отношении и историческая география древней Руси. В этой области также пользовались сведениями летописей, актов и других письменных источников, старинными картографическими материалами. Лишь в самое последнее время выяснилось, какие огромные возможности дает привлечение и использование археологических источников.

В 1959—1962 гг. отряд по изучению крепостей проводил обследование городищ на территории западнорусских земель. При этом, кроме основных материалов по исследованию памятников древнерусского военного зодчества, были получены интересные сведения и по исторической географии. В настоящей статье приводятся данные, связанные с определением местоположения некоторых древних волынских городов.

1. Данилов. Город Данилов впервые упоминается в письменных источниках при описании монгольского нашествия на Южную Русь. Летописец отметил, что Батый, взяв в 1240 г. Киев, двинулся на запад, уничтожая на пути все города, в которых русские воины пытались оказать ему сопротивление. Однако города Кременец и Данилов Батый не штурмовал, так как увидел «яко невозможно прияти ему». Несколько позже, в 1261 г. русским князьям пришлось самим уничтожить этот город по требованию монгольского полководца Бурундая². Судя по этим известиям летописи, ясно, что Данилов был мощной крепостью. Несмотря на это даже само место расположения города не было окончательно установлено. Некоторые исследователи считали, что Данилов должен был находиться несколько юго-восточнее Тихомля, близ современного с. Даниловка (Белгородский район Хмельницкой области)³, другие искали его у с. Даниловка в 16 км к северо-востоку от Кременца (Шумский район Тернопольской области)⁴.

¹ Доклад на славянской секции XI конференции Института археологии АН УССР в Киеве 27 апреля 1962 г.

² Ипатьевская летопись под 6748 (1240) г. и под 6769 (1261) г. В 40-х годах XIII в. в Данилове останавливался на пути в Киев папский посол Плато Карпини. (Иоанн де Плато Карпини. История Монгалов. СПб., 1911, стр. 45).

³ См., например: В. Б. Антонович. Археологическая карта Волынской губернии. Труды XI АС т. 1. М., 1901, стр. 88; Н. И. Теодорович. Историко-статистическое описание церквей и приходов Волынской епархии, т. 2. Почаев, 1890, стр. 806. Археологическая разведка, проведенная здесь в 1961 г. М. А. Тихановой, показала, что в районе с. Даниловка древнерусского городища нет.

⁴ Так показан, например, город Данилов на исторических картах, составленных И. А. Голубцовым и приложенных к «Очеркам по истории СССР». (Очерки по истории СССР. Период феодализма, IX—XV вв., ч. 1. М., 1953.

Второй из названных пунктов действительно был местом расположения древнего Данилова.

Городище расположено к северо-востоку от с. Даниловка на отдельной высокой горе, называемой «Святая Троица» — по названию часовни, стоящей на вершине⁵. Склоны горы со всех сторон очень крутые; на вершине — ровная горизонтальная площадка длиной около 270 м и шириной до 80 м. Площадка одернована, однако в ямах и кротовинах всюду в большом количестве встречается подъемный материал. Зачистка обрывов ям показала, что культурный слой тонкий (его толщина около 25—30 см, ниже лежит известняковая скала), но очень насыщенный археологическим материалом (керамика, железные изделия, стеклянные браслеты, кости животных и пр.), целиком относящимся к XIII в.

2. Чернеч-городок. В польско-литовском договоре 1366 г. среди городов, принадлежащих волинскому князю Любарту упомянут Чернеч-городок⁶. Место его не было точно определено и поэтому его локализовали в самых различных районах. Так, в работе Балиньского и Липиньского Чернеч-городок отождествляется с Черным островом на Южном Буге⁷. Более внимательно подошел к этому вопросу М. Любавский, указавший, что Чернеч-городок должен находиться где-то в районе Луцка и высказавший предположение, что этим местом могло быть современное с. Черниж в 48 км к северо-востоку от Луцка⁸.

Между тем местоположение Чернеч-городка легко определяется по документам XVI в., где этот пункт, превратившийся к тому времени в село, упоминается неоднократно. В документе 1578 г. «село Черньгородок» указано к северу от Луцка рядом с селами Маневичи, Колки и др.⁹ В документе 1583 г. в окружении тех же сел отмечено имение Чернечгородок¹⁰. Еще более точно место Чернеч-городка указано в «книгах радецких» 1545 г., где среди сел, приписанных к Луцкому замку, названо «село Чернеч городок; а приселок Моневици»¹¹. Рядом с современным с. Маневичи (в 71 км к северу от Луцка) до настоящего времени существует с. Городок, в котором сохранилось городище — место древнего Чернеч-городка¹². Несмотря на то, что в письменных источниках название Чернеч-городка появляется лишь в середине XIV в., культурный слой на городище свидетельствует о том, что укрепленное поселение здесь было основано значительно раньше — в XIII в., а быть может даже в XII в.

3. Р а й. В 1287 г. волинский князь Владимир Василькович, уже будучи тяжело больным, объезжал свои владения. Он остановился в Каменце (современный Каменец-Литовский), затем из Каменца поехал «до Раю», а оттуда через некоторое время выехал в Любомль, где и скончался¹³. Местоположение Рая, где останавливался больной князь, на всех исторических картах указано к северу от Каменца, несколько западнее Гродно, у современного с. Райгород. Сопоставление Летописного Рая с Райгородом казалось

⁵ До работы отряда по изучению крепостей городище это обследовано сотрудником Кременецкого музея М. И. Островским, правильно определившим его как остатки города Данилова.

⁶ J. Daniłowicz. Skarbiec diplomatów... t. 1. Wilno. 1859, стр. 210.

⁷ Starożytna Polska pod względem historycznym, geograficznym i statystycznym opisana przez M. Balińskiego i T. Lipińskiego, t. II. Warszawa, 1845, стр. 1008.

⁸ М. Любавский. Областное деление и местное управление литовско-русского государства. М., 1893, стр. 218.

⁹ Памятники, изданные временною комиссиею для разбора древних актов, т. III. Киев, 1852, отд. 2, стр. 17.

¹⁰ Polska XVI wieku pod względem geograficzno — statystycznym, t. VIII. Warszawa, 1889, стр. 85.

¹¹ Памятники, изданные временною комиссиею для разбора древних актов, т. IV. Киев, 1859, отд. 2, стр. 161.

¹² Совершенно правильно местоположение Чернеч-города было указано в статье: М. В. Довнар-Запольский. Из истории литовско-польской борьбы за Волинь. Киевские университетские известия, 1896, № 8, стр. 9, прим. 4.

¹³ Ипатьевская летопись, 6795 г.

несомненным, тем более, что на восточном берегу Райгородского озера действительно сохранилось древнее городище¹⁴. Кроме того, Райгород («град... именовъ Рай») упоминается в русской летописи еще раньше, в 1255 г., при описании похода князя Даниила на ятвягов¹⁵. Между тем, если совершенно ясно как князь Даниил дошел до Райгорода во время дальнего похода, то непонятно, зачем отправился туда смертельно больной князь Владимир, который возвращался из Каменца в свою резиденцию, в Любомль. Исходя из этих соображений некоторые исследователи высказывали предположение, что Райгород не тождествен Райю и что этот последний должен был находиться не на далекой северо-западной границе русской земли, а где-то в районе Любомля.

Названия Рай, Райгород, Райместо, Райки встречаются во многих районах. Еще больше существует мест, где согласно легенде некогда существовали города с таким названием¹⁶. Ближе всего к Любомлю из таких пунктов лежит с. Райместо (в 40 км к северо-западу от Луцка). Археологическое обследование показало, однако, что в районе села нет никаких следов древнего поселения. Между тем, еще в XVIII в. существовал населенный пункт, лежавший непосредственно между Каменцем и Любомлем и носивший наименование Райевище (или Райовище). Деревня эта известна в документах XVI в.¹⁷, указана она также и на картах XVII—XVIII вв.¹⁸ Вряд ли могут быть сомнения в том, что именно это Райевище и есть остатки летописного Рая¹⁹. По-видимому, с конца XVIII или начала XIX в. с. Райевище стало называться Яревище. В настоящее время в восточной части этого села (в 24 км к юго-западу от г. Ратно Волынской области), на берегу Припяти сохранилось маленькое городище «Городок» с культурным слоем XII—XIII вв.

4. Э д и т о в. Город Эдитов впервые упоминается в письменных источниках под 1252 г. при описании в летописи похода волынских князей Даниила и Василька на литовского князя Миндовга²⁰. Более подробно об этом событии говорится в польской хронике Стрыйковского, где так же как и в летописи указано, что войска князя Даниила шли через Эдитов²¹. В более позднее время положение Эдитова на основном пути, соединявшем Волынь с Литвой, явствует из упоминаний в документах XVI в. «великой дороги Березинской и Эдитовской, которая идет с Волыни до Вильна»²². Место расположения древнего города Эдитова на всех исторических картах ука-

¹⁴ Об этом городище см.: В. Ehrlich. Der Schlossberg in Raigrod. Festschrift Adalbert Bezzenberger. Göttingen, 1921, стр. 31; А Kamiński. Materiały do bibliografii archeologicznej jaćwieży. Materiały starożytnie. I. Warszawa, 1956, стр. 244.

¹⁵ Ипатьевская летопись, 6763 г.

¹⁶ Например, у с. Дермань. См. статью Рафальского в Волынских губ. ведомостях, № 1 за 1867 г. У с. Дермань действительно есть древнерусское городище. Такая же легенда связана с озером в районе Гродно. См.: Т. Narbutt. Druskiniki i okolice. Opłyna Druskenickich źródel. Grodno, 1844, z. 8, стр. 16; М. Ossoryja. Rajgrad. Там же, 1845, z. 6, стр. 15.

¹⁷ Архив Юго-Западной России, ч. 7, т. 2. Киев, 1890, стр. 276 и 327.

¹⁸ Карта Литвы 1613 г. В. Кордт. Материалы для истории русской картографии, вып. 2. Киев, 1910, табл. XIV; Regni Poloniae Magni ducatus Lituaniae nova mappa geographica concessu borussorum regis G. Glassbach sculpsit. Berolini, 1770, л. 14 (Картографический отдел библиотеки АН СССР.— (VР₈₃¹); Атлас 1772 г., изданный в Лондоне Pizzi Zannoni, карта № 14 (там же VР₁₀¹).

¹⁹ Очень характерно само название деревни. Если остатки заброшенного города — городище, а замка — замковище, то естественно, что место древнего Рая (понимаемого, возможно, не как собственное имя, а как обобщенное символическое название) должно называться Райевище. Очень вероятно, что название Рай по происхождению связано не с библейским Раем, а с литовским термином, обозначающим болото (raistas — болото, болотистый лесок; raistynas — болотистая местность и пр.).

²⁰ Ипатьевская летопись, 6760 (1252) г.

²¹ Kronika Polska, Litewska, Zmódzka i Wszystkiej Rusi Macieja Strzykowskiego. t. I. Warszawa, 1846, стр. 287.

²² S. Wislouch. Rozwój granic i terytorjum powiatu Kobryńskiego de połowy XVI wieku. Ateneum Wileńskie. R. VI, z. 3—4. Wilno, 1929, стр. 418.

зывалось у современного с. Эдитово, на берегу речки Дорогобужки, левого притока Ясельды, примерно в 20 км к юго-востоку от г. Береза. При этом оставалось несколько неясным, как именно шла «Эдитовская дорога», — очевидно с юга по р. Ясельде, затем по Дорогобужке, а севернее — по сухопутью. Между тем обследование территории современного с. Эдитова показало, что здесь нет следов древнего поселения; древний город Эдитов находился где-то в другом месте. В документах XV и XVI вв. «Эдитовская волость» и «Эдитов Великий» упоминаются неоднократно, но не на левом, а на правом берегу Ясельды²³. Действительно, на правом берегу Ясельды примерно в 6 км к югу от г. Береза и сейчас существует деревня с таким же наименованием — Эдитово. Городища в деревне нет, однако здесь сохранились следы древнего поселения. На поле, примерно в 1 км к югу от бывшей усадьбы виден культурный слой, простирающийся более чем на 0,5 км в длину. Здесь собран подъемный материал — мелкие кусочки русской позднесредневековой керамики. У местных жителей этот район еще недавно носил наименование «Старое Эдитово». Таким образом, несомненно, что в XV—XVI вв. город Эдитов находился здесь, на правом берегу Ясельды, а «великая Эдитовская дорога» с Воьлини на Литву вплоть до территории так называемой Черной Руси проходила целиком по Ясельде.

Менее ясно, где был расположен город Эдитов, упоминаемый при описании событий XIII в. Возможно, что он находился на месте современного с. Эдитов, в 25 км к северо-востоку от Бреста, близ ст. Жабинка. В районе этого села известны курганы. Кроме того, напротив села, на противоположном берегу р. Муховец близ хутора Окопы, в сравнительно недавнее время скрыта насыпь — также, по-видимому, большой курган. На этом месте, на поле встречаются редкие фрагменты керамики X—XI вв. Однако древнерусского городища в этом районе не обнаружено.

5. В с е в о л о ж. Город Всеволож упоминается в русских летописях под 1097 и 1287 гг., оба раза как город Воьлинской земли²⁴. В большинстве историко-географических работ на основании созвучия названий город отождествляется с современным с. Воложки близ г. Ковеля. Между тем, в летописи отмечено, что Всеволож был взят и сожжен князьями Ростиславичами в 1097 г. во время их похода на воьлинского князя Давида. Таким образом, Всеволож должен был находиться где-то между Галицкой землей и Владимиром-Воьлинским, т. е. к югу от последнего. В этом районе известно лишь одно более или менее значительное древнерусское городище — у с. Старгород, в 35 км к югу от Владимира, расположенное на лугу над р. Бугом; в длину оно около 150 м и окружено по периметру валом. На городище и на селище рядом с ним имеется культурный слой X—XI вв.²⁵ По-видимому, это городище и следует считать остатками Всеволожа²⁶. Название города, очевидно, связано с именем князя Всеволода Владимировича, княжившего во Владимире-Воьлинском в конце X в.

6. Помимо остатков древних поселений, которые упоминаются в русских летописях, польских хрониках или других древних документах, было обследовано несколько древнерусских городищ, названия которых совершенно неизвестны в древних письменных источниках²⁷. Однако во многих случа-

²³ S. Wislouch. Указ. соч., стр. 398, 397, 408, 410. В XV—XVI вв. Эдитовская волость входила в состав Слонимского повета. См.: М. Любавский и. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства. М., 1892, стр. 161.

²⁴ Ипатьевская летопись, 6605 и 6795 гг.

²⁵ A. Cynkowski. Materiały do pradziejów Wołynia i Polesia Wołyńskiego. Warszawa, 1961, стр. 199.

²⁶ Впервые такое предположение было выдвинуто А. Цинкаловским в его докладе на пленуме ИИМК в 1941 г. (Архив Ленингр. отд. Института археологии, ф. 35, арх. № 586).

²⁷ К пунктам, не упомянутым в русских летописях, но известным по польским источникам, относится, например, городок Мстибогов, современное городище у с. Мстибово. См.: П. А. Раппопорт. Мстибогов городок. КСИА АН СССР, вып. 87, 1961.

ях современные названия деревень, близ которых находятся городища, возможно, сохранили древние наименования укрепленных поселений.

В 10 км к югу от г. Новогрудка у дер. Радогощ есть городище. Название Радогощ встречается в русских летописях, так назывался, например, городок в Черниговской земле. Известно это наименование также и в землях северо-западных славян²⁸. В районе г. Дубно обследовано городище близ дер. Мирогоща. Любопытно, что оба эти городища, носящие столь архаичные славянские названия, были основаны, судя по археологическим материалам, не позднее X в.

Очень возможно, что название села — Коршев (в 15 км к западо-юго-западу от г. Луцка) тоже древнее, хотя ни один из упоминаемых в летописях городов с названием Коршев или Корчев не может быть сопоставлен с городищем, расположенным здесь. Точно также большое городище у с. Листвин (в 15 км к востоку от Дубно) не совпадает с древним городом такого же названия, известным в Черниговской земле. Название села — Острожец (в 17 км к юго-востоку от Луцка), где известно хорошо сохранившееся городище, также дает основания предполагать, что здесь сохранилось древнее название. Городища Коршев, Листвин и Острожец относятся к X—XI вв.; судя по находкам, в XII в. они уже не существовали. Видимо, поэтому данные названия не попали в русские летописи, в которых события, происходившие на Волини в XI в., излагаются гораздо менее подробно, чем события последующей поры²⁹.

²⁸ См., например: Э. М. Черниловский. Возникновение раннефеодального государства у Прибалтийских славян. М., 1959, стр. 14.

²⁹ В письменных источниках названия деревень, связанных с упомянутыми городищами, встречаются уже в XVI в. (Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym, t. VIII. Warszawa, 1889, стр. 80, 82 и 150).

А. П. С М И Р Н О В

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ПРОИЗВОДСТВА
ШАМАНСКИХ ПРИВЕСОК

В 1962 г. на Болгарском городище была найдена матрица с изображением, напоминающим культовые бляхи Сибири.

В бассейне Оби, в Северном Приуралье, бассейне Вычегды и Верхней и Средней Камы довольно часты находки медальонов с изображением всадника, окруженного животными и птицами. Этот сюжет представлен большим числом различных привесок в серии шаманских изображений, опубликованных А. А. Спицыным¹. Один из таких мифологических сюжетов, бытовавших на протяжении весьма длительного времени, — изображение всадника с двумя птицами в распростертых руках (рис. 22), окруженного четвероногими, птицами, а иногда и рыбами. Такие изображения выполнялись различной техникой. Встречаются бляхи, отлитые и слегка подправленные резцом, есть изображения, выполненные одним резцом, со свободным пространством, покрытым отрезками линий. В большинстве случаев фигура всадника непропорциональна: у него большая голова, толстые руки и короткие ноги, которые лишь на некоторых пластинках достигают земли.

Немало случаев, когда фигуры переданы в условной манере, иногда жгутами, по-видимому, припаянными к пластине. Такого рода привески бытовали среди удмуртов на протяжении долгого времени, до XIX—XX вв. (свидетельствуя о существовании старых традиций в мифологии позднейшего общества).

Наиболее ранним изображением этого рода надо признать круглую плоскую привеску из Гляденовского костыща; на ней изображен человек, держащий в руках звериные головы и стоящий на спине животного с раскрытой пастью (по-видимому волка). Голова человека снабжена пятью отростками, которые иногда трактуются как фигуры птиц. Привеска изготовлена отливкой, никаких следов последующей подправки не заметно². Эта вещь, как можно судить по описанию Н. Н. Новокрещенных, найдена в комплексе с другими вещами, в частности, с бронзовыми бусами того типа, который часто встречается в могильниках ананьинской культуры³. Как установлено, Гляденовское костыще — многослойный памятник, и датируется временем, начиная от VI в. до н. э. и кончая приблизительно V—VI вв. н. э.⁴ Эта датировка достаточно точно документируется, с одной стороны,

¹ А. А. Спицын. Шаманские изображения. ЗОРСА РАО, VIII, вып. 1, 1906.

² Н. Н. Новокрещенных. Гляденовское костыще Пермской губернии на р. Каме, Пермского уезда. Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии. XI. Пермь, 1914, табл. I, рис. 21.

³ Там же, табл. XI, рис. 48, 49.

⁴ А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. М., 1952, стр. 82.

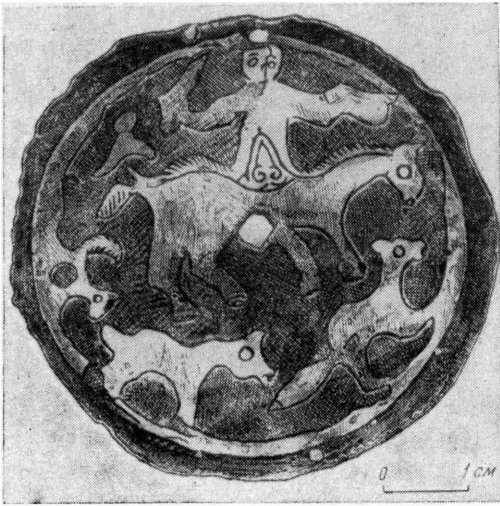

Рис. 22. Бляха из села Кудымкор Пермской области. Собрание Гос. Эрмитажа

Ныргында⁵. На спине ящера фигура сидящего человека, переданная в крайне условной манере. В вытянутых руках он держит изображения зверей, видимо лосей. На теле ящера рельефы семи рыб. Вся привеска имеет орнаментальный характер, в запутанных линиях с трудом улавливаются формы человека и животных. Изделие датируется по комплексу могильника первыми веками н. э. К несколько более позднему времени относятся фигуры человека на ящерах, найденные в Подчеремском кладе⁶. В данном случае люди на ящерах также окружены зверями. Дата Подчеремского клада установлена В. А. Городцовым — III—IV вв. н. э.

Среди шаманских изображений, собранных А. А. Спицыным, немало привесок, передающих тот же образ человека, стоящего на ящере и окруженного зверями. Иногда у человека вместо рук крылья. Расшифровке этих изображений уделила внимание А. В. Збруева. Она видит в центральной фигуре человека женское божество и сопоставляет его с изображением богини Гестии на бляшке из известного Александропольского кургана⁷. Женское божество долгое время почиталось у всех народов Прикамья и объяснение, предложенное А. В. Збруевой, может быть принято. Такие изображения встречаются и в конце I — начале II тысячелетия н. э. Если в отношении Гляденовской фигуры, а также фигур пьяноборского времени вопрос их половой принадлежности трудно разрешим, то от более позднего времени остались привески с изображением женской обнаженной фигуры, сидящей боком на коне, стоящем на змее.

Нельзя не заметить, что все фигуры более позднего времени трактованы иначе, чем их основной прототип, что затрудняет расшифровку их смыслового значения. Более поздние из них усложнены большим количеством сопровождающих аксессуаров.

В мифологии народов Прикамья сохранились предания, которые хорошо сопоставляются с археологическим материалом. Так, удмуртские сказания знают женщин — покровителей домашнего очага; в марийских — есть образ, напоминающий бабу-ягу русских сказок. Это овда — женщина с большими грудями, длинными волосами и косматой шерстью, которой она цепляется

вещами скифского облика, в том числе находками стрел, бус, ворворки, а с другой, — по стилистическим данным изображений животных и птиц, повторяющих скифские прототипы.

В Гляденовском костыше найдено несколько привесок с изображением людей, стоящих на спине животного, и всадников, сидящих верхом или боком на лошади. У одной фигуры на груди помещено изображение свернувшейся в круг змеи. Этот образец, по-видимому, обусловленный религиозными воззрениями местного населения, сохранялся довольно долго и встречается, как выше отмечено, в несколько ином виде в этнографическом материале.

Близкое по содержанию изображение происходит из могильника

⁵ Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына в 1898 г. Л., 1933, табл. X, рис. 2.

⁶ В. А. Городцов. Подчеремский клад. СА, II, 1937, табл. I, рис. 2.

⁷ А. В. Збруева. История населения Прикамья. МИА, № 30, 1952, стр. 130—131

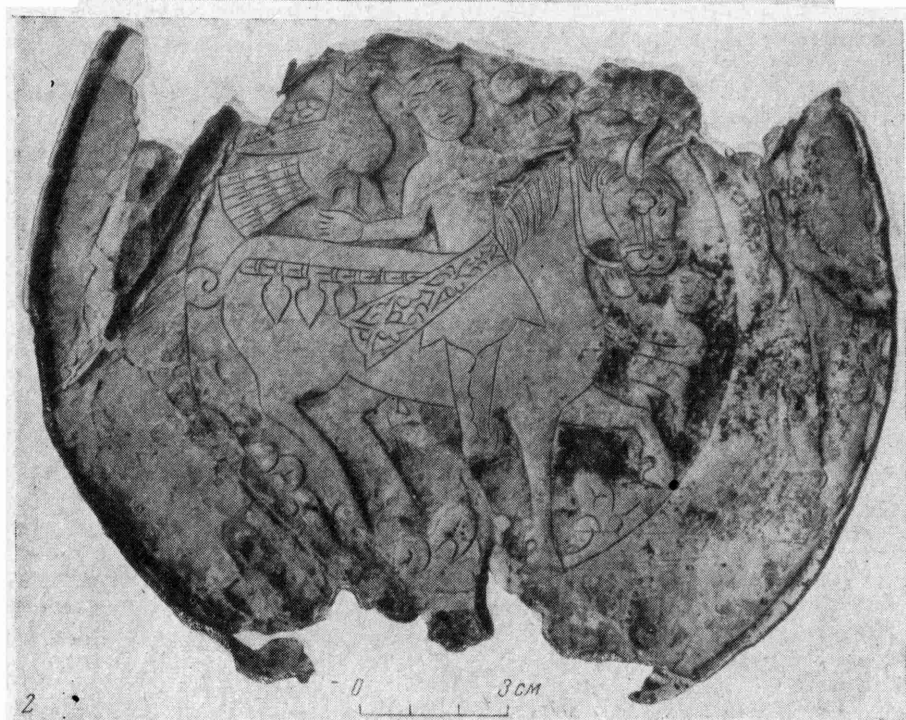

Рис. 23. Блюда серебряные. Собрание Гос. Эрмитажа
1 — из дер. Мальцево; 2 — из сел. Утемнянского Удмуртской АССР

за изгороди. По представлениям мари, сохранявшимся до XIX в., овды жили под землей. В мифах рассказывается, что овды скачут на конях⁸. Этот сюжет повторяется с различными вариациями у других народов Поволжья и Прикамья. Так, у удмуртов есть алида, чатчес-нюня, нюлес-нюня; у мордвы — вирь-аве, а чуваш — арсури. Мифология казанских татар сохранила образ шурале — живущей в дремучих лесах женщины с длинными крепкими пальцами и длинными сосцами, которые она забрасывает за спину.

Женщина, изображаемая на пластинах, бывает окружена птицами и зверями. Так, на одной привеске она боком стоит на лошади и держит в руке, по-видимому, птицу (рис. 22). По кругу бегут звери, причем, судя по хвосту, в одном из них можно видеть лисицу. На привесках сопровождающие женщину звери как будто подчеркивают ее принадлежность к лесу — к миру зверей и птиц.

Наряду с небольшими подвесками (в среднем диаметр их около 5 см) в собрании Государственного Эрмитажа известны блюда, по облику и размеру напоминающие восточные, однако сюжет их изображений тот же самый, что и на небольших медальонах. Примером может служить блюдо из дер. Мальцево, на котором изображена женщина с птицами в руках; вокруг нее — бегущие звери, птицы и рыбы (рис. 23 — 1). В той же манере изображен всадник с птицей в руках и человек находящийся у морды лошади. С правой стороны у пояса всадника привешен колчан (рис. 23 — 2). По общей композиции и деталям убранства коня и всадника это блюдо напоминает произведения сасанидского искусства. Оно хорошо сопоставляется с серебряным блюдом со сценой охоты Шапура II; — почти такое же и положение всадника, и изображение колчана, и характерный для сасанидских царей костюм. Фигура коня напоминает другое изображение — на блюде со сценой охоты на кабанов (III в. н. э.⁹).

Однако, несмотря на все эти черты сходства в композиции и в деталях трактовки лошади, всадника и костюма, упомянутые выше блюда местной работы, хотя несомненно, в их оформлении чувствуется сильное влияние сасанидского Ирана.

Нельзя не заметить, что на протяжении длительного времени памятники прикладного искусства Приуралья и Западной Сибири испытывали сильное влияние цивилизованных обществ юга и юго-востока. Есть все данные говорить о влиянии на Приуральских мастеров скифского и сарматского искусства, на что уже обращено внимание в нашей литературе. Как далеко шло влияние скифского искусства, можно судить хотя бы по находкам гробней из Частых курганов¹⁰ и в Салехарде. В области же Прикамья влияние скифов достаточно полно документируется памятниками ананьинской культуры.

В более позднее время прочные культурные связи устанавливаются со Средней Азией и Ираном. В этом плане интересны находки ахеменидских изделий, индо-парфянских монет, а позднее серебряные изделия сасанидов.

Древние религиозные представления народов Прикамья и Западной Сибири создали благоприятные условия для сохранения серебряной утвари в различных культовых местах, существовавших в продолжение многих веков. Некоторые жертвенные молибища возникли в древности или раннем средневековье и просуществовали до позднейшего времени. Исследователи давно обратили внимание на дополнительные рисунки, нанесенные на основной декор сасанидских блюд. Эти рисунки отвечали культовым потребно-

⁸ Вятские губ. ведомости, 1882, № 84, стр. 3.

⁹ Р. В. Кинжалов, В. Г. Лукошин. Памятники культуры сасанидского Ирана Л., 1960, рис. 2, 4.

¹⁰ С. Н. Замятин. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежом. СА, VIII, 1946, стр. 45.

стям местных охотников. Данному вопросу посвящены интересные исследования А. В. Збруевой и В. Н. Чернецова¹¹.

Популярность восточных изделий привела к тому, что отдельные сцены, отвечающие вкусам охотников, получили широкое распространение. Едва ли местные мастера понимали смысл изображений на попадавшей к ним восточной утвари. По-видимому, они брали общую композицию, по своему трактуя и сцены в целом, и отдельные детали. Знакомясь с памятниками сасанидской торевтики, можно предполагать, что блюда с изображением царевича Бахрам Гура в сопровождении возлюбленной Азаде¹² могли послужить образцом в решении композиции привесок, находимых в большом числе в Приуралье и Западной Сибири. Не исключается также возможность, что развевающийся за спиной царя шарф мог подсказать размещение птиц в руках охотников¹³. Общая композиция, фигура конного царя в центре и бегущие по кругу блюда животные, несомненно, были повторены местными мастерами.

Знакомясь с бляшками и блюдами, можно видеть, что ни те, ни другие не являются произведениями прославленных сасанидских мастеров. Мало вероятно и то, что охотники ханты, манси и ненцы могли бы изготовить эти вещи, в особенности такие, как блюдо, найденное близ дер. Мальцево бывшего Соликамского уезда Пермской губернии или на Оби в пределах бывшей Тобольской губернии. Эти вещи, изготовленные в полном соответствии с религиозными взглядами местного населения, тем не менее свидетельствуют, если не о высоком уровне искусства, то, во всяком случае, о знании технических приемов серебряного дела.

Для решения вопроса о месте производства таких вещей имеет значение находка в Болгарах матрицы для изготовления пластин с религиозным сюжетом. В 1962 г. В. М. Королев, бывший хранитель болгарских памятников, передал Поволжской экспедиции случайно найденный на месте столицы волжских болгар — Великих Болгар — предмет. Это бронзовая матрица диаметром 6 см, толщиной 0,2 см, несколько изогнутая к центру (рис. 24). По ее окружности проложен жгутовой орнамент шириной 0,5 см. В центре изображен всадник, сидящий верхом на волке, что хорошо видно по лапам с когтями и острой морде. Длинный тонкий хвост зверя опущен книзу. Всадник до пояса развернут к зрителю в фас. Голова заканчивается круглым выступом на темени. На лице отмечены брови, глаза и углубление рта. Руки подняты на уровень плеч так, что левая выдвинута вперед и кисть ее скрыта за головой волка. На левом предплечье сидит птица со сложен-

Рис. 24. Бронзовая матрица для блях из Болгара. Собрание ГИМ

¹¹ А. В. Збруева. Идеология населения Прикамья в ананьинскую эпоху. Труды ИЭ АН СССР, новая серия, вып. 1, 1947, стр. 24; В. Н. Чернецов. О проникновении восточного серебра в Приобье. Там же, стр. 113.

¹² И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. Л., 1935, табл. 11, 12.

¹³ Там же, стр. 10, 15.

ными крыльями. Правая рука также вытянута на уровне плеч и конец ее скрыт фигурой птицы с распростертыми над крупной лошади крыльями и хвостом. Между головой всадника и птицей в воздухе парит еще одна птица, переданная крайне схематически. Несколько ниже морды волка помещена птица с распростертыми крыльями и хвостом, как бы летящая навстречу всаднику. Сзади всадника, выше и ниже хвоста волка очень схематично изображены бегущие звери. У одного из них вытянутое тонкое тело, у второго — заброшенный на спину хвост и короткая морда — все детали, напоминающие белку. Ниже задних ног волка помещены две рыбы, плывущие вправо. На оставшемся пространстве по окружности помещены еще два бегущих зверя с поднятыми хвостами.

Находка свидетельствует о производстве в Болгарах пластин того типа, который был широко распространен в Приуралье и Западной Сибири. Общая композиция и детали крайне близки описанному выше блюду из Мальцева и медальонам. Не исключается возможность, что многие медальоны и блюда приготовлены в Болгарах по вкусу северных соседей. Интересно, что в отличие от сасанидских изделий на матрице и на мальцевском блюде изображены рыбы, которые известны только на пьяноборских фигурах.

Датировка матрицы крайне трудна. Только одна деталь позволяет говорить о домонгольском времени. Это жгутовой орнамент с точечными вставками, широко распространенный в эпоху X—XII вв. н. э. Матрица из городища Великих Болгар свидетельствует о большом значении этого города в культурной жизни не только западного Приуралья, но и Западной Сибири. Весь материал городища достаточно ясно показывает, что ремесленники работали здесь не только на местный рынок, обслуживая окрестное население, но и на сравнительно далекие окраины. Бляхи с описанной композицией распространены в верховьях Камы, в бассейне Вычегды и в Западной Сибири. Сама матрица свидетельствует не об изготовлении индивидуальных вещей, а о серийном производстве, рассчитанном на удовлетворение запроса большого числа людей. Город Болгары и был таким крупным центром производства.

III. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. Л. ЯКОВСОН

НОВЫЙ ПАМЯТНИК РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ В КРЫМУ

Культура раннесредневекового Крыма не была однородной. На одном полюсе (социальном, политическом и культурном) находился Херсон (Херсонес) — единственный в те времена в полном смысле город Таврики, уцелевший в эпоху варварских нашествий; в V—VI вв., несмотря на экономическую депрессию и натурализацию хозяйства, его политическое значение усиливалось: он стал форпостом Византии в Северном Причерноморье. В Херсоне насаждалась и господствовала византийская культура.

Другой полюс — это деревенская община Крыма, долгое время оторванная от Херсона, особенно в период застоя, который переживал город в пору всеобщего социального кризиса VIII—IX вв. Здесь, в деревне, византийская культура ощущалась слабо.

Промежуточное положение занимали несколько крупных поселений юго-западного нагорья; они расположены на плато, господствовавших над долинами, ведущими к Херсону, и поэтому были стратегически важны. Византия превратила их в крепости, служившие не только целям обороны подступов к Херсону, но и для того, чтобы держать в повиновении местное население.

К этим полугородкам раннего средневековья относятся Дорос (ныне Мангуп), Эски-кермен, может быть Чуфут-кале (Фуллы?). Но византийские правители Херсона строили там не только укрепления — в целях насаждения христианства, возводились храмы и крещальни, таким путем прививалась византийская культура. Однако пропаганда ее как и христианства, за пределами Херсона не имела, по-видимому, большого успеха¹.

Возможно, к этой группе памятников принадлежит и еще один — укрепленное поселение, цитадель которого с крепостью и храмом занимала возвышенность Пампук-кая над р. Бельбек; само поселение, притом обширное, находилось у подножья возвышенности.

Крепостные стены Пампук-кая в 1955 г. начал раскапывать О. И. Домбровский, а храм раскопан нами в 1961 г. (рис. 25). Храм этот очень интересен в историко-культурном отношении; он помогает понять характер той византийской культуры, которой следовали в далекой Таврике в раннее средневековье.

Расположен храм на вершине возвышенности, у края ее, и виден был издали. Он трехапсидный, состоит из центральной части (наоса), северного бокового нефа, южной галереи или придела и притвора (нартекса). Наос — это продолговатое помещение (шириной 4,10—4,15 м и длиной 7,30—

¹ И много позднее, даже в XIII в. население этих мест считали языческим (см. Послание епископа Феодора 1240 г. ЗООИД, XXI, 1898, материалы, стр. 18).

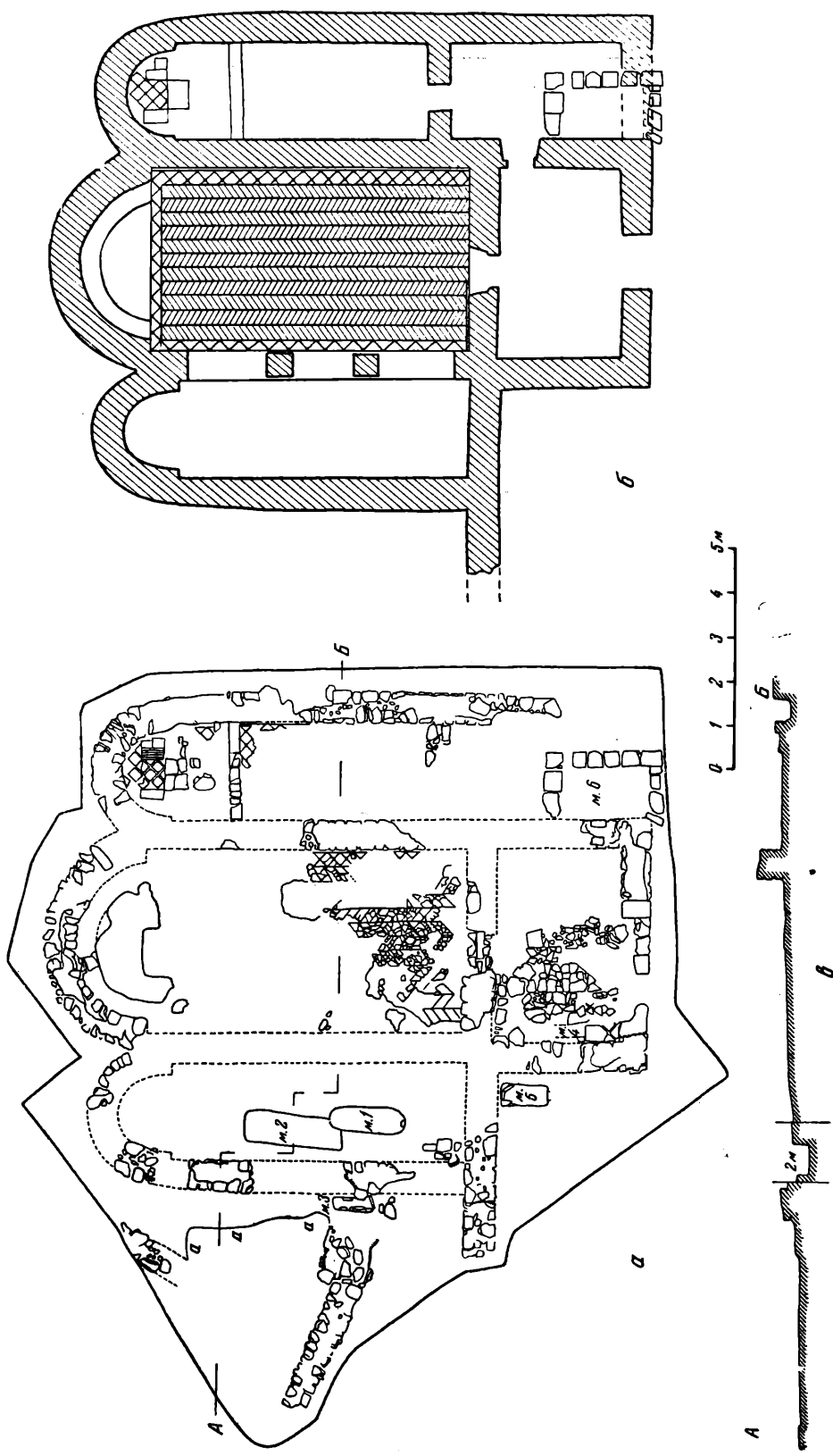

Рис. 25. Пампук-кая. План храма.
 а — сохранившиеся части; б — реконструкция; в — профиль по линии А—Б

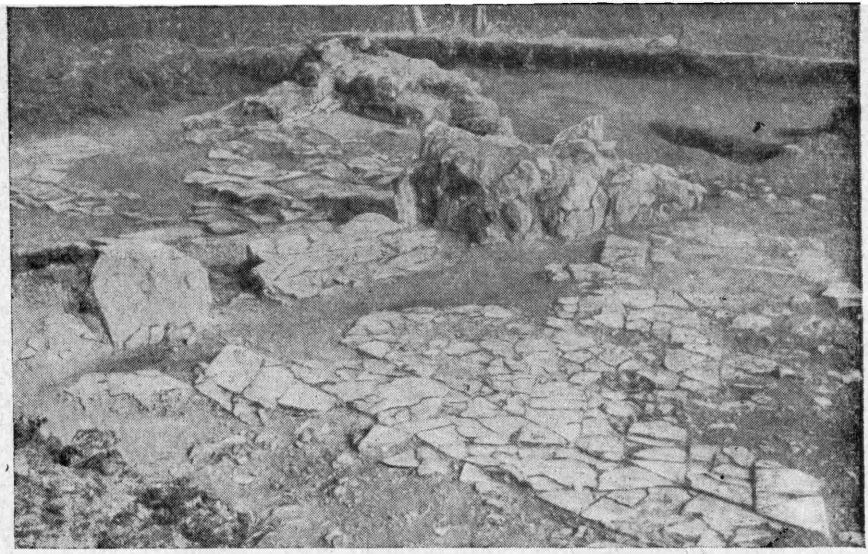

Рис. 26. Пампук-кая. Общий вид западной части храма после раскопок

7,35 м) с полукруглой апсидой, имеющей синтрон, линия которого очень ясно прослеживается по очертанию известковой заливки пола (сохранился *in situ* и один правильно отесанный камень синтрона). Боковые части — неф и галерея (шириной 2,2 м) заканчиваются с восточной стороны также полукруглыми апсидами. Примыкающий к храму с западной стороны привор (нартекс) приблизительно равен по ширине наосу.

Важная особенность здания заключается в том, что наос отделен от южной части сплошной стеной². С северной стороны, наоборот, стены, по-видимому, не было (не видно никаких следов ее). Зато приблизительно по линии северной границы наоса лежали (не *in situ*) три больших правильной формы и хорошо отесанных квадра $52 \times 52 \times 30$ см. Два из них служили, вероятно, основанием столбов, отделявших северный неф от наоса, и соединенных арками; третий квадрат служил, надо думать, антом на восточном конце аркады.

Здание сложено из сравнительно крупных камней, подтесанных с лица и образующих лицевые стороны стены; внутрстенный промежуток заполнен бутом. Кладка выполнена на крепком известковом растворе с морской галькой и мелких щебнем. Толщина стен 65, 70 и 72 см. Местами ясно прослеживается цоколь в виде ряда камней, выступающих из-за стены. Большой частью стены основаны на приматериковой глине со щебнем, а с южной стороны — на скале. Углы, как обычно, сложены из штучных камней, обработанных зубаткой.

Здание плохо сохранилось. В сущности, от него уцелели лишь фрагменты стен (рис. 26). Это объясняется тем, что здесь уже давно выбирался камень (заплывшие западинки видны были до раскопок); при этом разрушена и вымостка пола. Здание, как показали раскопки, погибло в сильном пожаре.

Храм был сравнительно богато декорирован. От внутреннего убранства сохранились части узорчатой вымостки пола и фрагменты резных капителей. Вымостка — на известковой заливке и состояла из известняковых плиток в форме удлинённых ромбиков, выложенных наподобие паркета или елочки и образующих шесть продольных полос, каждая шириной 32—33 см

² Это обстоятельство не позволяет именовать южную часть нефом; правильнее называть ее приделом или галереей.

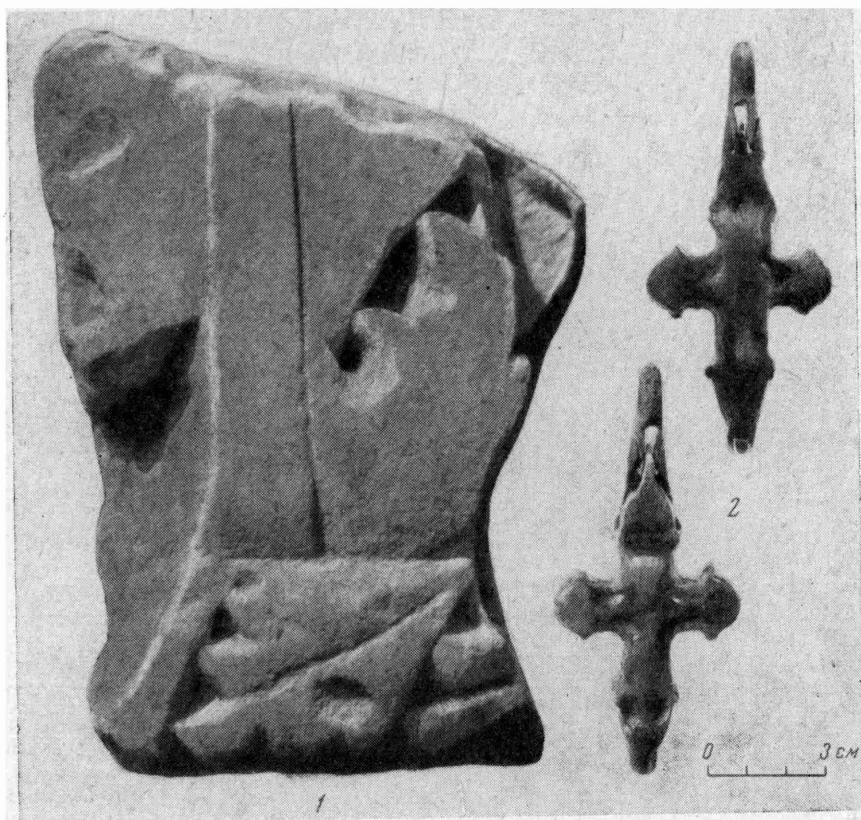

Рис. 27. Пампук-кая. Находки при раскопках храма.
1 — капитель; 2 — русский энколпий из могилы № 2

(рис. 26). Вдоль стен вымостку обрамлял бордюры (шириной также 32—33 см) в виде треугольников, встречающихся вершинами, и квадратиков между ними. В этой узорчатой вымостке использованы плитки из известняка и кирпичные, т. е. серые и темно-красные, причем те и другие чередуются. Таким образом, в выкладку введен элемент полихромности, хотя и в простейшем виде.

Узорчатую выкладку имел и пол восточной части южной галереи, включая и ее апсиду (рис. 25). В апсиде по диагонали выложены квадратные плитки (32 × 32 см), причем также чередуются плитки кирпичные и из серого известняка. Используются и мраморные плитки явно вторичного употребления, одна из них с каннелюрами. На расстоянии 2,5 м от южной апсиды поперек галереи в пол заложен длинный известняковый, тщательно обработанный брус (длиной 2,2 м), ограничивавший алтарную часть и служивший основанием предалтарной преграды.

Колонне этой преграды и принадлежала, очевидно, известняковая небольшая капитель, диаметр нижней части которой 17 см (рис. 27—1), и обломки самой колонны, также из известняка и найденные здесь же обломки профилированного наличника.

Капитель украшена четырьмя листьями зубчатого аканфа, внизу ее «обгает» кайма из поставленных наискось зубчатых лепестков, как это бывает на ранневизантийских капителях с зубчатым аканфом³. Ближайшими аналогиями могут служить такие же небольшие известняковые капители

³ См. МИА, № 63, 1959, стр. 133, 135, 137.

с зубчатым аканфом, найденные в церкви, открытой в Рогуз-дере (долине с южной стороны Мангупа)⁴ и при раскопках, базилики на самом Мангупе⁵, т. е. поблизости от Пампука. Все эти капители особенно интересны тем, что выполнены не из проконнесского мрамора, а из крымского известняка. Местные мастера воспроизводили византийские мраморные капители V—VI вв., в массе привозившиеся в Херсон (Херсонес), но при этом сильно упрощали их декорровку. Пол галереи был, вероятно, глинобитный (завал черепицы лежал непосредственно на нем, следов основания вымостки также не оказалось), но вдоль предалтарной преграды частью сохранился бордюр из плиток, аналогичный бордюру в наосе.

Нартекс-притвор был выложен известняковыми плитами неправильной формы, сильно пострадавшими от пожара.

Перекрытие здания было, несомненно, деревянным стропильным, а не сводчатым. На это указывает полное отсутствие среди завалов камня блоков от свода и многочисленные следы сильного пожара на полу, образовавшиеся скорее всего от падавших вниз горевших стропил.

Кровля была черепичной, о чем свидетельствует завал черепицы в средней части южной галереи. Тип черепицы — раннесредневековый (массивный довольно высокий бортик, слабое сужение в нижней части, водосливные валики). Особенно важны рельефные ремесленные знаки на черепицах. Их всего одиннадцать; из них пять буквенных (варианты буквы П, ΘΕ, и Β), два — в виде условного знака (звезда и елочка), один — в виде животного (рис. 28). Большая часть знаков находит себе аналогии среди знаков на черепицах Херсона — как раннесредневековых, так и IX—X вв.⁶ Знак ΘΕ неоднократно встречался на раннесредневековых черепицах Мангупа и Эскикермен⁷. Можно поэтому думать, что большинство черепиц пампукского храма привезено из Херсона.

В храме много могил, расположенных вдоль стен боковых частей здания и в притворе; несколько могил находится вне стен храма. Могилы ориентированы с востока на запад, обложены камнем, некоторые — черепицами, и покрыты плитами. Сами погребения большей частью, вероятно, вторичные. Погребения все потревожены и ограблены, но в некоторых погребенные лежали в анатомическом порядке — на спине, головой на запад, руки вдоль туловища, как в могилах верхнего слоя могильника Суук-су (IX—X вв.)⁸; в нескольких могилах костяки лежали в беспорядке. Вещей найдено мало: в детской могиле № 4 — медные пуговицы в виде шарика с петлей; в могиле № 5 — шаровидный горшочек с плоской ручкой; аналогичные горшки хорошо известны в Херсоне в слоях X в. и более позднего времени⁹; в могиле № 2 под черепом — маленький медный энколпий с очень стертым изображением распятия на лицевой стороне и богоматери Оранты (с воздетыми руками) — на обратной (рис. 27—2). Сильная стертость изображения объясняется, очевидно, длительностью ношения. Крест русский, происходит из Поднепровья, где известно уже не мало таких же, и относится он к концу XII в.¹⁰

⁴ А. И. Маркевич. Экскурсия на Мангуп. ИТУАК, вып. 9, 1890, стр. 105 и вклейка. Капитель, конечно, значительно древнее, чем XV в., как полагал автор; в XIV—XV вв. такая декорровка уже не наблюдается.

⁵ См. М. А. Тиханова. Базилика [Мангупа]. МИА, № 34, 1953, стр. 385 и рис. 42, б.

⁶ А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес. МИА, № 17, 1950. Букву П с разрезающимися или параллельными ножками см. в табл. 7, 8 (стр. 129, 130), № 94—96; звезду — в табл. 17 (стр. 143), № 307; изображение животного — в табл. 1 (стр. 124), № 7—10.

⁷ Там же, табл. 21 (стр. 149), № 37 и табл. 22 (стр. 151), № 3—4.

⁸ См.: Н. И. Репников. Некоторые могильники... в Крыму. ИАК, вып. 19, 1906, стр. 35.

⁹ См.: А. Л. Якобсон. Указ. соч., стр. 108 и рис. 67, 1—3 и рис. 68.

¹⁰ См.: Н. Леопардов и Н. П. Чернев. Сборник снимков с предметов древности, находящихся в Киеве, в частных руках, вып. I, 1890, табл. II—III, 13; вып. III—

Особо выделяется большая (1,15 × 2,05 м, глубина 0,7 м) могила № 6, примыкающая с южной стороны к притвору, сложенная из больших квадров. Западная часть ее прерывала западную стену южной галереи. Вероятнее всего, что в этой стене над могилой была глубокая ниша с разгрузочной аркой; в эту нишу и входила в могила. Она оказалась костницей с че-

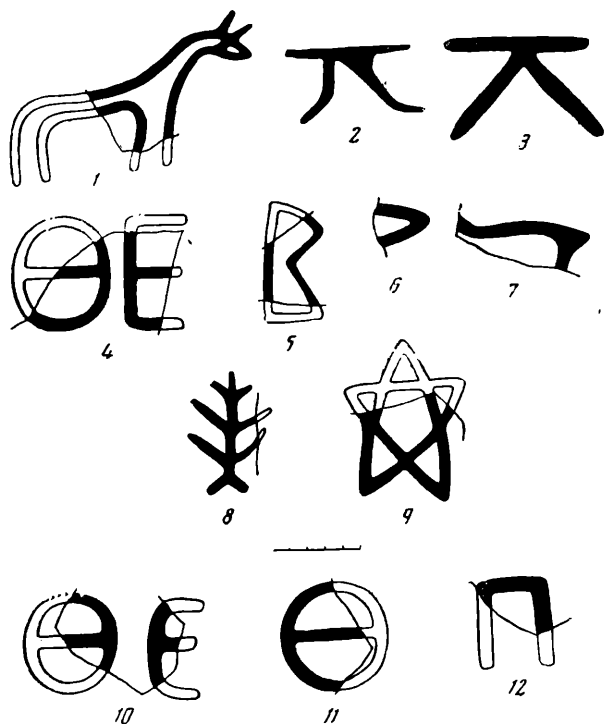

Рис 28. Пампук-кая. Ремесленные знаки на черепицах (1—12)

тырьмя ярусами костяков (судя по числу черепов их было не меньше восьми), сваленных, правда, в определенном порядке — головой на запад. Около челюсти одного из нижних костяков, лежавших в относительном порядке, оказалась золотая монета византийского императора Ираклия (610—641)¹¹. Монета эта косвенно указывает на то, что первоначальные захоронения в храме относятся еще к раннему средневековью.

Из отдельных находок при раскопках храма отметим два креста из южной галереи. Один из них со слегка расширяющимися концами вырезан из тонкой железной пластинки¹², другой (9 × 6,3 см) изготовлен из сплошной железной ленты шириной 8—9 мм, изогнутой в виде креста, ветви которого приобрели форму петель; нижний конец заострен для укрепления креста на подставке. Любопытно, что совершенно аналогичный крест происходит из Абхазии и связан по времени с находками XI—XII вв.¹³

IV, 1891, табл. II, 19; Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности русские. Кресты и образки, I. Киев, 1899, табл. I, 23—24. Совершенно аналогичные кресты происходят из раскопок В. Хвойко в Витичеве в 1897—1899 гг. (Фототека ЛОИА, негатив III. 7739). Дата креста указана на основании исследования Г. Ф. Корзухиной.

¹¹ W. Wroth. Catalogue of the imperial byzantine coins in the British Museum. I, 1908, стр. 190, табл. XXIII, 11.

¹² Ср.: Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности русские, вып. 1, 1899, табл. VI, 73.

¹³ М. М. Тропш. Археологические раскопки в Анакопии в 1957—1958 гг. ВВ, XIX, 1961, стр. 277 и рис. 13 (№ 16). Маленький крест такой же формы, сделанный из проволоки, найден в Херсонесе (беспаспортный планшет 35, инв. № 5282/25 г.).

Открытый на Пампук-кая храм представлял собой небольшую трехнефную базиличную постройку с тремя апсидами, причем южный неф превращен в галерею, отделенную от наоса стеной. Соответственно такой планировке средняя часть здания (наос), перекрытая на два ската, немного возвышалась над боковыми узкими частями. Базилика имела упрощенный провинциальный облик. Своеобразная черта храма — его притвор, равный по ширине только наосу. Благодаря этому западной части храма была придана как бы крестообразность: притвор выступал как ветвь архитектурного креста. Эта черта присуща ранневизантийской архитектуре.

Тип кладки на крепком известковом растворе, наличие синтрона и капитель, украшенная зубчатым аканфом, — все это также сближает здание с памятниками раннего средневековья. Раннесредневековой традиции следует и рисунок вымостки в виде паркета, античный по своему происхождению, но опять-таки в очень упрощенной и провинциальной передаче.

Но вместе с тем, три полукруглые апсиды делают маловероятной раннесредневековую дату. По общей плановой композиции, по характеру кладки, по рисунку узорчатой вымостки пола пампукский храм больше всего напоминает храм в Партенитах (у восточного подножия Медведь-горы), построенный в конце VIII в.¹⁴ Рисунок вымостки пола не только похож, но местами полностью совпадает (квадратные плитки с треугольниками вдоль стен и плитки, уложенные елочкой)¹⁵. Такой датировке храма не противоречат и черепицы.

Не исключено, что первоначальный храм был построен еще в VI—VII вв.¹⁶, но затем в VIII или XI в. перестроен. Этим объяснялось бы то, что западная стена северного нефа, продолжающаяся к северу (за западную стену нефа), не совсем совпадает с ней, несколько сдвинута, что вряд ли возможно, если бы стены строились одновременно. В своем наличном виде храм на Пампук-кая скорее всего одновременен Партенитской базилике.

В историко-культурном отношении особенно важно подчеркнуть архаичность храма, что сказалось не только в общем упрощенном виде постройки, но и в укороченных пропорциях (общие размеры 11,40 × 10,45 м, не считая притвора), как известно, не характерных для архитектуры центрально-византийских областей, и, наоборот, типичных для архитектуры византийского Востока¹⁷. Мы можем сослаться на пещерные храмы монастырей в Каппадокии (Малая Азия), относящиеся к эпохе иконоборчества, т. е. приблизительно одновременные нашему храму. Там мы нередко находим и композицию в виде двух нефов, разделенных столбами, и укороченные пропорции¹⁸. Правда, каппадокийские храмы — пещерные, но воспроизводят они, несомненно, наземные формы. Восточно-византийские черты пампукского храма, таким образом, выступают достаточно рельефно.

Черты эти объясняются не только традиционностью восточных связей раннесредневековой Таврики, но и всей экономической и политической обстановкой, сложившейся здесь в эпоху иконоборчества. Особенно большое значение имело резкое ослабление в то время византийского господства. Это, в свою очередь, несомненно, способствовало притоку сюда нового населения из Приазовья и Северного Кавказа и общему возрождению края, что выразилось в появлении множества новых поселений¹⁹. Вместе с тем

¹⁴ Н. И. Репников. Партенитская базилика. ИАК, вып. 32, 1909, стр. 123.

¹⁵ Там же, стр. 126, 127, рис. 19, 20.

¹⁶ О существовании поселения на плато Пампук-кая и у подножия его в VI—VII вв. свидетельствуют часто встречающиеся среди подъемного материала фрагменты керамики этого времени (особенно фрагменты амфор с глубоким и частым рифлением).

¹⁷ Н. И. Брунов. Очерки по истории архитектуры, т. II. М.—Л., 1935, стр. 459—465.

¹⁸ G. Jerphanion. Les églises rupestres de Cappadoce. Planches. III, Paris, 1934. табл. 149 (церковь в Синасосе), 160 (храм около Сувеха), 181 (храм Белли-киаиссе).

¹⁹ Подробнее см.: А. Л. Якобсон. Средневековые сельские поселения юго-западного Крыма. ВВ, XXI, 1962, стр. 165 и сл.

уничтожение монастырей в самой Византии, преимущественно в ее центральных областях, вызвало массовую монашескую эмиграцию в различные районы периферии византийской империи, в том числе и «на северные склоны Эвксинского Понта», т. е. в Таврику, как о том сообщает Житие Стефана Нового (умер в 764 г.)²⁰. На новом месте монахи организовали и новые монастырьки. К числу их относятся, вероятно, Инкерман (около Севастополя), Тепе-кермен (близ Бахчисарая), а также Шулдан и Чилтера.

Архитектура пещерных храмов этих монастырьков, особенно первых двух, отражает отмеченные черты восточновизантийского зодчества. По своим архитектурным особенностям Пампукский храм входит в круг тех же памятников Таврики эпохи иконоборчества. Он наглядно подтверждает восточновизантийскую ориентацию их ктиторов и создателей, словно чуждавшихся всего того, что исходило из Константинополя.

Это было одно из отражений более общего явления — оппозиционных тенденций во всей жизни тогдашней Таврики, захвативших и область культуры, в том числе зодчества. В этом интерес и значение открытого памятника.

В заключение — несколько слов о дальнейшей судьбе храма. Здание, вероятно, было разрушено тогда же, когда прекратилась жизнь в большинстве одновременных ему поселений Таврики, т. е. в X в.²¹ Но позднее храм, видимо, был восстановлен и продолжал функционировать по крайней мере до татарского нашествия. На это указывают повторные погребения в могилах храма с использованием черепиц кровли здания. Время этих погребений — XII—XIII вв., о чем свидетельствуют такие вещи, как шаровидный горшок и упомянутые кресты — железный с петлевидными концами и русский энколпий. находка последнего также очень важна. Она наводит на мысль, что владелец креста — русский человек — был связан с той группой населения, которая переселилась в 30-х годах XIII столетия (накануне монгольского нашествия и под угрозой его) в Крым (больше всего, понятно в Херсон — Корсунь) из Поднепровья²².

Ничего более позднего, чем XIII в., на Пампук-кая не встречено. Поселение и вместе с ним храм, вероятно, разделили судьбу Эски-кермен и других укреплений юго-западного нагорья, разгромленных в 1299 г. полчищами Ногая.

²⁰ В. Васильевский. Труды т. II, вып. 2, СПб, 1912, стр. 302, 324—325, 328.

²¹ Обоснование этого предположения см.: ВВ, XXI, 1962, стр. 168—169, 177.

²² См. об этом: А. Л. Якобсон. К истории русско-корсунских связей. ВВ. XIV, 1958, стр. 125—128.

Ю. С. ГРИШИН

ПОГРЕБЕНИЕ ГУННСКОЙ ЭПОХИ
У ДЕРЕВНИ КУНКУР*(к вопросу о памятниках раннего железного века
в Восточном Забайкалье)*

Ранний железный век на территории Восточного Забайкалья (Читинская область) очень слабо еще освещен в археологической литературе. В настоящее время известны лишь единичные памятники этого периода. Поэтому публикация новых материалов имеет немаловажное значение.

Первый памятник из интересующих нас исследован А. П. Окладниковым в 1950 г. Им раскопано в с. Агинском детское погребение гуннского времени¹. Покойник, захороненный в своеобразном двойном гробу из камня и дерева, сопровождался многочисленным погребальным инвентарем (наконечники стрел из бронзы, железа и кости, золотое колечко, роговая пряжка, перламутровые нашивки, воспроизводящие раковину каури, железные удила, железный ножевидный клинок и т. д.). Однако вещи из этого погребения не опубликованы.

В 1958 г. А. П. Окладников и М. И. Рижский раскопали в районе станции Оловянной могильник из восьми могил². В древности они были отмечены на поверхности каменными выкладками из лежащих плашмя плит (скорее всего в форме круга). Погребения находились в узких грунтовых могилах и лишь одно из них — в каменном ящике из стоящих на ребре плит. В последнем скелет лежал вытянуто на спине, головой к юго-западу. Рядом с ним был найден глиняный высокий широкогорлый горшок с хорошо выраженными плечиками, без орнамента; встречены также остатки доннышка берестяного сосуда, обломки железных колец и костяные трехгранные наконечники стрел — два втульчатых и один черешковый. На основании типологического анализа материалов авторы сочли возможным отнести захоронение к гуннскому времени, указав, однако, что оно принадлежало не гуннам, а другим племенам. Скелеты в других погребениях лежали на спине, вытянуто и были ориентированы головою на юго-юго-запад. Около головы также стояли плоскодонные глиняные сосуды, узкогорлые, с отогнутым наружу венчиком в виде «воротничка». У одного сосуда был невысокий поддон в виде ободка. Орнаментированы они налепными валиками, нередко в виде параллельных рядов, иногда разорванными, с опускающимися вниз концами. Погребальный инвентарь включал также костяные наконечники стрел (трехгранные в сечении, с отчетливо выделенным усту-

¹ А. П. Окладников. Работы Бурят-Монгольской археологической экспедиции в 1947—1950 гг. КСИИМК, вып. XLV, 1952, стр. 45—46.

² А. П. Окладников и М. И. Рижский. Археологические исследования вблизи станции Оловянной. Ученые записки Читинского государственного педагогического института, вып. IV. Чита, 1959, стр. 110—116.

пом, насадом-черешком), прямые и узкие железные ножи и украшения (литые бронзовые бляшки Т-образной формы с выпуклыми шишечками и скобочками для прикрепления к одежде, плоско-выпуклая бляшка из перламутра и т. д.). По характеру погребального инвентаря авторы отнесли погребения ко II—IV вв. н. э., указав, что они вероятнее всего принадлежали племенам сяньби, которые господствовали в Забайкалье в это время.

Во время разведочных работ по реке Онон, Ононским отрядом Монгольской археологической экспедиции ИА АН СССР в 1959 г. было открыто поселение раннего железного века на восточной окраине дер. Кункур в Агинском Бурятском национальном округе. Среди немногочисленных находок прежде всего нужно отметить плоский треугольный черешковый наконечник стрелы из железа, относящийся к наиболее ранним изделиям железного века и фрагмент прямого плоского венчика сосуда с валиком по краю, украшенный полукруглыми арочными вдавлениями, весьма характерными для некоторых забайкальских сосудов гуннского времени³. К этому же времени относится и некоторая часть материалов со стоянки в 600 м к северу от дер. Кункур, среди них следует отметить фрагмент отогнутого наружу венчика серого сосуда, также украшенного горизонтальным рядом соединенных выпуклых арок⁴. Возможно, в древности это была одна стоянка, теперь в большей своей части развеванная.

Открытие стоянки гуннского времени указывало на возможность поисков в районе дер. Кункур и древних погребений. И действительно, одно из них было исследовано в 1 км к северо-западу от деревни сотрудниками Ононского отряда в 1961 г. Об этом погребении, обнаруженном почти на самом дне длинного песчаного выдува, нам сообщили сотрудники Читинского областного музея. В результате развевания и размыва почвы на дне выдува обнаружены плохо сохранившиеся остатки деревянного гроба со скелетом человека (рис. 29). Северная его часть была нарушена — череп, челюсть и локтевая кость лежали разбросанно. В 0,3 м к северу от черепа залегали фрагменты керамики относящиеся к двум сосудам. Такое расположение остатков погребения, очевидно было следствием сползания отдельных его частей по склону дюны. Около 1,5 м к западу от гроба находилось скопление мелких жженых костей, о происхождении которого трудно что-либо сказать⁵. Судя по положению скелета умерший был захоронен на спине, вытянуто и ориентирован головой на север. На скелете обнаружены остатки шкуры животного, возможно, относящиеся к одежде или одеялу. В связи с этим интересно отметить сообщение из китайских источников о том, что гунны «одеваются кожами его (домашнего скота.— Ю. Г.) прикрываются шерстяным и меховым одеялом»⁶. У правой бедренной кости находились остатки железного кинжала, среди которых хорошо сохранилась нижняя часть клинка и различаются обломки, по-видимому, какого-то кольца, может быть, от его выемчатой с гвоздевидными выступами рукояти (рис. 29 — 1, 2), или же от лудил, а у левой бедренной кости найден небольшой бронзовый крючок для подвешивания, в форме вопросительного знака. Кроме того, встречены обломки железных пластин и гвоздей (рис. 29 — 3, 4), предназначенных видимо, для скрепления отдельных частей гроба.

Погребение в деревянном гробу в вытянутом положении и ориентировка на север — все это характерный признак хорошо исследованных гуннских

³ Ю. С. Гришин. Древние памятники среднего течения Онона. Монгольский археологический сборник. М., 1962, стр. 105—106, и рис. 38, 8.

⁴ Там же, стр. 106—108, рис. 42.

⁵ Может быть, оно относится к существовавшей здесь в значительно более раннее время стоянке, от которой сохранились небольшой халцедоновый наконечник стрелы с вогнутым основанием, несколько каменных отщепов и отдельные очень мелкие мало-выразительные фрагменты глиняных сосудов. Все эти находки собраны в основном в 50 м от погребения.

⁶ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I. М.—Л., 1950, стр. 40 (Шицзи).

погребений на западе Забайкалья и в Монголии⁷. Правда, в большинстве случаев захоронения производились как бы в двойной погребальной камере, наружную часть которой составляет чаще всего бревенчатый сруб. Но на хорошо исследованном гуннском могильнике в Ильмовой пади есть захоронения и в одних гробах⁸. Отнесение кункурского памятника к гуннскому времени подтверждается и анализом керамики. Как уже отмечалось выше,

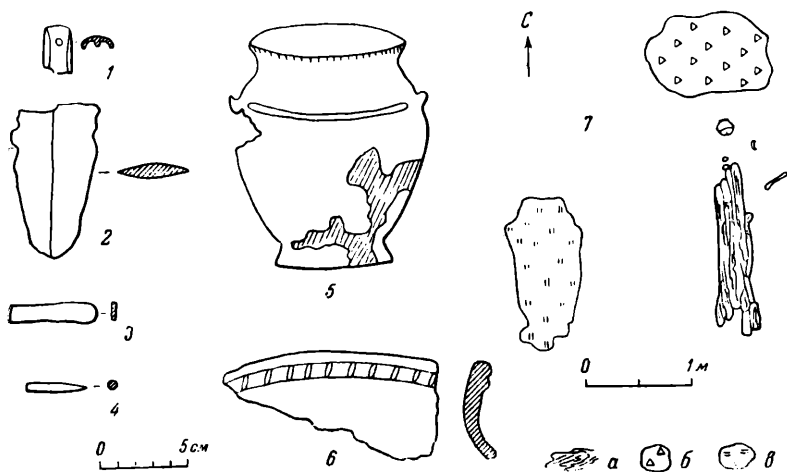

Рис. 29. План погребения и находки

1 — обломок рукоятки от железного кинжала; 2 — нижняя часть ланки кинжала; 3 — железная пластина; 4 — железный гвоздь; 5 — глиняный сосуд; 6 — обломок венчика сосуда; 7 — план погребения. На плане: а — остатки деревянного гроба; б — скопление керамики; в — женские кости

хорошо выделяются фрагменты двух сосудов. От одного (из глины в изломе красноватого цвета) сохранилось немного фрагментов, главным образом от венчика (рис. 29 — 6). Венчик выделенный округлый, слегка отогнутый наружу; сразу под ним проходит горизонтальный валик с насечками. Книзу стенки резко расширяются. Видимо, сосуд был больших размеров. Интересно отметить, что форма выделенного округлого венчика с выступающим рассеченным валиком очень напоминает некоторые фрагменты венчиков с уже отмеченной выше стоянки (в 600 м к северу от дер. Кункур)⁹. В профиле он напоминает и некоторые гуннские сосуды, в частности из раскопок в Ильмовой пади¹⁰. Другой небольшой сосуд удалось собрать почти полностью (рис. 29 — 5). У него сравнительно широкое раздутое, особенно в верхней половине, тулово, воронкообразный отогнутый венчик с насечками по наружному краю, на плечиках выпуклый валик, прерывающийся двумя небольшими выступами, и небольшой поддон полый внутри. Высота 12 см, ширина края 9,5 см, наибольший диаметр тулова 11 см, диаметр поддона 7 см. Подобные сосуды с коническими поддонами были широко распространены в Сибири в гуннское время. По форме он близок некоторым гуннским забайкальским сосудам из раскопок в Ильмовой пади¹¹. Что же касается его орнаментации, то валиковые украшения весьма характерны для гуннской керамики запад-

⁷ Г. П. Сосновский. Раскопки Ильмовой пади. СА, VIII, 1946.

⁸ Г. П. Сосновский. Раскопки Ильмовой пади. СА, VIII, 1946, стр. 57, рис. 9.

⁹ Ю. С. Гришин, Указ. соч., рис. 42.

¹⁰ Ю. Т. Талько-Гринцевич. Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади. Труды Троицко-Савско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русского географического общества, т. I, вып. 2, 1899, табл. XVIII, рис. 28 — в.

¹¹ Ю. Т. Талько-Гринцевич. Указ. соч. табл. XVIII, рис. 27 — а, б, с. Конические поддоны также не чужды гуннской керамики. См. ту же таблицу, рис. 27 — с.

ных районов Забайкалья¹², на которой эти валики так же в основном полагаются на плечиках.

Все сказанное выше позволяет не только говорить об одновременности рассмотренного погребения с известными гуннскими памятниками западных районов Забайкалья (могильник у Ильмовой пади, Ниже-Иволгинское городище и др.), но и предположить, что оно также гуннское. В этот период (с III в. до н. э. по II в. н. э.) на территории Восточного Забайкалья существует по крайней мере два различных типа погребальных обрядов (в деревянных гробах и в каменных ящиках, с разной ориентировкой) есть и существенные различия в керамике этих погребений. Вполне возможно, что в Восточном Забайкалье тогда жили этнически различные группы населения. Не говорит ли этот факт против точки зрения тех ученых, которые видят в гуннах прямых потомков населения культуры плиточных могил? Или, может быть, между двумя отмеченными типами погребений есть какое-то хронологическое различие, которое пока трудно уловить? Ответы на эти и другие вопросы должны помочь найти дальнейшие исследования памятников раннего железного века Восточного Забайкалья.

¹² С. И. Руденко. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.—Л., 1962, стр. 59—60, стр. 51.

Г. Б. ФЕДОРОВ

РАБОТЫ ПРУТСКО-ДНЕСТРОВСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

в 1960—1961 гг.

В течение 1960—1961 гг. экспедиция вела стационарные работы в Оргеевском, Резинском, Бендерском, Рышканском, Котюжанском и Котовском районах Молдавской ССР, а также производила археологические разведки на территории Молдавской ССР и Одесской области УССР в бассейнах Днестра, Прута и Левобережья Нижнего Дуная¹.

Отряд разведки вел работу в южных районах Молдавской ССР (по р. Ботне и ее притокам Ботнишаре и Кайнару и в Одесской области УССР в районе оз. Китой. Открыто 58 памятников, в числе их поселение эпохи мезолита, 13 гетских памятников скифского времени (курганый могильник и 12 селищ), 24 селища черняховской культуры, 5 древнерусских селищ IX—начала XII в. н. э. и 16 молдавских средневековых селищ. Часть из открытых поселений — многослойные, содержащие остатки поселений различных культур. Кроме того, в районе оз. Китой открыто селище первых веков нашей эры, в слое которого чисто гетская керамика найдена вместе с римскими амфорами, а также поселение балкано-дунайской (южнославянской) культуры.

Южнославянское селище Камышевка I (Измаильский район Одесской области УССР, возле с. Камышевка) вытянуто вдоль западного берега оз. Китой; здесь найдена серолощенная керамика салтовского типа и круговая с линейно-волнистым орнаментом. Подобная же керамика, а также древнерусская IX—начала XII в., кости животных и куски глиняной обмазки найдены на селище у с. Чигирлены (долина р. Ботнишары). На селище у с. Карбуна, расположенном на правом берегу Кайнара, встречены лепная славянская керамика пражского типа, круговая с линейно-волнистым орнаментом, кости животных и куски глиняной обмазки. На селище Карбуна II, расположенном на левом берегу р. Кайнар, напротив селища Карбуна I, залегает такая же керамика и обнаружены в слое темные пятна, состоящие из интенсивно окрашенного чернозема, угля, золы, скоплений глиняной обмазки и керамики, костей животных; это остатки жилищ. Селища Старые Каушаны I и II (Каушанский район) расположены на склонах долины Чокан и в ее правом ответвлении возле села. Здесь найдена круговая древнерусская керамика. Весьма интересная находка сделана при повторном исследовании раннеславянского селища Одая (расположено в 2 км к юго-западу от с. Алчедар Резинского района), открытого экспедицией еще в 1958 г. В 1960 г. здесь, в слое найдена различных типов славянская

¹ Начальник экспедиции Г. Б. Федоров (ИА АН СССР), заместители начальника М. Я. Салманович (ИЭ АН СССР) и Г. Д. Смирнов (ИИ АН МССР), начальники отрядов П. П. Бырня, Л. Л. Полевой, И. Г. Хынку, Г. Ф. Чеботаренко, В. С. Зеленчук, И. А. Рафалович (ИИ АН МССР), Т. Д. Златковская (ИЭ АН СССР), антрополог М. С. Великанова (ИЭ АН СССР).

лепная керамика VI—VIII вв. н. э.: без орнаментации — горшки в виде усеченного перевернутого конуса, толстостенные, поверхность коричневого цвета с темными пятнами, в трещинах, обжиг не сквозной и не равномерный; такая же посуда с зашипами по краю венчика. Вместе с керамикой I и II типов на глубине 0,2 м в перепаханном культурном слое обнаружена бронзовая византийская монета — фоллис достоинством 40 нуммий — чеканенная в Константинополе при Юстине II и Софии (565—578 гг. н. э.).

В 1961 г. был детально обследован район Екимауцкого городища, раскопанного в 1950—1952 гг.² Установлено, что, как и на Алчедарском поселении, само Екимауцкое городище служило лишь цитаделью — центром обширного неукрепленного поселения протяженностью около 1000 м с запада на восток и 250 м с севера на юг. Таким образом, Екимауцкое поселение также было феодальным городком, хотя и меньшего размера, чем Алчедарское. Среди подъемного материала — древнерусская гончарная керамика X—XI вв. железный шлак и руда, воздуходувные керамические сопла.

Антропологическая группа этнографических отрядов провела раскопки древних могильников у сел Куратуры и Алчедар (Резинский район), Малаешты (Рышканский район) и Ханска (Котовский район). В результате получены серии краниологического материала (свыше 100 черепов) о населении Молдавии XIV—XVIII вв. н. э.

Отряд гетской археологии производил раскопки и шурфовку на четырех гетских городищах IV—III вв. до н. э. в Резинском районе Кордон, Алчедар X, Куратуры и Глинжены — и на гетском селище этого же времени, также расположенном около с. Алчедар. Во время раскопок и шурфовок изучались оборонительные сооружения (кольцевые или подковообразные валы и рвы, аналогичные рвам и валам славянских городищ в Молдавии), открыты остатки больших (свыше 80 кв. м) наземных жилищ со стенами из плетневого каркаса, обмазанного глиной, лепная гетская керамика, пряслица, железные и гончарные шлаки, три терракотовые антропоморфных статуэтки, кости диких (30%) и домашних (70%) животных, половина из последних принадлежит крупному рогатому скоту.

Отряд балкано-дунайской археологии в 1961 г. приступил к раскопкам поселения балкано-дунайской (южнославянской) культуры, расположенного в южной части Молдавии (возле с. Калфа, у впадения р. Бык в Днестр), открытого экспедицией в 1959 г. Это первое южнославянское городище, обнаруженное в Прутско-Днестровском междуречье. Раскопки (500 кв. м) дали возможность прийти к следующим выводам: на площади, занимаемой городищем, в эпоху поздней бронзы существовало неукрепленное поселение (открыты три полуземлячных жилища, керамика сабагиновского типа, орудия труда, кости домашних и диких животных) и грунтовой могильник, в котором вскрыты три погребения (скелеты скорчены, лежат на правом боку, рядом с одним из них находилось погребение коня). В IV—III вв. до н. э. на этом же месте находилось поселение гетской культуры, от которого сохранились фрагменты лепной керамики и греческих амфор. В VII в. н. э. здесь было основано славянское поселение, до IX в. оставшееся неукрепленным. От него сохранились несколько жилищ — полуземлянок, найдена лепная керамика с зашипами по венчику и без них. В IX в. начинается строительство оборонительных сооружений, прикрывавших с напольной стороны плато. Это три рва и вала, причем третий вал и ров, строительство которых относится к первой половине XI в., так и не были закончены в связи с запустением городища. Это запустение, видимо, следует связывать с разгромом Византией Болгарского царства в середине XI в., что открыло кочевникам Причерноморских степей путь к югу. Поло-

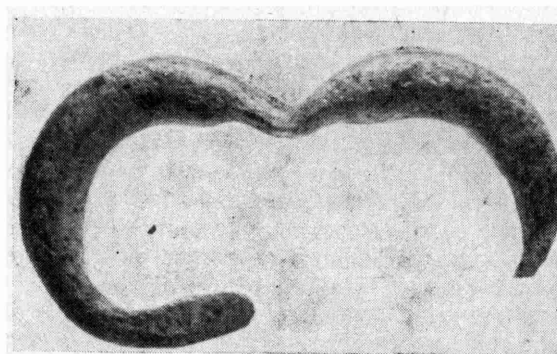
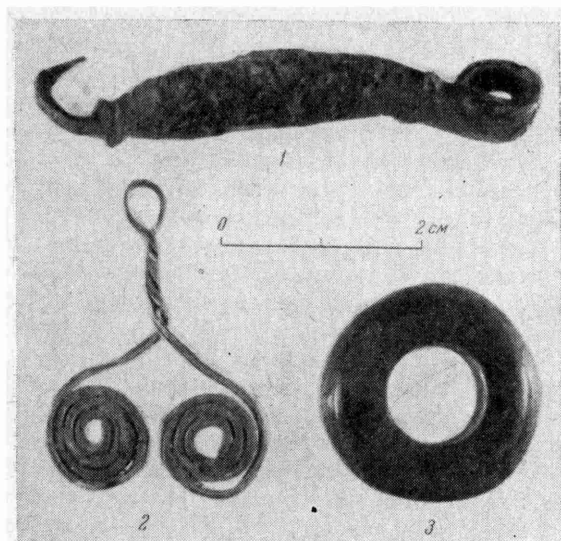
² Г. Б. Федоров. Городище Екимауцы. КСИИМК, вып. L, 1953; его же. Итоги трехлетних работ в Молдавии в области славяно-русской археологии. КСИИМК, вып. 56, 1954; его же. Отчеты о работе Славяно-Днестровской экспедиции за 1950—1952 годы. Архив ИА АН СССР.

жение городища Калфа, расположенного на границе между лесостепью и степью было особенно опасным, что и привело к запустению городища. При раскопках слоя IX—XI вв. открыты остатки двух гончарных горнов, домница для выплавки железа, керамика двух типов — серолощенная салтовского типа (подавляющее большинство) и гончарные горшки с линейно-волнистым орнаментом, а также жернова, пряслица, металлические, костяные и другие орудия труда и различные изделия.

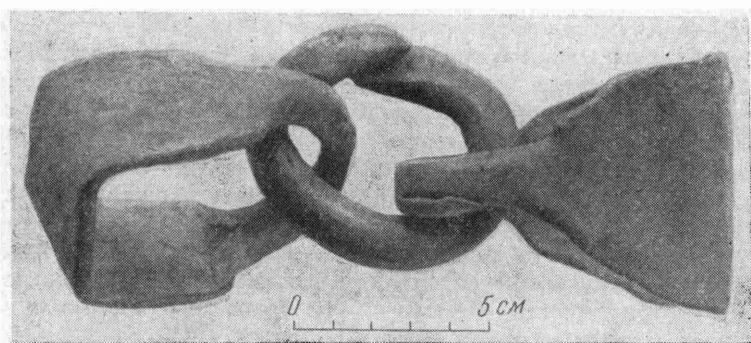
Отрядом раннемолдавской археологии во время раскопок на селищах Лукашевка V и Петруха (оба в Оргеевском районе) открыты полуземляночные жилища XII—XIII вв. н. э.; найдены шиферные пряслица, кусок обожженной глины с отпечатками ткани, зерна пшеницы, овса, железные ножи, бронзовый колокольчик, костяная застежка, обнаружены две глинобитные печи XII—XIII вв. и одна полуземлянка (на селище Петруха) IX—X вв. н. э.

Отряд молдавской средневековой археологии вел раскопки на двух селищах: Малаешты и Стынкуоуцы I (оба в Рышканском районе, в бассейне р. Прут). Селище Малаешты — многослойное, жизнь на нем началась в VI—VII вв. н. э. и продолжалась до XVIII в. непрерывно. За два года работы здесь открыты гончарный горн XVII в. н. э. и семь прямоугольных полуземляночных жилищ; из них три VI—VIII вв. н. э. (с прямоугольными печами-каменками и лепной керамикой), два X—XI вв. н. э. (с гончарной славянской керамикой), одно жилище и мастерская молдавского кузнеца XV в. н. э. и одно XVI в. Возле последней находились остатки двух одноярусных гончарных горнов с молдавской керамикой XVI в. Найдено большое количество славянской и особенно молдавской средневековой керамики, в том числе романская круговая XIII—XIV вв. н. э., относящаяся ко времени, непосредственно предшествующему образованию Молдавского государства. Здесь же выявлены три ямы, заполненные фрагментами молдавской керамики XV—XVII вв. н. э. Подобная же посуда, а также печные изразцы XVI в. н. э. найдены и на селище Стынкуоуцы, где открыты остатки наземного жилища XV — начала XVI в. и полуземляночное жилище XII—XIV вв. н. э. Исследование большого многослойного поселения Малаешты будет продолжено.

В значительных масштабах производились работы Отряда славяно-русской археологии, продолжавшего раскопки Алчедарского поселения, начатые еще в 1950 г. В 1960—1961 гг. работы велись на неукрепленной части поселения, на городище, а в 1961 г. и на могильнике. Всего за два года вскрыто 2719 кв. м площади (352 на городище, 2220 на неукрепленной части поселения и 147 на могильнике); а также заложены многочисленные шурфы в различных частях поселения с целью определения его границ. На городище изучены в южной части насыпи вала остатки каменной забутовки дубовых срубов городен (размер клетки $3 \times 1,8$ м), стоящих поверх насыпи. Снаружи бревна городен были обмазаны толстым слоем глины. На плато в южной части городища открыты остатки наземного прямоугольного в плане сооружения (площадью 22 кв. м.) с каменной отмосткой по наружному периметру стен, сделанных из плетня, обмазанного глиной, а также скоплениями печины. В этом сооружении и возле него найдены сотни фрагментов керамики, более 80 изделий из металла, кости, камня и глины. Бытовые предметы — деревянная петля, крюки для подвешивания, бусины пастовые глазчатые и сердоликовые, медная серьга (рис. 30 — 2), пружинные ножицы, гвозди, игла, массивная глиняная жаровня, миска-творожница, проколки, удила, рыболовные крючки, железная блесна (рис. 30 — 1), охотничьи стрелы с двумя жалами, плотничий топор с выемкой и олушечным лезвием, железная деталь плуга (предохранительное кольцо) — свидетельствуют о том, что обитатели жилища занимались сельским хозяйством, прядением, охотой, рыболовством и т. д.; найдены и специализированные орудия ремесленника-оружейника. К ним относятся миниатюрные железные

4

5

Рис. 30. Вещи из наземного жилища на Алчедарском городище (1—3) и с территории поселения (4)

1 — железная блесна; 2 — медная подвеска для серьги; 3 — шиферное пряслице; 4 — плужный предохранитель; 5 — плужный предохранитель из с. Матеуцы (этнографическая аналогия)

наковаленка, пробойник, долото, крючок от небольших клещей, а также круглое точило из песчаника. Аналогичные орудия найдены при раскопках трех мастерских ювелиров и оружейника на городище в 1957 и 1959 гг. Так как здесь же найдено 16 железных наконечников стрел и большое количество железных пластинок и стержней (по-видимому, полуфабрикатов стрел), то можно считать, что указанное жилище было вместе с тем и мастерской оружейника. Отметим находку здесь кусков железа, сопла, видимо от кузнечного горна, десяти железных ножей различных размеров, а также глиняных и трех шиферных пряслиц (рис. 30—3), двух железных удил и т. д. В мастерской выявлены следы пожара. Судя по керамике, форме топора и другим предметам, она прекратила свое существование в конце XI—начале XII в. В нижнем горизонте культурного слоя найдено 32 фрагмента лепной славянской керамики с защипами по венчику и без них. Это фрагменты горшков, имеющих форму перевернутого усеченного конуса; венчик слабо профилирован, стенки толстые, поверхность шероховатая, часто в трещинах, цвет — темно-коричневый, часто с темными пятнами от неравномерного обжига. Вместе с керамикой найдена медная византийская монета — фоллис, достоинством 40 нуммий, чеканенная во второй мастерской Константинополя. Это монета императора Ираклия (610—641 г. н. э.), перечеканенная из фоллиса императора Фоки (602—610 г. н. э.). Культурный слой, содержащий лепную славянскую керамику, с которой найдена и византийская монета, уходит под насыпь вала, т. е. относится к тому времени обитания славянского поселения, когда городище еще не было сооружено. Толщина культурного слоя на плато городища 1,3—1,4 м.

Раскопки на неукрепленной территории Алчедарского поселения велись в 1960 г. в юго-западной части, где продолжалось исследование «района металлургов», начатое еще в 1953 г. и особенно развернувшееся в 1959 г.³, а в 1961 г., в северо-западной, на том же склоне лощины, на котором находится и городище. Всего на два года заложено было 44 раскопа, из них 41 в юго-западной⁴ (№ 27—67) и три в северо-западной (№ 68—70) части поселения. Открыто 20 жилищ, большинство которых одновременно служило и мастерскими, из них четыре наземных и 16 полуземлянок. Кроме того, в северо-западной части открыто еще 26 полуземляночных жилищ, которые были нанесены на план. Производилась также шурфовка, сбор подъемного материала на всем поселении с целью определения его границ, и сделана была инструментальная съемка. К сожалению, размеры поселения установлены условно, так как значительная его часть находится под густым лиственным лесом, где подъемный материал отсутствует, а шурфовка очень затруднена. И все же теперь можно, хотя бы условно, судить о форме и размерах поселения. Оно вытянуто вдоль склона лощины, по дну которой протекает безымянный ручей, впадающий в р. Черну — приток Днестра. Поселение грушевидной формы, вытянуто с запада на восток, сужаясь в этом направлении; длина его 1330 м, ширина (с юга на север) в среднем 650 м. В 1960—1961 г. исследовалась наиболее широкая — западная часть.

Конструкция жилищ и печей, открытых за эти два года, ничем существенным не отличается от тех жилищ, которые открыты здесь в предшествующие годы раскопок⁵. Удалось установить, что в тех случаях, когда углубленные в землю стены обшивались деревом, оно обмазывалось довольно толстым слоем глины. Наземные жилища, как правило, больших

³ См. Г. Б. Федоров. Работы Прутско-Днестровской экспедиции в 1959 году. КСИА АН СССР, вып. 86, 1961, стр. 78—85.

⁴ Нумерация раскопов и жилищ на неукрепленной части поселения своя, отличная от нумерации на городище.

⁵ Г. Б. Федоров. Население юго-запада СССР в I—начале II тысячелетия нашей эры. СЭ, 1961, № 5, стр. 96—100.

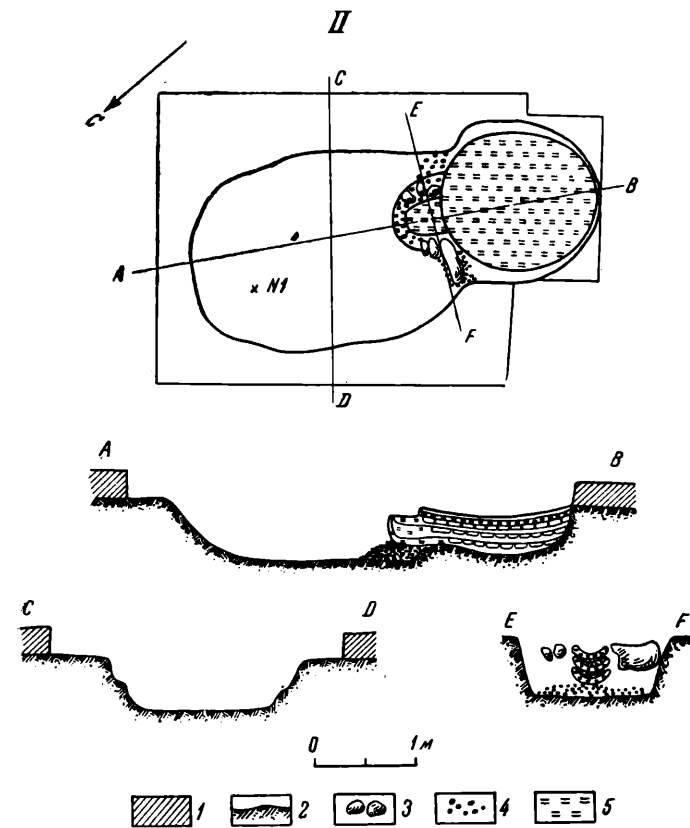
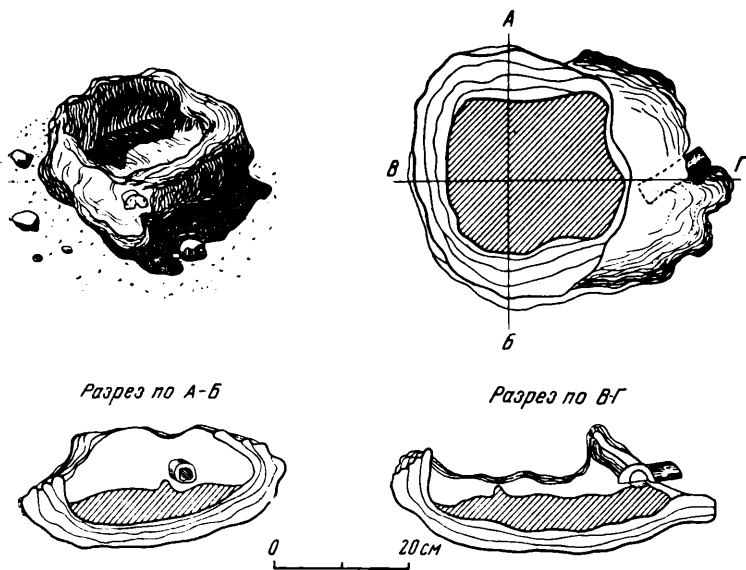

Рис. 31. Общий вид, план и разрезы домницы № 6 (I); план и разрезы печи № 1 для обогащения руды (II) на Алчедарском поселении.

1 — чернозем; 2 — материк; 3 — камни; 4 — уголь; 5 — обожженная глина

размеров, чем полуземлянки и либо совсем без печи, либо она очень маленькая, это летние жилища. Возле жилищ открыто пять очагов и 22 хозяйственные ямы, часть из которых служила для хранения припасов, а другие связаны с металлургическим производством — для сброса шлака. Открыта каменная вымостка для дробления железной руды, две печи для ее обогатительного обжига, девять домниц для плавки железа (№ 2—10; домницу № 6 см. на рис. 31—1). В одном из раскопов открыт целый комплекс — шесть домниц (раскоп № 58), расположенных по кругу на небольшом расстоянии одна от другой. Открыто два колодца (оба возле домниц) глубиной около 4 м, связанных с металлургическим производством. Обнаружены сотни килограммов железного шлака руды, кричное железо, десятки воздуховодных керамических сопел. Железная руда после дробления тщательно промывалась, потом просушивалась и поступала в печи для обогатительного обжига (рис. 31—2). Эти печи в плане круглые или овальные (диаметром от 1 до 2 м) с мощным подом, состоящим из трех—пяти чередующихся слоев известняковых камней и глиняной обмазки. Устьем печи выходили к широкому и неглубокому предпечным ямам, в которых были углубления для сброса золы. Нижняя часть полусферического свода печей вырезалась в материковой глине, верхняя делалась из глины и камней. Измельченная руда «томила» длительное время при температуре 500—600° С. Многослойный под играл роль конденсатора тепла, позволяя поддерживать постоянную температуру, под воздействием которой исчезали легко выгорающие примеси и руда обогащалась. После этого руда поступала в домницы, где при температуре до 1300—1400°, достигавшейся принудительной подкачкой воздуха через сопла, происходил процесс частичного восстановления железа. Как правило, домницы довольно хорошей сохранности, разрушенным оказывался обычно только самый верх — колошник, возвышавшейся над уровнем древней дневной поверхности. Для примера опишем домницу № 10 из раскопа 68 (рис. 32). Она сделана из огнеупорной глины, подвергавшейся во время работы очень сильному обжигу. Сохранялась нижняя часть домницы на высоту 0,2 м. В плане она овальная, наружные диаметры 0,54 и 0,46 м, внутренние — 0,36 и 0,31 м. Стенки становятся толще ко дну, к поду, в среднем толщина их 8 см. В изломе стен с внутренней стороны хорошо видны пять слоев обмазки, толщиной каждый 0,5—0,8 см. Под вогнут, здесь оказался лишь один слой промазки огнеупорной глины. В центре пода линзообразное углубление, заполненное пористой крицей (диаметром 16 и 12 см и толщиной 1,5—3,0 см). В устье в передней стенке домницы в два ряда вставлены шесть сопел, из них три в сечении квадратные и три — круглые. Диаметр отверстий сопел 1 см, наружная часть отверстий имеет воронкообразную форму. Длина сопел 18—20 см, они сохранились целиком или почти целиком. Промежутки между ними промазаны глиной, обожженной до цвета и твердости кирпича. Дутье сразу через шесть сопел при небольших размерах домницы создавало возможность получения очень высоких температур.

Домницы обычно располагаются на небольшом расстоянии от жилищ или внутри круга, ограниченного несколькими жилищами. Планировка поселения — гнездовая: жилища расположены группами по два—пять жилищ в каждом гнезде. Часто на такое «гнездо» приходится один общий производственный комплекс, например одна или несколько домниц. Судя по размерам, каждое жилище рассчитано на малую индивидуальную семью (муж, жена, маленькие дети). Чем же объясняется такая «гнездовая» планировка с общим для гнезда производственным комплексом? Единственное удовлетворительное объяснение — это наличие на Алчедарском поселении патронимических семей, т. е. такой стадии в развитии семьи, когда большая патриархальная семья уже распалась на отдельные семьи, но между ними (входящими в патронимическую семью) еще сохрани-

лись определенные территориальные, хозяйственные, родственные и иные связи.

Металлургия была основным занятием населения неукрепленной части поселения. Однако здесь жили ремесленники и других специальностей. Об этом свидетельствуют находки плотничьих топоров с выемкой и опущенным лезвием, тесел, шил, разнообразных пряслиц (почти исключительно глиняных, а не шиферных, как на городище), наковальни, пробойников, ножей, тиглей, костяных проколов, находимых обычно возле печей и связанных, видимо, с кожевным производством. Судя по находкам серпов,

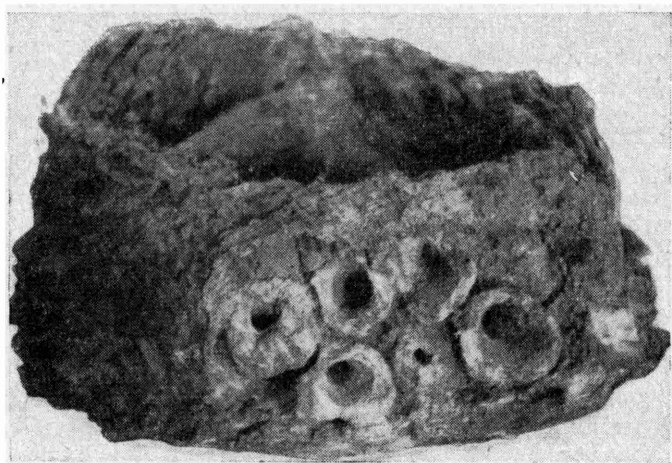

Рис. 32. Домница для плавки железа. Алчедарское поселение

известняковых жерновов, соскреба и других железных частей плугов, а также большого числа костей домашних животных (прежде всего крупного рогатого скота), на поселении было развито также земледелие и скотоводство. Бытовой инвентарь, найденный в жилищах, гораздо беднее, скромнее, чем на городище. Это языческие амулеты (клыки медведя, кабана со сверлинами, просверленные бараньи астрагалы), редкие бусины, в основном из стеклянной пасты. Из оружия найдены железные наконечники стрел, копье, секирообразный топор. Большой интерес представляет з-образный железный кованый предмет (рис. 30—4). По этнографическим данным, выявленным (рис. 30—5) в с. Матеуцы в 5 км от Алчедарского поселения, установлено, что предмет служил для предохранения лемеха от порчи во время пахоты. В рабочем положении предохранитель представлял собой массивное кольцо с несомкнутыми, заходящими друг за друга концами. Кольцо соединялось с двумя втулками — от упряжи и от плуга. В случае наезда лемеха на большой камень или другие препятствия кольцо разжималось освобождая втулку с упряжью. Подобные предохранители еще недавно при конной тягловой силе использовались в Молдавии.

Весьма любопытна эволюция гончарной древнерусской керамики конца IX — начала XII в. на Алчедарском поселении. Основным видом на протяжении этого времени — был средней величины (высотой до 20 см) горшок; менялись лишь различные его особенности. Более сложную профилировку получал венчик; линейно-волнистый орнамент, сначала покрывавший большую часть тулова, позже стал наноситься лишь на верхнюю часть тулова, менялись и пропорции. Вначале наибольший диаметр сосуда проходил лишь немного выше середины, а позже уже значительно выше середины. В определенном направлении менялись и примеси к глине. Проверка, проведенная на около 100 000 фрагментах керамики, показала следующие закономерности: в глине гончарного теста включались следующие ос-

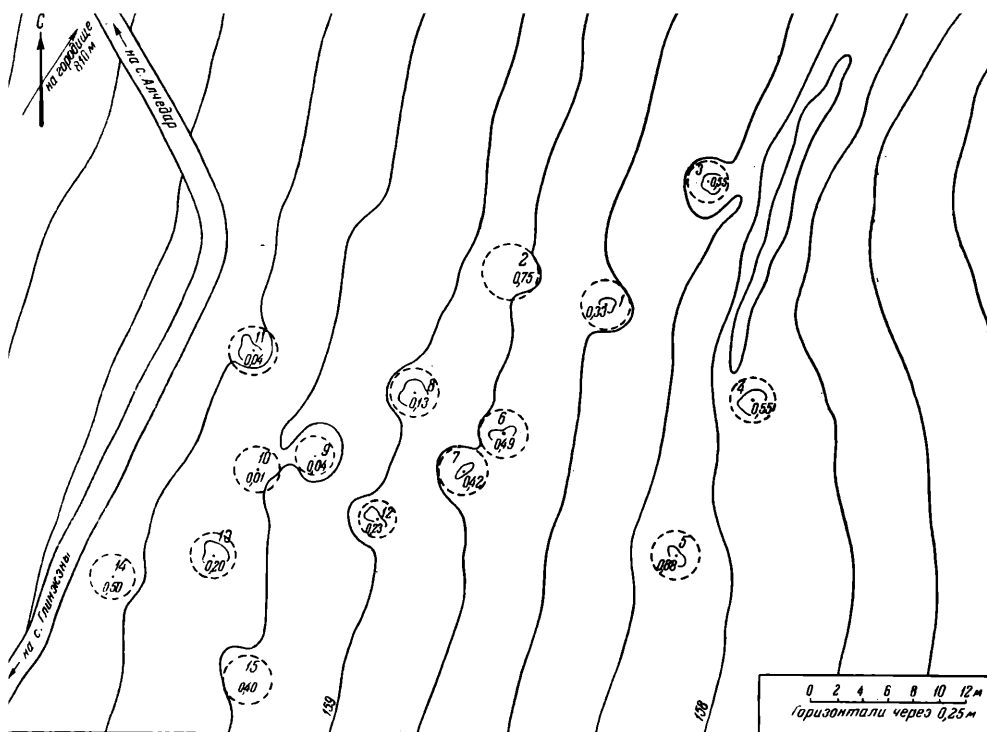

Рис. 33. Алчедарский могильник. План курганной группы

новые примеси: дресва и песок, пирит, дробленный известняк. Кроме того, встречаются и растительные, органические и другие примеси, однако количество их очень незначительно. Характер примесей в той или иной степени определялся назначением, формой и размером сосудов. Так например, примесь пирита, придающая сосудам нарядный золотистый отблеск, применялась чаще всего в столовой посуде, примесь дробленого известняка — к сковородам и т. д. Однако в тесте посуды одинаковых форм бывают различные примеси, а самое главное, что все они встречаются в тесте обычных, одинаковых по размерам и пропорциям горшков. Иногда примеси «сосуществовали», т. е. включались в один замес; скажем, пирит и кварцевый песок, но чаще они добавлялись порознь. Иногда в одних и тех же жилищах находились (как и в одних горизонтах культурного слоя) сосуды с различными примесями, но гораздо чаще они встречаются по указанным группам. Сопоставление с хорошо датированными вещами, вместе с которыми были обнаружены в одних жилищах или одних горизонтах культурного слоя сосуды с разными группами примесей, позволило вывести следующие закономерности: в конце IX — первой половине X в. преобладали сосуды с примесью дресвы и песка к гончарной глине; с середины X и до начала, может быть, середины XI в. — сосуды с примесью пирита и с середины XI до середины XII в. — с примесью дробленного известняка. Чем объяснить такую эволюцию? Добавление песка и дресвы, а также иногда шамота к глине сосудов первой группы, вероятно, идет от предшествующих традиций керамического производства, так как эти примеси более всего характерны для славянской лепной посуды VI—IX вв. Появление с середины X в. примеси пирита, возможно, связано с тем, что в этот период уличи передвинулись с низовьев Днепра (где очень много посуды с пиритом и в этот и в предшествующий периоды) на территорию между Бугом

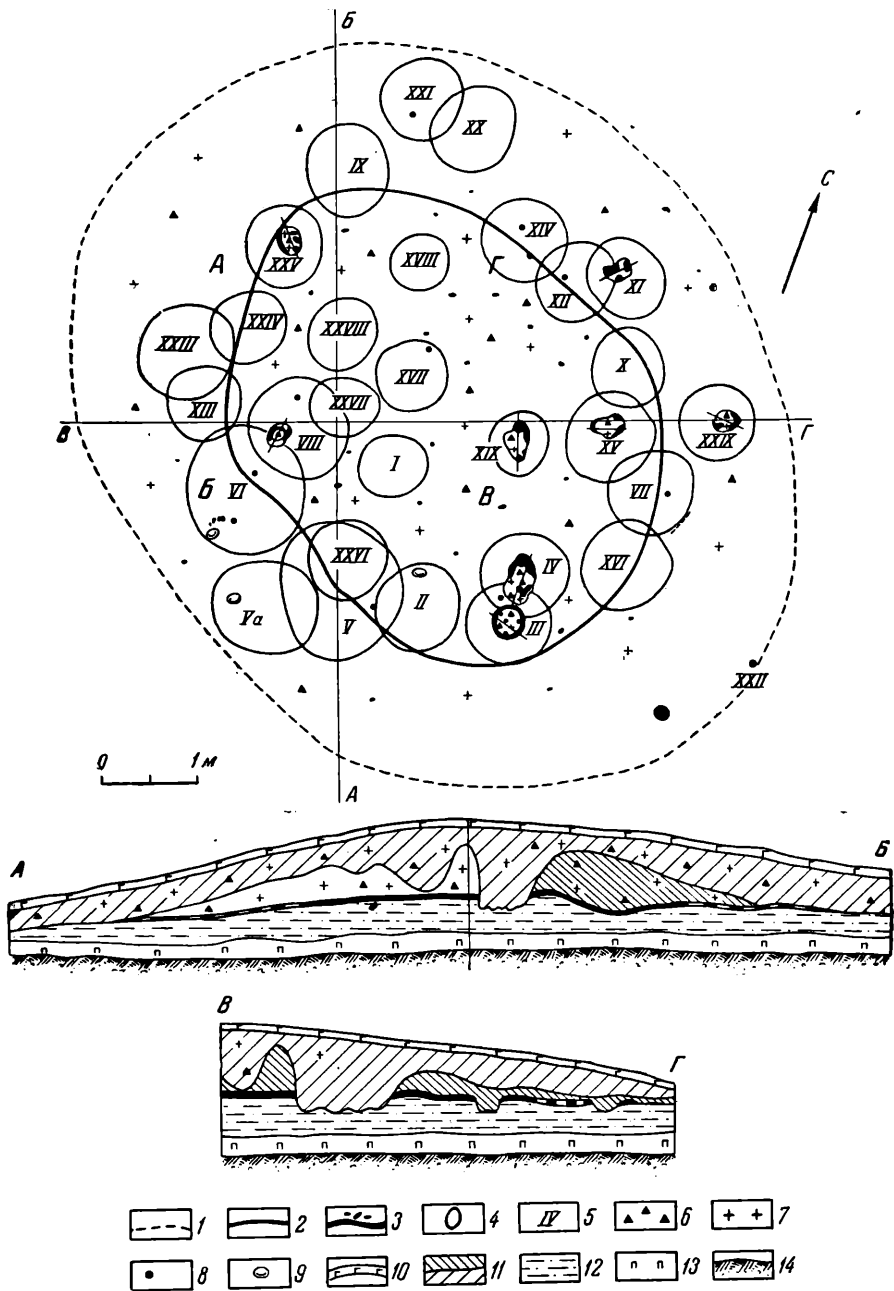

Рис. 34. Алчедарский могильник. План и разрезы кургана № 2.

1 — примерная граница кургана; 2 — граница слоя древесного угля и золы; 3 — уголь, зола; 4 — границы скопления керамики и человеческих костей; 5 — I — XXIX — погребения; 6 — мелкораздробленные человеческие кости; 7 — древнерусская керамика; 8 — индивидуальные находки; 9 — камни; 10 — гумусный слой; 11 — чернозем; 12 — глина; 13 — погребенная почва; 14 — материк

и Днестром и стали ближайшими соседями поднепровцев — тиверцев. Широкое распространение с середины XI в. примеси дробленого известняка, видимо, объясняется большим масштабом гончарного производства в этот период, что подтверждается статистическими данными. При больших мас-

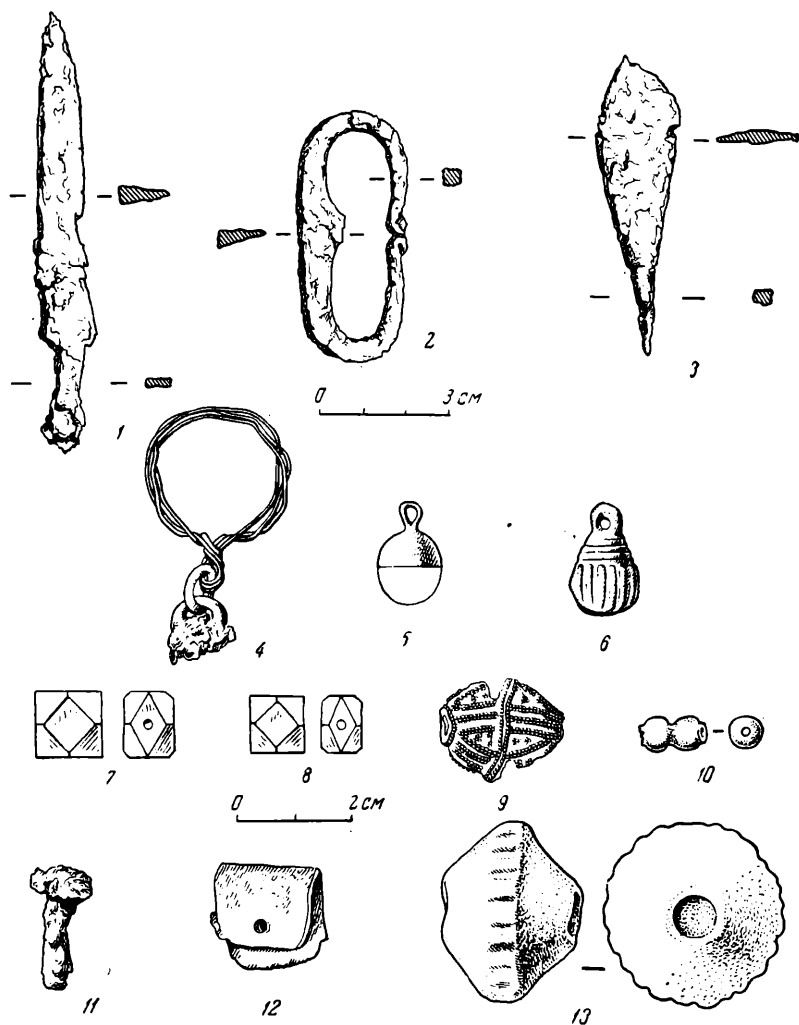

Рис. 35. Вещи из погребального инвентаря кургана № 2 Алчедарского могильника.

- 1 — железный нож; 2 — железное кресало; 3 — железный наконечник стрелы; 4 — медная серьга; 5, 6 — бронзовые пуговицы; 7, 8 — сердоликовые бусины; 9 — серебряная бусина со скакью и зернью; 10 — синяя пастовая зонная бусина; 11 — железный кованый гвоздь; 12 — медная пластинка; 13 — глиняное пряслице

штабах в качестве примесей должен был быть использован такой материал, которого было вдоволь и который не нужно было привозить издалека, таким был известняк.

Выводы наши носят пока лишь предварительный характер и будут еще проверяться во время последующих раскопок.

Одной из самых важных работ экспедиции было открытие и начало исследования в 1961 г. курганного могильника — первого славянского могильника на территории Молдавии. Он расположен в лесу, на расстоянии 500 м к югу от границы Алчедарского поселения (от района металлургов) и состоит из 15 насыпей (средней высотой 0,6—0,8 м и диаметром от 4 до 11 м) в плане овальной формы; находящихся на расстоянии от 1 до 9 м одна от другой (рис. 33). Курганные насыпи и погребения сильно разрушены корнями деревьев. В 1961 г. раскопаны курганы № 1 и 2. В первом обнаружены остатки 10 трупосожжений, во втором — 29 (рис. 34). Остатки

трупосожжений вместе с мелкими украшениями и орудиями труда помещались или в горшках-урнах, или просто в ямках (обычный диаметр 0,3—0,4 м), или на площадке из глины (толщина 0,25—0,4 м), сооруженной в центре основания насыпи, или за ее пределами, или, наконец, несколько выше этой площадки, в насыпи. В насыпи хорошо видны следы ям и перекопов, ведущих к погребениям. Большинство погребений без инвентаря, в тех 10 погребениях, в которых обнаружен, он весьма беден (рис. 35). Это — бусины (плитчатые, сердоликовые, со срезанными углами, четырнадцатигранные, зонная двойная из синей стеклянной пасты, серебряная биусеченноконическая с зернью и сканью); бронзовые предметы — грушевидные пуговицы, кольцевидная трехпроволочная серьга, дужка от другой серьги и прямоугольная пластинка; железные предметы — ромбовидный наконечник стрелы, черешковый без упорного валика для древка, калачевидное кресало с язычком, нож с прямой спинкой, кованный четырехгранный гвоздь; кусок железного шлака. За исключением одной сердоликовой бусины, ни на одной вещи нет следов действия огня. Значит вещи не клали вместе с трупом на погребальный костер, а помещали в урны или ямки уже с пережженными кальцинированными костями. В двух курганах найдено 3404 фрагмента разбитых сосудов. Вся керамика древнерусская изготовлена на ручном круге, украшена линейно-волнистым орнаментом. Она аналогична керамике с поселения. Это — средней величины горшки. Встречаются все три обычные примеси к гончарной глине: кварцевый песок или дресва, пирит и дробленый известняк, однако примеси первой группы резко преобладают (их свыше 85%). Керамики с пиритом очень мало, а с примесью дробленого известняка — лишь единичные фрагменты. Это позволяет датировать могильник концом IX — первой половиной X в., чему не противоречит ни одна из найденных в погребениях вещей, а специфические особенности некоторых из них (нарезки на ребре пряслица, отсутствие упорного валика и примитивность формы наконечника стрелы и др.) подтверждают эту датировку. Алчедарский могильник № 1 — это кладбище, которое использовали лишь жители «района металлургов», а не жители городища. Об этом свидетельствует территориальная близость могильника к «району металлургов», относительная бедность инвентаря, присутствие в погребении железного шлака. Обряд погребения не оставляет сомнения в том, что в период использования могильника население «района металлургов» было еще языческим. Это в полной мере подтверждается и находками на поселении. В насыпях (особенно в насыпи кургана № 2) отчетливо видны следы подсыпок, ям, перекопов. Видимо, после сооружения первой насыпи, она неоднократно досыпалась, в ней делались различные ямы, доходящие до уровня погребальной площадки. Следовательно, погребения в курганах совершались неоднократно на протяжении небольшого (50—60 лет) промежутка времени, судя по керамике и вещам. После середины X в. в курганах уже не хоронили, что связано, видимо, с широким распространением христианства. Ни в расположении, ни в могильном инвентаре не прослеживается сколько-нибудь значительной разницы между отдельными погребениями, хотя встречены и совсем безинвентарные захоронения, и погребение с серебряной бусиной, что указывает на существование некоторого имущественного неравенства. В курганах были похоронены, видимо, ремесленники-металлурги и члены их семей. Каждый курган служил, очевидно, усыпальницей членов патронимической семьи, судя по количеству погребений и отсутствию центральных по положению и инвентарю захоронений. Каждое гнездо жилищ, составляющее патронимическую семью, видимо, использовало для захоронений своих умерших один из курганов, постепенно увеличивая его насыпь, делая впускные погребения. Связи между отдельными семьями, входившими в одну патронимическую семью подтверждаются и наличием общих для такой семьи курганов — усыпальниц.

Е. К. ЧЕРНЫШ, И. Т. ЧЕРНЯКОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ В ПОДУНАВЬЕ

Северо-западное Причерноморье — интереснейший, но вместе с тем наименее изученный в археологическом отношении район Европейской части СССР. Особенно плохо изучена степная часть междуречья Днестра и Дуная (быв. южная Бессарабия и северная Добруджа). Некоторые археологические памятники, обнаруженные в этом краю, давно привлекали внимание исследователей. В их числе: древнегреческое святилище на оз. Змеином (Левки, Федониси); анадольский клад монет IV—III вв. до н. э. у с. Долинское (Анадол); бородинский (бессарабский) клад эпохи бронзы; «Нижний Траянов вал», пересекающий эту территорию от р. Прут до оз. Сасык; римское укрепление у с. Орловка (Картал). Упоминалась эта территория так же в связи с вопросом о переправе Дария через Дунай и маршруте его похода в Скифию. В XIX—XX вв. в этом районе были проведены небольшие археологические раскопки. В последнее время северо-западное Причерноморье все больше привлекает внимание советских археологов. Постепенно становятся известными памятники разных эпох. Среди них ранее не известные на территории СССР поселения энеолитической культуры Гумельница, которая развивалась в Подунавье одновременно с соседней трипольской культурой (IV—III тысячелетия до н. э.). Первое поселение культуры гумельница было открыто на восточном берегу оз. Ялпук у г. Болград Одесской области в 1960 г.¹ (рис. 36—а).

В 1961 и 1962 гг. Молдавская экспедиция Института археологии АН СССР, проводимая совместно с Институтом истории АН МССР и с Одесским государственным археологическим музеем, предприняла раскопки этого поселения. Оно оказалось многослойным. Обнаружены: полуземлянки и ямы, относящиеся к культуре гумельница, каменный фундамент большой постройки и ямы эпохи поздней бронзы (I тысячелетие до н. э.), обломки эллинистической керамики, полуземлянки с печами-каменками славянского времени (X—XI вв.)². Наиболее богатым находками оказался нижний слой — культуры гумельница. Материалы эти свидетельствуют о длительном периоде существования поселка древних земледельцев и скотоводов. При разведках обнаружено еще несколько поселений, что позволило, наконец, более реально представить северную границу распространения племени культуры гумельница.

Молдавская экспедиция производила разведки по берегам оз. Ялпук, оз. Кагул, р. Кагул и нижнего течения р. Дунай. Ниже даем краткое описание памятников, открытых и обследованных в 1962 г.

¹ И. Т. Чернышов. Некоторые археологические находки из Болградского района Одесской области. МАСП. Одесса, 1961, стр. 141, 142, рис. 3 (4—6, 8, 9, 11).

² Е. К. Чернышов. Многослойное поселение у г. Болграда. ЗОАО, т. II (35). Одесса, 1963.

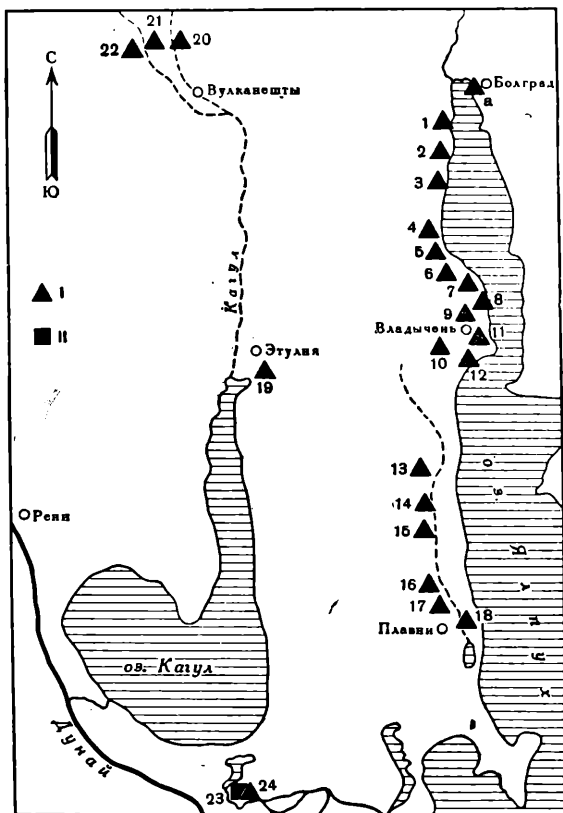

Рис. 36. Схема размещения памятников, обследованных в нижнем Подунавье.

а — поселение у гор. Болграда, 1—24 — номера, соответствующие номерам описаний памятников в тексте.

I — поселения; II — городище

тельные фрагменты лепных сероглиняных сосудов из грубого теста с примесью шамота и обломки амфор II—III вв. н. э.

4. Виноградовка IV. Поселение расположено напротив совхоза им. А. В. Суворова, на первой террасе. Культурный слой залегает на глубине от 0,25—0,3 м до 0,7—0,9 м. Он насыщен костями животных и фрагментами керамики. Памятник — двуслойный.

Нижний слой включает обломки лепных сероглиняных и красноглиняных сосудов баночной формы со срезанным или слегка отклоненным наружу краем и фрагменты тонкостенной лощеной керамики, которая относится к эпохе поздней бронзы.

Верхний слой представлен обломками амфор с рифлеными стенками и следами красной краски, светлоглиняными амфорами II—III вв. н. э., а также сероглиняной керамикой черняховского типа, сделанной на гончарном круге.

³ Порядковые номера в тексте соответствуют номерам на карте.

⁴ Поселение обнаружено В. Н. Памуки в 1959 г. и обследовано И. Т. Черняковым. См.: И. Т. Черняков. Указ. соч., стр. 141, пункт III.

⁵ По классификации И. Б. Зеест. См.: И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83, 1960, стр. 117, табл. XXXVII, 90, 6.

⁶ Аналогии этой керамике — в Румынии. Б. Митря оравнивает ее с салтово-маяцкой и считает протоболгарской. См.: Б. Митря. Некоторые данные о могильниках с трупопожжениями из Сату Ноу (Добруджа). МИА юго-запада СССР и РНР, Кишинев, 1960, стр. 291.

1. Виноградовка I. В Болградском районе Одесской области). На первой террасе оз. Ялпук (в 70 м от берега) обнаружено поселение славянского времени. Найдены фрагменты красноглиняной керамики X—XI вв., сделанной на гончарном круге (рис. 36 — 1)³.

2. Виноградовка II⁴. Немного южнее поселения Виноградовка I, на мысе плато, распаханном под виноградник, найдено большое количество камней, кремня, костей животных, костяная сильно сработанная лопаточка и обломки керамики различного времени. Среди них: фрагменты лепных сероглиняных сосудов сабашиновского типа и лощеная керамика поздней бронзы, мало выразительные фрагменты сосудов скифского времени, обломки римских амфор I—III в. н. э., среди которых есть ручка и обломок ножки светлоглиняной амфоры I—II вв. н. э.⁵; обломки гончарной сероглиняной керамики, стенки которой украшены сетчатым лощением⁶.

3. Виноградовка III. Южнее Виноградовки II на склоне плато на площади 100 × 80 м собраны мало вырази-

5. Владычень I. Поселение расположено севернее одноименного села (Болградский район, Одесской области)⁷ на первой террасе залива оз. Ялпук недалеко от фермы колхоза «Прогресс». Найдены: обломки красноглиняной керамики X—XI вв., сделанной на гончарном круге, и орнаментированной волнистыми и пересекающимися линиями; обломки сероглиняных сосудов, поверхность которых украшена сетчатым лощением.

6. Владычень II. Южнее поселения Владычень I на первой террасе (высотой 7 м) озера у оврага обнаружены обломки славянской керамики X—XI вв.

7. Владычень III. Севернее села на высоком берегу оз. Ялпук найдены обломки светлоглиняных амфор II—III вв. н. э., обломки славянской керамики X—XI вв., украшенной волнистым орнаментом и светлоглиняной посуды, поверхность которой покрыта сетчатым лощением.

8. Владычень — IV. На склоне мыса на северной окраине с. Владычень найдены на винограднике невыразительные обломки лепной сероглиняной керамики и фрагменты римских амфор II—V вв. н. э., среди которых есть ручки светлоглиняных амфор II—III вв. н. э.⁸ и куски ручки светлоглиняной корчажки IV—VI вв. н. э.⁹

9. Владычень V. В 1 км севернее села на склоне берега — большое поселение X—XI вв. С него происходят обломки красноглиняных сделанных на гончарном круге сосудов с резко отогнутыми наружу венчиками (рис. 37—1, 3). Стенки украшены орнаментом из волнистых линий (рис. 37—1, 8), перекрещивающихся линий (рис. 37—2), вдавлений (рис. 37—4, 5), оттисков гребенки (рис. 37—6). Кроме того, обнаружены обломки сероглиняных сосудов с прямыми и высокими венчиками (рис. 37—7) и стенками, покрытыми сетчатым лощением; найдены и ручки таких сосудов (рис. 37—9).

Из более древних находок следует отметить фрагменты амфор II—III вв. н. э. и черепок сосуда с наlepным валиком сабапиновского типа поздней бронзы.

10. Владычень VI. Поселение расположено северо-западнее села на мысе западной стороны балки, впадающей в оз. Ялпук. Керамика, собранная здесь относится к трем эпохам: обломки лепной толстостенной сероглиняной керамики и тонкостенной лощеной посуды — к эпохе поздней бронзы; фрагменты светлоглиняных амфор — ко II—III вв. н. э.; славянская керамика, украшенная волнистым орнаментом, к X—XI вв. н. э.

11. Владычень VII. Поселение расположено на 1,5 км юго-восточнее села на первой террасе оз. Ялпук. Керамика собрана на площади 800 × 300 м. Найдены обломки римских узкогорлых амфор II—III вв. н. э.

12. Владычень VIII. Поселение расположено в 2 км на юг от села на берегу оз. Ялпук. Площадь его приблизительно 500 × 100 м. Культурный слой хорошо прослеживается в обрывах берега. Керамика, собранная здесь, относится к четырем эпохам.

Обломок тонкостенного лощеного кубка принадлежит культуре Гумельницы (рис. 37—16). Ко времени поздней бронзы относятся фрагменты керамики сабапиновского типа с валиками под венчиками и без валиков (рис. 37—10—15); на одном из фрагментов — валик с насечками (рис. 37—14).

О поселении скифского времени свидетельствуют обломки стенок и венчиков сосудов с высокой шейкой, обрезанным или закругленным венчиком (рис. 37—16—20). Сосуды вылеплены из грубой массы с примесью шамота. На одном обломке стенки сохранился валик с насечками (рис. 37—21).

⁷ Поселение впервые было обнаружено В. Н. Памукчи, см.: И. Т. Черняков. Указ. соч., стр. 139, пункт II.

⁸ И. Б. Зеест. Указ. соч., стр. 173, табл. XXXVII, 91.

⁹ И. Б. Зеест. Указ. соч., стр. 175, табл. XXXIX, 98.

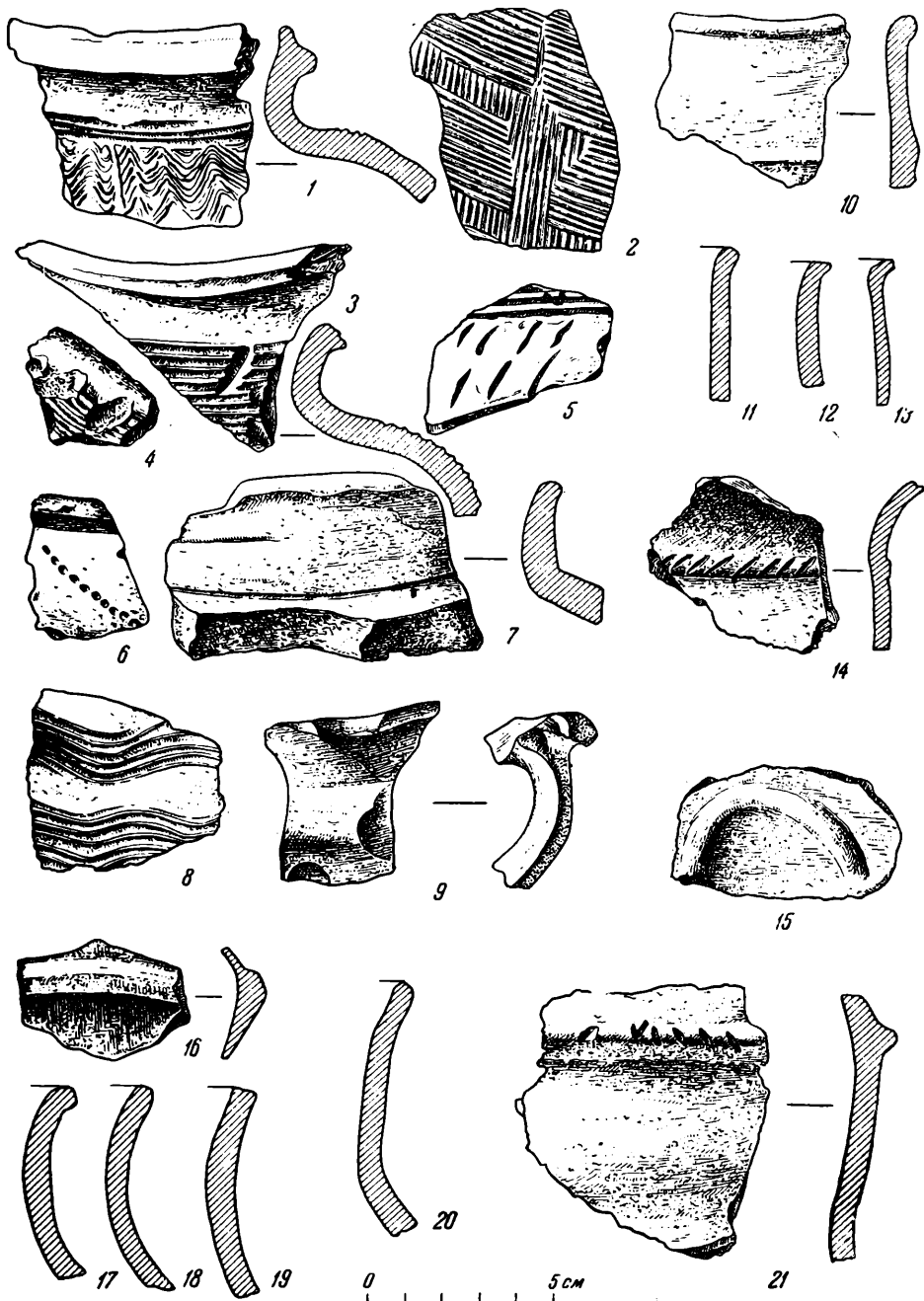

Рис. 37. Образцы керамики памятников Нижнего Подунавья.

1—9 — Владычье V; 10—21 — Владычье VIII

Большое количество обломков посуды принадлежит римскому времени: среди них фрагменты мисок и светлоглиняных узкогорлых амфор II—III вв. н. э.¹⁰

13. Котловина I (Ренийский район Одесской области). Поселение расположено на западной стороне балки, идущей параллельно берегу оз. Ялпук. Площадь его примерно 200×100 м. Культурный слой разрушен виноградниками. На поверхности найдены многочисленные обломки лепной сероглиняной керамики сабастиновского типа поздней бронзы (рис. 38 — 1—4).

Кроме того, встречены обломки римских амфор II—III вв. н. э.

14. Плавни V (Ренийский район Одесской области). Поселение находится в 3,5 км севернее одноименного села на западной стороне балки. Площадь его около 500×100 м. Поверхность распахана. Собрано большое количество обломков амфор II—III вв. н. э.

15. Плавни IV. Поселение расположено в 2,5 км севернее того села (у колхозного сада) на западной стороне балки. Керамика относится к различным эпохам. Найдены обломки лепной сероглиняной посуды поздней бронзы, фрагменты римских амфор II—III вв. н. э. и один черепок сосуда с лощеной поверхностью, вероятно всего, культуры гумельница.

На поселении у края неглубокого оврага была сделана зачистка. Культурный слой, слабо насыщенный обломками костей и керамики, достигал глубины 0,7 м.

16. Плавни III. Поселение расположено в 1 км севернее села на западной стороне балки. На месте его найдены обломки лепных сероглиняных сосудов скифского времени и римских амфор II—III вв. н. э.

17. Плавни II. Поселение расположено в 500 м севернее села на мысе (у пересечения ручья и шоссе). Площадь поселения — 600×300 м — распахана. На поверхности найдены обломки амфор римского времени, но большая часть керамики времени поздней бронзы. Много фрагментов сосудов баночной формы со слегка отогнутым наружу венчиком, под которым идет налепной валик (рис. 38 — 5—10). Поверхность некоторых сосудов лощеная.

На одном фрагменте видно, что валик передавал какую-то фигуру: концы его опущены вниз (рис. 38 — 11)¹¹. Венчик другого сосуда украшен отпечатками веревочки (рис. 38—12)¹². Поверхность третьего — шероховатая от сглаживания зубчатым штампом (рис. 38—13). Найден обломок ручки с выступом¹³. По своему облику керамика очень близка посуде Сабатиновского поселения.

18. Плавни I. Поселение находится у фермы севернее села на восточной стороне балки. На его поверхности собраны обломки лепной керамики скифского времени, и сероглиняных сосудов (рис. 38 — 14). Венчик одного из последних украшен вдавлениями пальца (рис. 38 — 15).

Найден один обломок лощеного кубка, возможно, культуры Гумельницы (рис. 38 — 16).

19. Этулия I (Вулканештский район МССР). В 2 км южнее одноименного села на восточном берегу оз. Кагул обнаружены обломки керамики эпохи поздней бронзы, фрагменты амфор IV—III вв. до н. э., в том числе куски ручки с фасосским клеймом IV в. до н. э. славянская керамика X—XI вв.

20. Вулканешты I. В 2—3 км северо-западнее одноименного села (райцентр МССР) на восточной стороне балки обнаружено поселение эпохи поздней бронзы, площадью 300×200 м. На поверхности собраны

¹⁰ И. Б. Зеест. Указ. соч., стр. 117, табл. XXXVII, 90.

¹¹ Подобные фрагменты встречаются на Сабатиновском поселении. О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 126.

¹² О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 124, рис. 28. 3.

¹³ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 129, рис. 29, 11—14.

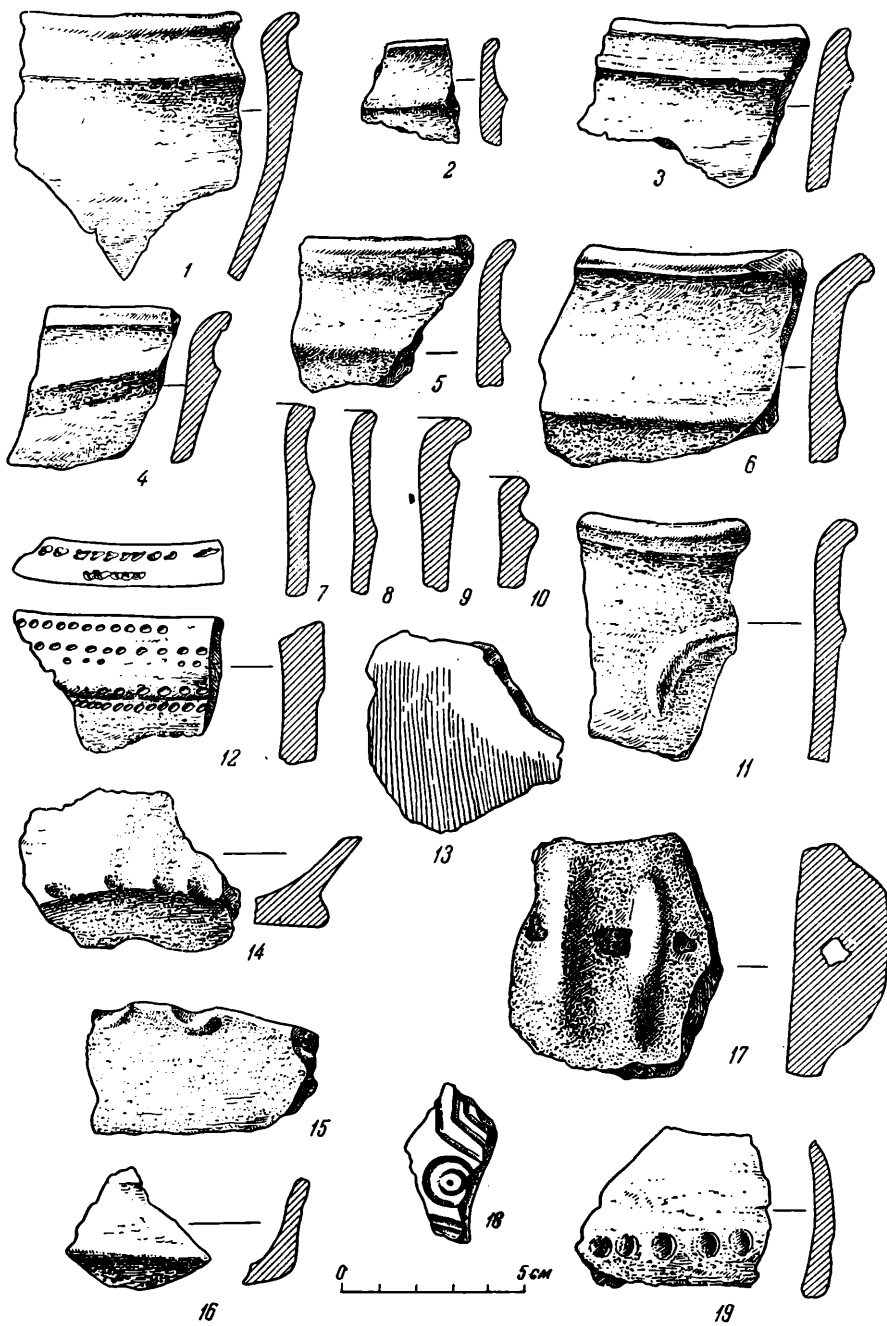

Рис. 38. Образцы керамики памятников Нижнего Подунавья.

1—4 — Котловина I; 5—13 — Плавни II; 14—16 — Плавни I; 17 — Орловка I; 18, 19 — Орловка II

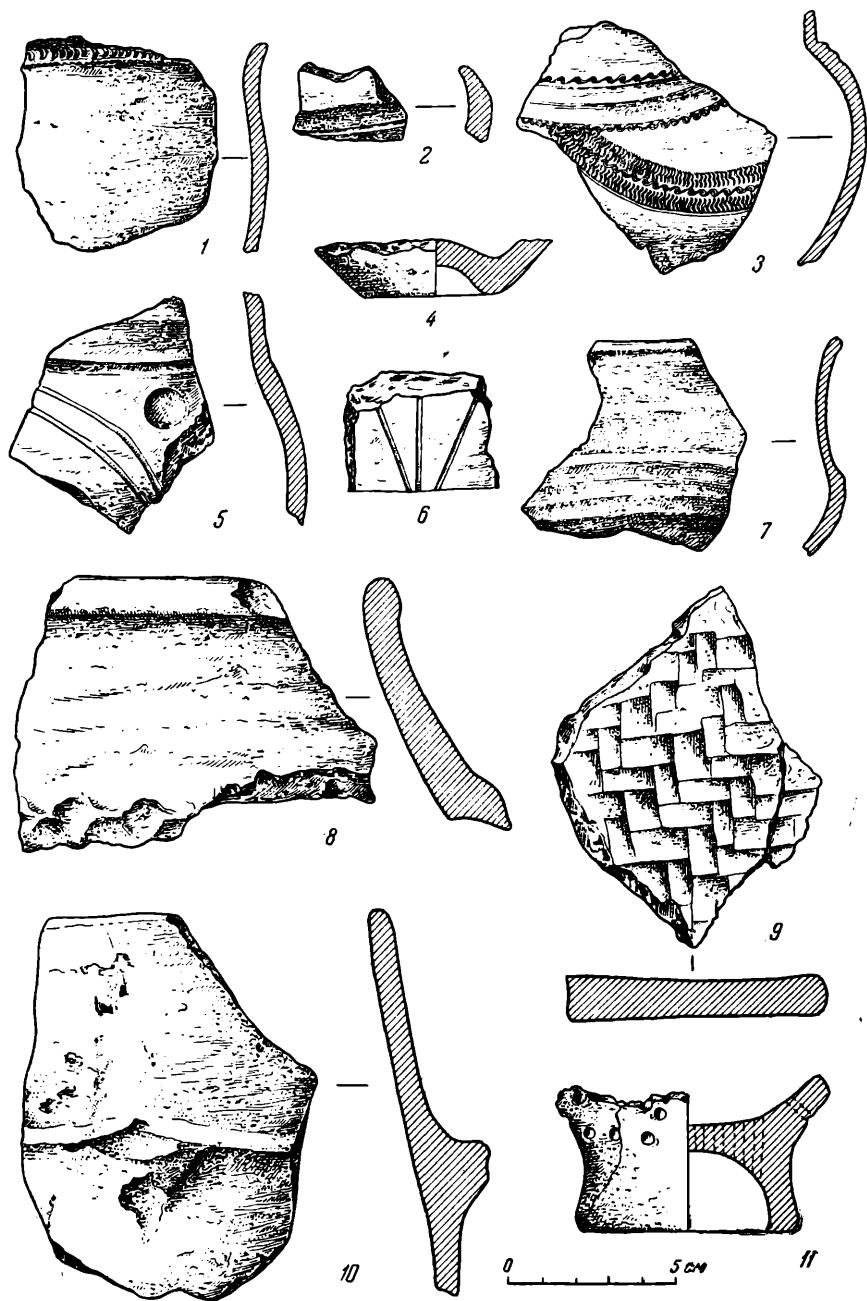

Рис. 39. Образцы керамики из памятников Нижнего Подунавья
1—3 — Орловка II; 4—11 — Вулканешты II

многочисленные фрагменты лепной керамики. Некоторые — украшены ва­лик­ом. Попадались сильно ошлакованные куски глиняной обмазки.

21. Вулканешты II. В 500—700 м севернее села на восточном по­ло­гом берегу р. Кагул («поливной огород», плотина) расположено поселение культуры гумельница. Оно находится на пологом склоне к реке (3—4 м над уровнем воды). Культурный слой нарушен распа­хиванием и устрой­ством оросительных канав. На поверхности большое количество керамики культуры гумельница (рис. 39—4—11) и кусков глиняной обмазки жи-

лиц, зернотерки, обломки каменных сверленных топоров, кремневые инструменты, кости животных. Судя по распространению находок, площадь поселения была около 500×75 м.

22. Вулканы III. Севернее села в 600—700 м найдены обломки керамики славянского времени, украшенные волнистым орнаментом. Площадь поселения около 700×200 м (распахивается).

23. Орловка I. В Ренийском районе Одесской области обследовано городище, называемое местным населением «Камьяна гора». С севера, востока и запада городище окружено болотом, а с юга отделено большим рвом, глубина которого в наше время более 10 м. По сторонам возвышающегося над местностью городища прослеживаются валы.

На площади северной части городища в настоящее время ведутся разработки камня. Культурный слой интенсивно разрушается земляными работами и взрывами для добычи камня. На площади городища много различных ям и траншей.

В карьере хорошо просматривается культурный слой. Толщина его в некоторых местах достигает 3 м. На краю карьера целые завалы черепицы, обломков римских амфор и лепной посуды. Среди импортной керамики — черепки краснолаковых чаш и тарелок I—II вв. н. э.¹⁴, обломки ножки и горла светлоглиняной амфоры I в. до н. э.¹⁵, горла и ручки красноглиняной амфоры II—III вв. н. э., типа мирмекийской¹⁶. Найдены обломки сероглиняной лощеной керамики (с горизонтально отогнутым венчиком). Лепная посуда представлена обломками гетских сосудов с ручками-упорами, налепным валиком с вдавлениями пальца, фрагментами сосудов степных скифских форм, с вдавлениями по краю венчика. Есть обломки чернолощенных и светлолощенных лепных сосудов: мисок со слегка загнутыми внутрь краями, широких ручек с рифлением, двойных ручек (рис. 38—17) и пр. Определить точную начальную и конечную дату существования городища не возможно до проведения раскопок. Памятник был известен еще в XIX в.¹⁷. На нем обнаружены плиты с римскими надписями и рельеф с изображением Дианы¹⁸.

24. Орловка II. Восточнее городища обнаружено поселение. На его территории собраны фрагменты керамики поздней бронзы, украшенной вдавливаниями пальца (рис. 38—19) и резным орнаментом (рис. 38—18). Здесь же найдены фрагменты керамики культуры Гумельницы. Один из них принадлежит тонкостенному лощеному кубку со следами белой краски (рис. 39—2), другой — стенке лощеного сосуда с орнаментом, нанесенным вдавливанием конца тростника (рис. 39—3).

Таким образом, в результате археологической разведки 1962 г. обнаружены и обследованы новые памятники в районе нижнего Подунавья. Среди них: 5 поселений энеолитической культуры гумельница, 11 поселений поздней бронзы, 6 — скифского времени, 13 — начала I тысячелетия н. э. и 8 — славянских. Дальнейшие работы в Нижнем Подунавье, очевидно, не только умножат количество памятников указанных периодов, но и дадут возможность обнаружить памятники времени мезолита, неолита и ранней бронзы все еще неизвестные в этом районе.

¹⁴ Л. Ф. Сидантьева. Краснолаковая керамика из раскопок Иллурата. МИА, № 85, 1958, стр. 285, рис. 1, 1—3, рис. 2, 1, 2, стр. 291, рис. 6, 3; Т. Н. Книпович. Краснолаковая керамика первых веков нашей эры из раскопок Боспорской экспедиции 1935—1940 г. МИА № 25, 1952, стр. 297.

¹⁵ И. Б. Зеест. Указ. соч., стр. 110, табл. XXVIII, 64.

¹⁶ И. Б. Зеест. Указ. соч., стр. 111, табл. XXX, 72.

¹⁷ Н. Мурзакевич. Открытие древностей близ селения Картал. ЗООИД. т. I, Одесса, 1844, стр. 627—628; А. С. Уваров. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря. СПб, 1856, вып. II, стр. 183—184; Заулинов. Краткий исторический обзор Бессарабии. сб. «Бессарабия», М., 1903, стр. 125.

¹⁸ Плиты с надписями и рельеф хранятся в фондах Одесского государственного археологического музея. Кроме того, в архиве музея хранятся чертежи древних зданий, обнаруженных в Картале.

Ф. Д. ГУРЕВИЧ

ДОМ БОЯРИНА XII в.
В ДРЕВНЕРУССКОМ НОВОГРУДКЕ

Большие и богатые дома, остатки которых обнаружены в околном городе Новогрудка, частично нами уже охарактеризованы в статье, посвященной новогрудским жилищам¹. Мы остановимся здесь на некоторых новых особенностях жилищ этого типа.

В 1960—1961 гг. при исследовании северо-восточной части площадки околного города, примыкающей к его валу, были открыты остатки трех лежащих друг под другом жилищ, относящихся к XII—XIII вв.² Особо интересно нижнее (постройка 12), которое находилось на глубине 2,6—3,0 м. После гибели эта постройка была выравнена и засыпана слоем песка 0,2—0,3 м толщины. Остатки ее сохранились в виде развала необожженной или частично обожженной глины, обломков кирпича (шириной 21 см и толщиной 4,5 см) и некоторого количества горелого дерева. Квадратная в плане, эта постройка, занимавшая 74 кв. м, подобно остальным жилым сооружениям была ориентирована по странам света. От восточной и северной ее стены уцелели остатки горелого дерева (рис. 40). Параллельно западной и восточной стенам лежала горелая плаха, которая, возможно, имела отношение к внутреннему членению постройки. Подобное деление большого дома на две части хорошо прослеживалось в постройке 6 (раскопки 1959 г.)³.

Печь стояла в северо-восточном углу дома. Ее южная граница определялась негорелой плахой. К западу развал простирался на 5 м, а с северной и восточной сторон выходил за пределы постройки. От печи сохранился глиняный свод, часть пода из кирпичей размером 27 × 21 × 4,5 см, а также обломки кирпича и в том числе два трапециевидных, составлявших, по-видимому, обрамление устья. Близ печи лежало также несколько штук кирпича-сырца. По своему устройству печь напоминает хорошо сохранившуюся печь дома 5 (раскопки 1958—1959 гг.)⁴, с той лишь разницей, что в конструкции последней были камни. В печи постройки 12 камней не было.

Пол постройки 12 (или часть этого пола) лежал на слое необожженной глины. От него в центре жилища сохранилось всего четыре тесины шириной 20 см, ориентированные с севера на юг. Остальная часть пола дошла до нас в виде горелого слоя (рис. 40). При расчистке его открыто довольно много ям. Широкая, но неглубокая яма (16 см глубины и 50 см в диаметре) обнаружена в центре постройки. В заполнении ее лежали угли и зола,

¹ Ф. Д. Гуревич. О жилищах околного города древнего Новогрудка. КСИА, вып. 87, 1962, стр. 70—77.

² Ф. Д. Гуревич. Раскопки в околном городе Новогрудка в 1960—1961 гг. КСИА, вып. 96, 1963.

³ Ф. Д. Гуревич. О жилищах околного города..., стр. 70.

⁴ Там же.

а по краям сохранились остатки дерева. Остальные ямы, глубина которых достигала 0,4 м, а диаметр — 0,25 вырыты преимущественно в юго-западной части постройки. На полу, а также в строительном развале найдено много кованых гвоздей, длина которых достигала 10 см.

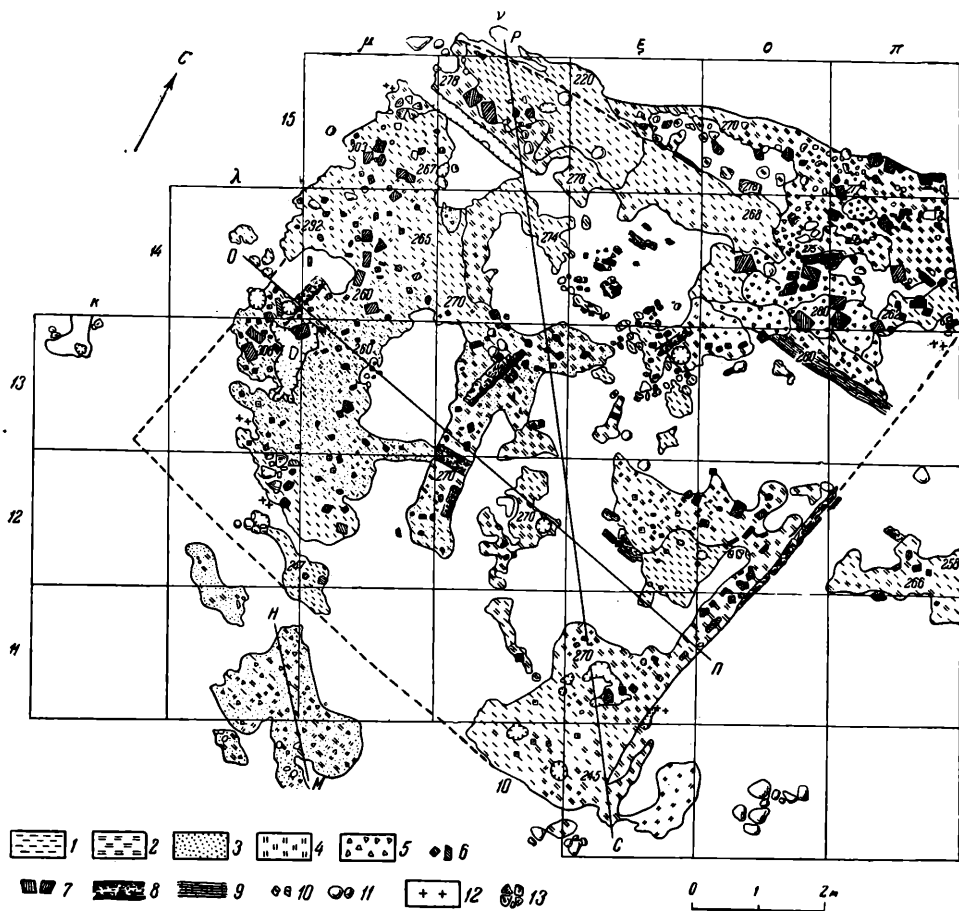

Рис. 40. Постройка № 12. План

1 — необожженная глина; 2 — обожженная глина; 3 — песок; 4 — угли; 5 — зола; 6 — кирпичи; 7 — необожженные кирпичи; 8 — горелое дерево; 9 — негорелое дерево; 10 — куски фресок; 11 — камни; 12 — оконное стекло; 13 — амфора

Вблизи углов дома найдены куски оконного стекла, изготовленного с примесью свинца и калия⁵. Бортики их различной ширины, что дает основание предположить, что оконницы состояли из нескольких стекол. Обломки округлого оконного стекла, диаметром до 0,2 м, хорошо известны по раскопкам новгородских жилищ в прошлые годы⁶.

Замечательная особенность постройки 12 — то, что на полу и в строительном развале найдено огромное количество известковой штукатурки. Больше всего ее было вблизи южной стены и в южной части дома (в остальных частях значительно меньше). Куски штукатурки были толщиной от 5 до 8 см. Внутренняя сторона их чаще всего заглажена, хотя найдено немало кусков, внутренняя часть которых была неровной. Встречаются куски

⁵ По данным спектрального анализа лаборатории археологической технологии ЛОИА.

⁶ Ф. Д. Гуревич. О жилищах окольного города..., стр. 73.

с угловым выступом и закруглениями. Большая часть штукатурки покрыта фресковой росписью. Роспись нанесена черной, белой, красной, зеленой, голубой, коричневой, желтой и серой красками, причем красная и зеленая представлены несколькими тонами. Краски минерального происхождения. Для черной использовалась сажа, для белой — мел; красный и желтый цвета наносились охрой, природной минеральной краской, содержащей окислы железа, а зелень добывалась из «зеленой земли», так называется природный минерал, содержащий гидросиликаты железа⁷. В росписи преобладает

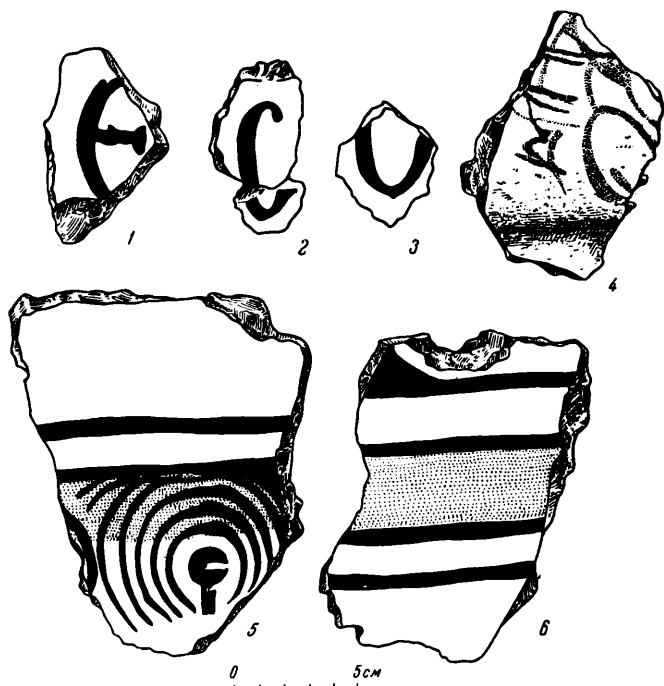

Рис. 41. Фрески из постройки 12.

1—3 — древнерусские буквы; 4—6 — геометрический и стилизованный растительный орнамент

геометрический и стилизованный растительный орнамент. Чаще всего встречается изображение стилизованного аканфа, черной краской по белой, красной или зеленой полосе (рис. 41—5). Иногда аканф, окаймленный белыми и черными полосами, служит бордюром, росписи нанесенной сплошным алым цветом. Обычный мотив — чередование черных, белых и красных полос (рис. 41—6). Среди штукатурки с такой росписью, найдены куски с угловым выступом. Упомянем роспись в виде полосы, покрытой бледно-зеленой краской, на которой сохранился стилизованный растительный орнамент красного и коричневого тонов (рис. 41—4). Довольно редко встречаются куски с желтой и коричневой росписью.

На одном из кусков штукатурки размером 14 × 12 см сохранилось изображение мужской головы в профиль: безбородое лицо с крупным прямым носом и слабо выраженным подбородком, можно рассмотреть глаз, часть брови и вьющиеся темные волосы. На лоб мужчины низко надвинута шапка, на сферической тулье которой сохранились остатки голубой краски. Шапка окаймлена валиком коричневого цвета. Под головой чело-

⁷ Анализ красок любезно произведен И. Л. Ногид (зав. химической лабораторией Гос. Эрмитажа).

века помещена ромбическая фигура, окрашенная в белый и темно-красный цвета.

Среди расписной штукатурки найдено некоторое количество кусков с изображениями древнерусских букв. Более крупные буквы достигают 5 см, мелкие — 3 см. Они нанесены черным цветом. Наиболее отчетливо читаются крупные С, О и Е. Среди остальных букв, от которых сохранились лишь отдельные линии, можно, предположительно, выделить буквы Н, К, Л и возможно Ъ или Ь. Из числа мелких букв читается лишь буква Е, написанная в той же манере, что и соответствующая буква крупного размера (рис. 41—1—3).

На полу и в культурном слое жилищ найдено много вещей. Большая часть их обнаружена вблизи стен. В постройке 12 встречены керамика, бытовая утварь, оружие, предметы убора и украшения. Вещей, относящихся к орудиям труда, здесь почти не было. Вблизи углов дома найдены раздавленные амфоры. Всего здесь было не менее шести амфор. Это большие сосуды с рифленным туловом и приподнятыми над горлом ручками. На некоторых из них процарапаны знаки в виде пятиугольных звезд. Амфоры этого типа уже встречались в Новогрудке; они датируются XII—XIII вв.⁸ Остальная керамика представлена типичными древнерусскими горшками XI—XII вв. Среди бытовых изделий отметим обычные древнерусские ножи, замки, ключи и другие вещи XI—XII вв. Есть находки, относящиеся к отделке одежды обитателей постройки. Бронзовые бляшки, пуговицы, бубенчики и прямоугольные железные пластинки с отверстиями по углам. Упомянем также разнообразные украшения: стеклянные браслеты и перстни, бронзовый перстень с широким щитком и др. К оружию относится бронзовое перекрестье меча. Аналогичное найдено в могильнике около бывшего города Пассельн (Латвия) и датируется XII вв.⁹ Кроме того, здесь же встречен наконечник копья с втулкой, украшенной резьбой, наконечники стрел и шпоры. Оружие это можно датировать XI—XII вв.¹⁰

Как и в других больших и богатых домах окольного города, в постройке 12 найдены многочисленные обломки стеклянных сосудов. Часть их несомненно русского происхождения, изготовленная из стекла с примесью свинца и калия; это округлые ножки от бокалов, хорошо известных по находкам в других древнерусских городах¹¹. Немало обломков импортной посуды, в состав стекла которой входили натрий и кальций. Весьма интересны остатки тонкого голубого рифленого бокала высотой 8 см, в верхней части которого были напаяны белые нити. В числе заводных изделий отметим обломки фаянсовой тарелки со светло-коричневой люстровой росписью. Родиной тарелок этого рода считается Иран¹². Чрезвычайно любопытен обломок фаянсового блюда, на дне которого рельефно изображена лапа хищной птицы.

В заключение далеко неполного перечня находок из постройки 12 кратко остановимся на описании трех уникальных вещей. Вблизи печи обнаружен золотой перстень с камнем, напоминающим гранат. Шинка перстня разделена на двадцать частей, в каждой из них выгравирована латинская буква. Аналогию этой вещи можно найти в собрании средневековых перстней Британского музея. Среди них встречаются перстни с выгравированными на гранях словами молитв или изречений¹³. На полу лежала фигурка собачки из стекла (в составе которого были натрий и кальций). Фигурка

⁸ М. В. Малевская. Амфора с надписью из Новогрудка. СА, 1962, № 4, стр. 239.

⁹ В. И. Сизов. Предварительный отчет о поездке с археологической целью в Курляндскую губернию летом 1895 г. М., 1895, стр. 6, рис. 5.

¹⁰ Определение А. Н. Кирпичникова.

¹¹ М. К. Каргер. Древний Киев. т. I, Л., 1958, стр. 409.

¹² A. U. Pope. A survey of persian art. London and N. Y. 1938, т. V, табл. 607, 623.

¹³ M. A. Dalton. Franks bequest catalogue of the finger rings. London, 1912, стр. 135, №№ 863, 889, 890.

служила крышкой сосуда¹⁴. Аналогии ей неизвестны. Третья находка — уховертка из оленьего рога. Верхняя часть ее изображала музыканта с вертикально стоящим струнным инструментом¹⁵.

Стратиграфически, а также на основании найденного материала постройка может быть отнесена к первой половине XII в.

Это было большое наземное, по-видимому, срубное сооружение, среди строительных остатков которого большую роль играла глина, иногда с включением кирпича. Некоторые деревянные части крепились с помощью гвоздей. Как и в других больших домах околного города, в постройке 12 были стеклянные окна.

Площадь постройки, вероятно, была разделена на две неравные части, как это можно более четко проследить на примере дома 6, исследованного в 1959 г.¹⁶ В углу большей, восточной части дома стояла глинобитная печь с кирпичным подом. Устье печи было, видимо, окаймлено обычным и лекальным кирпичем. Печи, сложенные из кирпича и глины, отепляли даже дворец великого князя. В былинах о Дюке Степановиче последний говорит князю Владимиру: «Печки у тебя биты глиняны, а подики кирпичные»¹⁷. Дым от этих печей выходил из особых труб «дымолок»¹⁸. В утепленной части помещения стоял деревянный столб 0,5 м в диаметре. Возможно, он поддерживал перекрытие потолка. Вход в дом мог быть с юга или с запада.

Стены были оштукатурены и покрыты фресковой росписью. До сих пор фресковая роспись была известна по церковной архитектуре. Остатки фресок найдены также среди развалин киевского дворца. Возможно, что роспись покрывала стены богатых киевских жилищ, открытых В. В. Хвойко. Здесь были найдены куски штукатурки, покрытой красной краской¹⁹.

Находки из постройки 12 представили бесспорные археологические данные, о том, что наряду с церковными и дворцовыми зданиями стены гражданских богатых древнерусских построек также были оштукатурены и покрыты фресковой росписью. Наиболее распространенный орнаментальный мотив фресок — стилизованный аканф — часто встречается на росписи древнерусских церквей. Подобный орнамент обрамляет фигуры святых в Георгиевском соборе Старой Ладogi (XII в.), он известен в Успенском соборе во Владимире (1158—1160 гг.), а также в русской церкви на Готланде, относящейся к XII в.²⁰ Роспись в виде стилизованного растительного орнамента встречена на фресках церкви XII в. в Новогрудке, открытой М. К. Каргером в 1961—1962 гг.²¹.

Особо интересен кусок фрески с изображением человеческой головы. Не представляет сомнения, что голову его покрывает характерная княжеская шапка. А. В. Арциховский, на основании изучения миниатюр кенигсбергской летописи приходит к выводу о том, что мягкая сферическая шапка с меховым околышем была атрибутом русских князей. Никто, кроме князя, таких шапок не носил²². Тулья шапки на фреске из постройки 12 была по-

¹⁴ Ф. Д. Гуревич. Раскопки в околном городе Новогрудка.

¹⁵ Там же. Этой находке посвящена и заметка автора настоящей работы «Некоторые новые данные о музыкальной культуре Древней Руси».

¹⁶ Ф. Д. Гуревич. О жилищах околного города, стр. 70.

¹⁷ П. В. Киреевский. Песни. М., 1860, стр. 104.

¹⁸ С. К. Шамбинаго. Древнерусское жилище по былинам. «Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера», М., 1900, стр. 141.

¹⁹ В. В. Хвойко. Древние обитатели Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913, стр. 86; Г. Ф. Корзухина. Новые данные о раскопках В. В. Хвойко на усадьбе Петровского в Киеве. СА, XXV, 1956, табл. XXIV—XXVI; Т. И. Арне. Русско-византийская живопись в готландской церкви. «Известия комитета изучения древнерусской живописи». Пг., 1921, стр. 6, табл. V. Сведения о фресках Успенского собора любезно сообщены Н. Н. Ворониным, М. К. Каргером и Г. Ф. Корзухиной.

²⁰ Н. Е. Бранденбург. Старая Ладога. СПб, 1896, табл. XXIV—XXVI; Т. И. Арне. Русско-византийская живопись в готландской церкви. «Известия комитета изучения древнерусской живописи». Пг., 1921, стр. 6, табл. V. Сведения о фресках Успенского собора любезно сообщены Н. Н. Ворониным, М. К. Каргером и Г. Ф. Корзухиной.

²¹ Фрески хранятся в ЛОИА.

²² А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, стр. 28.

крыта голубой краской. Небезынтересно в связи с этим отметить, что на голове князя Ярослава — строителя Спасо-Нередицкой церкви изображена шапка с голубым верхом²³. Человек на фреске изображен безбородым. Очевидно, надпись, от которой сохранились отдельные буквы, поясняла какой именно князь изображен на данной фреске. Обычно безбородыми изображались юные князья Борис и Глеб²⁴. Не исключено, что в изображении на фреске из постройки 12 можно видеть портрет одного из этих князей. Ведь древний храм, открытый в Новогрудке, был посвящен этим канонизированным князьям. Современный собор, который построен в начале XVI в. на месте древней церкви, тоже именовался собором Бориса и Глеба. По-видимому, культ этих святых в Понеманье был весьма распространен. Напомним, что и крупнейший древнерусский архитектурный памятник этой территории — Коложская церковь конца XII в. в Гродно, тоже воздвигнута в честь Бориса и Глеба²⁵.

Расписные стены богатых древнерусских жилищ, известных под названием «повалуш», упоминаются в «Слове о богатом и убогом» в XII в. «Ты же жи в домоу повалоуше испьсав, а убоги не имать кде главы поклонити»²⁶. До сих пор все исследователи считали повалушу неотопливаемым помещением²⁷. Вероятно, это заключение основано на данных о повалушах более позднего времени, которые действительно были не только холодными, но и нередко служили складскими помещениями²⁸. Что же касается древнерусского жилища с расписными стенами в Новогрудке, то в нем вполне правомерно усматривать повалушу, упомянутую в «Слове о богатом и убогом».

Расположение постройки 12, ее расписные стены, а также некоторые обнаруженные в ней уникальные находки, выделяют ее среди других богатых построек города. Она должна была принадлежать человеку, занимавшему главенствующее положение в околном городе древнего Новогрудка. Таким человеком мог быть кто-либо из бояр. Можно предположить, что дом боярина не был одноэтажным. Археологических данных об этом, к сожалению, не сохранилось, так как после гибели дома, территория на которой он стоял была тщательно выравнена и засыпана песком. Однако местоположение боярского дома на краю возвышенности околного города было рассчитано на то, чтобы этот дом, который, надо полагать, выделялся среди остальных и своим внешним убранством, был виден издали. Поэтому трудно себе представить, чтобы такое сооружение было одноэтажным.

Открытый раскопками дом древнерусского боярина XII в. обогащает наши представления о культуре домонгольской Руси и дает новое подтверждение подлинности письменных известий и данных древнейших былин о редкостной красоте древнерусских богатых жилищ.

²³ Н. П. Кондаков. Изображение русской княжеской семьи в миниатюрах XI в. СПб., 1906, стр. 43.

²⁴ И. И. Толстой, Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. 5, СПб., 1897, стр. 101—102.

²⁵ Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. МИА, № 41, 1954, стр. 139.

²⁶ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II, СПб., 1902, стр. 994.

²⁷ И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI—XVII ст. ч. I. М., 1872, стр. 29; В. Ф. Ржигала. Очерки по истории быта домонгольской Руси. Труды ГИМ, 1929, вып. 5, стр. 46.

²⁸ И. И. Срезневский. Указ. соч., стр. 994.

Р. Л. РОЗЕНФЕЛЬДТ

ЗАХРЯПИНСКИЕ КУРГАНЫ XII—XIII вв.
НА РЕКЕ РУЗЕ

Летом 1962 г. Рузским отрядом Московской экспедиции ИА АН СССР, работавшей под руководством А. Ф. Дубынина, исследовалась курганная группа, расположенная в 500 м к юго-востоку от с. Захряпино бывшего Рузского района Московской области. Она находилась на вершине высокого с пологими склонами останца левого берега р. Рузы в 500 м от ее русла. Первоначально в группе было 25 курганов. Пять курганов раскопано в начале нашего века И. И. Ильиным, несколько курганов разрушилось в последующее время. К началу наших раскопок оставалось 16 курганов, из которых один вскрыт нами в 1957 г. и 10 в 1962 г.¹ Высота насыпей колебалась от 0,2 до 1,5 м, но большинство достигало высоты около 1 м. Вокруг наиболее крупных курганов, размещавшихся на вершине останца, хорошо прослеживались ровики и перемычки, а у курганов менее крупных, у начала склона (6—10, 14, 16), отмечались ямы — одна на несколько курганов, из которых брался грунт для сооружения насыпей. Благодаря этому в юго-восточной части группы курганы располагаются кучками, каждая из которых, по нашему мнению, могла быть насыпана над погребенными, происходящими из одной семьи.

Обряд захоронения во всех исследованных курганах — труположение на спине, головой на запад, с руками, сложенными на животе или вытянутыми вдоль тела. Только в двух случаях отмечается отклонение в ориентации погребений на север, что, по нашему мнению, связано с рельефом местности, с уклоном в западном направлении. Почти все погребения (кроме одного, находящегося на уровне горизонта и разрушенного) размещались в ямах под центральной частью насыпи, глубина ям колебалась от 0,2 до 0,7 м. В каждом кургане содержалось по одному погребению, лишь в кургане № 9 были два захоронения, женское и мужское, причем второе было вводным, расположенным выше и нарушившим северный контур могильной ямы основного погребения.

Судя по антропологическим данным и сопровождающему инвентарю, за два года раскопок вскрыто шесть мужских и шесть женских погребений. Из мужских только два сопровождалось инвентарем. При одном (курган № 10) была железная пряжка с полукруглой обоймой и медным языком (рис. 42—9), а при другом — шесть бронзовых шаровидных пуговиц с ушками, найденных на груди (рис. 42—5). В женских погребениях было больше вещей, среди которых наиболее интересны височные кольца. Они встретились в пяти погребениях; в трех найдены вятические височные семилопастные кольца (курганы № 3, 4, 5), а в одном (курган № 9) — кривич-

¹ Р. Л. Розенфельдт. Разведки в Московской области. КСИИМК, вып. 79, 1960, стр. 57—63.

ское большое проволочное кольцо с завязанными концами. Вятические височные кольца были представлены в двух погребениях двумя экземплярами и в одном — четырьмя. Все они относятся к сравнительно поздней разновидности украшений этого типа и с уверенностью могут быть датированы XII—XIII вв. Среди них особо интересны два: одно с орнаментом на щитке (рис. 42—6) и другое с орнаментом на лопастях (рис. 42—1).

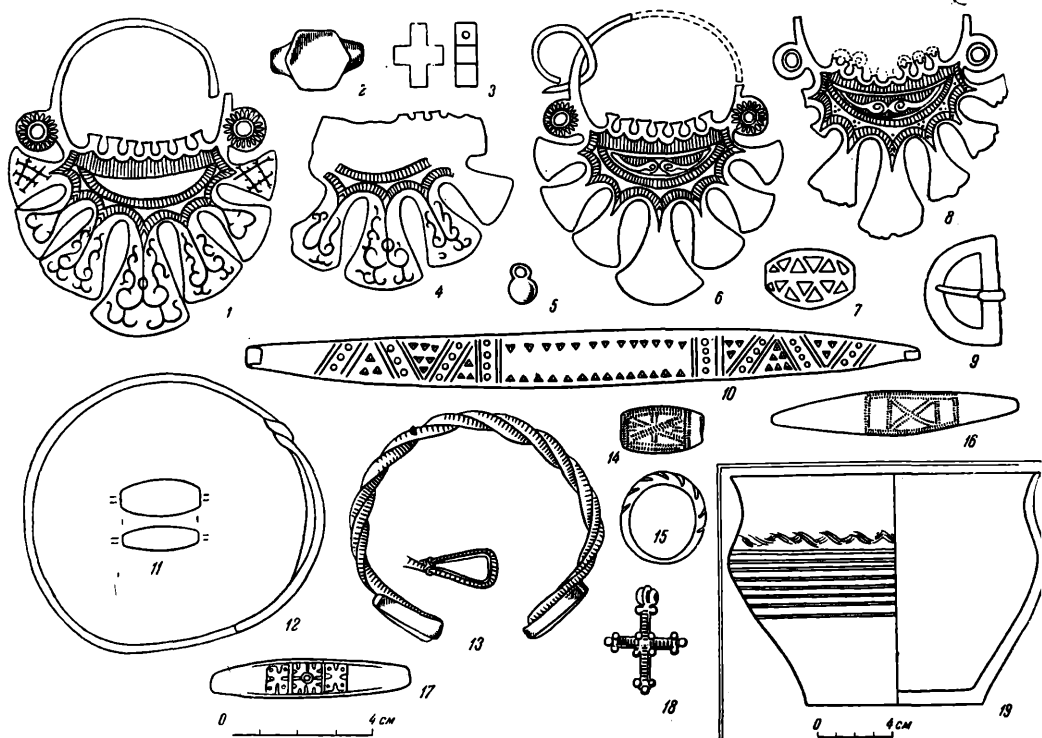

Рис. 42. Находки в курганах

1, 4, 6, 8 — вятические височные кольца; 2, 7, 14, 16, 17 — персти и их щитки; 3 — каменный крестик; 5 — бронзовая пуговица; 9 — поясная пряжка; 10 — пластинчатый браслет; 11 — янтарная бусина; 12 — кричичское кольцо; 13 — браслет со вставками на концах; 15 — билонное рубчатое кольцо; 18 — бронзовый крестик; 19 — горшок с линейным и волнистым орнаментом

Из Захряпинских курганов: 2, 3, 18 — из кургана № 3; 1, 11, 13, 14 — из кургана № 4; 6, 7 — из кургана № 5; 5 — из кургана № 6; 10, 12, 15, 17, 19 — из кургана № 9; 9 — из кургана № 10; 4 — из курганной группы у с. Никольское; 8 — из курганной группы у с. Зюзино

Височные кольца с орнаментом на щитке, отмеченные еще В. И. Сизовым, распространены на широкой территории и известны из курганной группы на р. Сетуни, из группы у с. Зюзино (рис. 42—8), из курганов у биостанции МГУ и из курганов в бывшем Верейском уезде (близ имения Люсвино), из раскопок Живаго на р. Москве, из курганной группы Царицыно и Дубки. Узор на щитке — парный завиток растительного орнамента — был сопоставлен В. И. Сизовым с арабским орнаментом и послужил одним из доказательств в обоснование его гипотезы о восточном происхождении украшений этого типа². Ныне установлено, что на ранних образцах вятических височных колец он никогда не встречается и потому гипотеза В. И. Сизова представляется автору безосновательной тем более, что такого вида орнамент весьма характерен для русского изобразительного искусства XII—XIII вв. Другое височное кольцо — с орнаментом на лопастях,

² В. И. Сизов. О происхождении и характере курганной височных колец и преимущественно так называемого Московского типа. Археологические известия и заметки, № 6. М., 1895, стр. 177—188.

состоящим из симметрично прочерченных завитков, сердечек и косой решетки (рис. 42—1). Подобное кольцо и с таким же орнаментом встретилось в курганной группе у с. Никольское на р. Клязьме при раскопках 1924 г. (рис. 42—4). Этот орнамент, как и первый, характерен преимущественно для украшений северо-восточных вятичей. Дата височных колец с орнаментом на лопастях — XIII в.

Нахождение в одной курганной группе погребений с различными типами височных колец свидетельствует о смешанности населения в этом районе, о пограничном характере его: здесь проходит северо-восточная граница распространения племени вятичей, которые жили не только по р. Москве, но и по ее северным притокам, таким как Руза и Озерна. Самые верховья этих рек, судя по материалам раскопок К. Я. Виноградова, были преимущественно кривическими.

Что касается остального инвентаря при женских погребениях вятичек и кривичек, то он сравнительно однороден. Особенно много было решетчатых перстней (рис. 42—7). В кургане № 3 на погребенной были три решетчатых перстня: один фигурный прорезной и один с шестигранным плоским щитком (рис. 42—2). В кургане № 9 — три перстня: два рубчатых билоновых (рис. 42—15) и один пластинчатый (рис. 42—17). Бусы одинаковые как в вятических, так и в кривичских погребениях — стеклянные бесцветные, синего стекла, хрустальные шаровидные, сердоликовые бипирамидальные и, наконец, янтарные рыбовидные (рис. 42—11). В ожерелье вместе со стеклянными бусами встретились три металлических крестика (рис. 42—18) и один каменный корсунского типа (рис. 42—3). В том же кургане № 3 была и единственная гривна. Она билоновая полужгутовая, загнута-конечная. Особенно часто встречались и провололочные плетеные браслеты (тройные 2×3 , 2×4 и кольчужные). В некоторых погребениях их по три. Дважды встретились и браслеты из перевитого дрота, обмотанного сверху проволокой, с треугольными пастовыми вставками на концах в металлических обоймах (рис. 42—13). Наконец, в ногах одной погребенной встретилось бронзовое кольцо для закрепления щурка онучи, что говорит за то, что покойница была захоронена в лаптях. Интересны и найденные пластинчатые перстни и браслеты с орнаментом (рис. 42—10, 14, 16, 17).

Все погребенные, несомненно, лежали в долбленых гробах, от которых сохранился в одних случаях тлен в виде темных пятен и, реже, куски дерева, пропитанные металлическими окислами. Гробы были, по-видимому, дубовые. Из органических веществ сохранились пропитанные окислами остатки льняной ткани прямого переплетения.

Курганная группа интересна и тем, что в захоронениях здесь нет целых сосудов. Фрагменты славянских круговых горшков встретились лишь в засыпке могильных ям и в насыпи. Один горшок из парного кривичского погребения в кургане № 9 восстанавливается целиком (рис. 42—19). Это низкий пропорций сосуд с линейным и волнистым орнаментом, типичным для керамики курганных могильников XII—XIII вв.

Исследованная курганная группа — интересный погребальный комплекс вятическо-кривичского пограничья XII—XIII вв., один из немногих сохранившихся по течению р. Рузы, уцелевших от массовых раскопок конца прошлого столетия, материал из которых ныне безвозвратно утерян. Находки из Захряпинской курганной группы интереснейшим образом перекликаются с вещами, найденными в славянском слое Неждинского городища, расположенного на р. Рузе в 15 км к северу от курганов, вверх по течению реки. В культурном слое городища, исследованного Московской экспедицией в 1961 г., наряду со стеклянными браслетами и шиферными пряслицами, найдены и хрустальные шаровидные бусы, и провололочные плетеные браслеты. Слой этого городища датируется тем же временем, что и Захряпинские курганы.

Ю. П. СПЕГАЛЬСКИЙ

ПСКОВСКИЕ ЧАСОВНИ-УСЫПАЛЬНИЦЫ

К числу памятников псковской старины, незаслуженно обойденных исследователями, относятся остатки двух кладбищенских часовен-усыпальниц: на Мироносицком кладбище и у южной боковой абсиды церкви Николы на Усохе. Первый памятник давно известен любителям древностей Пскова, но тем не менее ему было уделено крайне мало внимания¹. Существование второго было установлено в 1945 г. автором. Эта часовня в то время входила в объем гораздо более обширного строения, возведенного в конце XVIII в. при перестройке церкви². В 1946 г. позднее строение было снесено, а старая часовня (точнее — ее верхняя часть) сохранена, частично реставрирована и открыта для обозрения.

Как можно видеть из обмера, выполненного в 1946 г. (рис. 43—1, 3), часовня Мироносицкого кладбища это — очень небольшая каменная постройка. Во время обмера она была покрыта четырехскатной крышей³. Проведенное тогда же обследование показало, что находящаяся теперь над поверхностью земли часть часовни — ее второй этаж, а нижний — погребальный склеп, перекрытый каменным сводом. Склеп при обследовании не был расчищен. Открыта верхняя часть его двери (рис. 43 — 1). Очевидно, пол часовни и порог входа в нее первоначально возвышались над уровнем земли не менее чем на 1,5—2 м. Расчистка верхнего слоя почвы у входа позволила обнаружить остатки каменных стен какой-то, уничтоженной позднее, первоначальной части сооружения, более широкой, чем сама часовня. По-видимому, это было крыльцо.

Под крышей часовни при обследовании обнаружена нижняя часть четырехгранного каменного шатра (рис. 43 — 1, 3). Поверхность его кладки, оставленная без тщательной отделки, не носила никаких следов воздействия воды, из чего следует, что каменный шатер был первоначально прикрыт

¹ Единственное упоминание о нем в литературе по Пскову принадлежит Н. Ф. Окулич-Казарину. Вот оно полностью: «У юго-западного угла церкви обращает на себя внимание низенькая (2½ арш.), сложенная из плиты, часовенка на двух толстых низких столбах. По одним сведениям под нею погребен какой-то митрополит, а по другим — в ней спасался некий подвижник». Н. Ф. Окулич-Казарин. Спутник по древнему Пскову. Псков, 1911, стр. 256.

² А. Князев считал именно часовню XVIII в. древней, причем более древней, чем сама церковь Николы на Усохе. Части старинной часовни, вошедшие в состав новой, были тогда скрыты и неразличимы и потому не было возможности догадаться о их существовании и тем более о первоначальном виде старинной часовни. Возможно, что А. Князев основывал свое мнение отчасти на наличии внутри часовни старинного изображения Николы, написанного фреской в нише на наружной поверхности абсиды церкви, отчасти на «предании», созданном причтом этой церкви. А. Князев. Указатель достопамятностей города Пскова. М., 1858, стр. 17. И. И. Василев дословно повторил это утверждение А. Князева. И. И. Василев. Историко-статистический очерк города Пскова. Псков, 1878, стр. 66.

³ В 1957 г. псковская реставрационная мастерская сделала над ней шатровое покрытие с главкой над ним, по проекту Б. С. Скобельцина.

кровлей⁴. Но в таком случае сооружение его было бы бессмысленно, если бы он не нес главки с каменным барабаном. Из изложенного видно, что современный вид этого памятника существенно отличается от первоначального. Здесь приводится примерная реконструкция его внешнего вида (рис. 43—4—6).

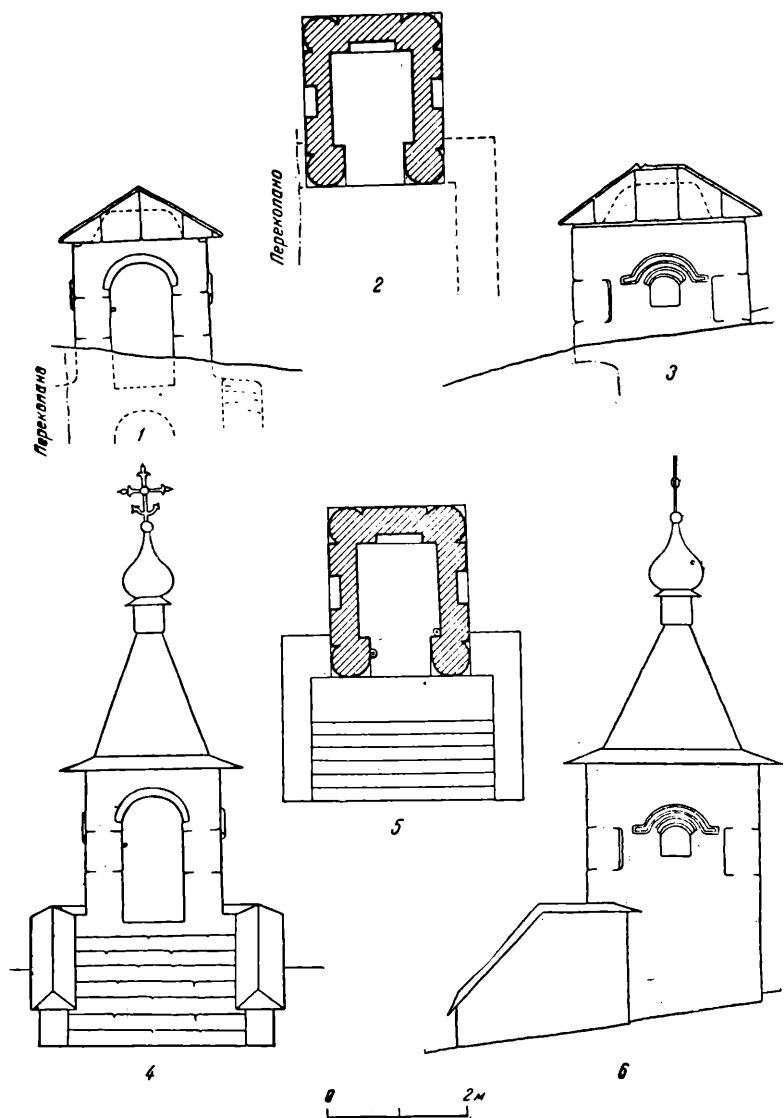

Рис. 43. Часовня Мироносицкого кладбища.

1 — передний фасад (по обмеру 1946 г.); 2 — план (по обмеру 1946 г.); 3 — боковой (южный) фасад (по обмеру 1946 г.); 4 — передний фасад (реконструкция); 5 — план (реконструкция); 6 — боковой фасад (реконструкция)

Внутри часовни, на стене, противоположной входу, в нише сохранились остатки фрески, изображавшей «вседержителя», сидящего на троне с «предстоящими» по сторонам и двумя изображениями ангелов за тронem. Ниже ниши с фреской — впадина, оставшаяся, по всей вероятности, от

⁴ Осмотр поверхности шатра показал, что кровля не прикреплялась непосредственно к кладке шатра, т. е. была сделана по опалубке, очевидно, пришитой к уложенным по поверхности шатра деревянным подкладкам.

выломанной памятной плиты. По глубине впадины можно заключить, что эта плита была каменной⁵. Как видно по сохранившимся в других местах целым экземплярам и фрагментам, такие плиты, резанные из мягкого известняка, помимо надписей, украшались рельефными орнаментами, расписывались красками и местами украшались позолотой. В нишах, расположенных снаружи, первоначально могли быть тоже памятные плиты или живописные фресковые изображения.

Данных для точной датировки памятника пока нет. Архитектурные формы часовни, как и характер фрески, украшавшей ее интерьер, позволяют отнести ее к первой половине XVII или ко второй половине XVI в.

Те же самые основные части характерны и для часовни-усыпальницы XVI в. у церкви Николы на Усохе⁶. Нижний этаж ее — помещение, служившее для захоронения, в которое входили через небольшую дверь, расположенную с правой стороны сооружения. Над склепом возвышалась собственно часовня, которая, в отличие от часовни на Мироносицком кладбище, была открытой (рис. 44 — 1, 3). Вход в нее, ведший с торца, первоначально не запирался, что было видно по отсутствию сделанных при постройке приспособлений для навески и запора двери (такие приспособления были устроены позднее, вероятно в XVII в.). Боковые стены заменены здесь широкими открытыми проемами и лишь невысокие парапеты ограждали часовню с боков. Так же, как и в часовне на Мироносицком кладбище, порог входа был первоначально на значительной высоте над уровнем земли, из чего следует, что перед входом было крыльцо (рис. 44—3)⁷. Внутри, против входа, в нише сохранились остатки фрескового изображения Николы.

О чем же говорит существование этих двух памятников в Пскове? Были ли они в прошлом исключительными сооружениями, или же это случайно сохранившиеся остатки некогда распространенного вида построек? Играли ли они заметную роль в облике города, или нет?

Как известно, в древнем Пскове кладбища или, как их тогда называли псковичи «буи», находились не только за городом, но и в самом городе возле всех приходских и монастырских церквей. Их было немало⁸ и, без сомнения, они играли заметную роль в жизни города. Это были не только места погребения и поминовения умерших, но, по-видимому, и своего рода общественные парки, посещаемые и украшаемые горожанами. В псковской летописи под 1473 г. есть случайное упоминание о работах по озеленению и благоустройству одного из кладбищ Пскова — как раз того, которое было у церкви Николы на Усохе⁹. В послепетровское время псковские кладбища, находившиеся в черте города, были уничтожены, и над уровнем почвы в наше время не существует никаких остатков их. Часовенка над усыпальницей у абсиды церкви Николы сохранилась лишь благодаря тому, что она пристроена к церковному зданию и потому могла с удобством использоваться для нужд церкви. Уже с XVIII в., а может быть и раньше, была создана легенда о «чудотворности» образа Николы, написанного в нише внутри этой часовни, и часовня с большим успехом использовалась для привлечения богомольцев. Точно так же, лишь благодаря счастливому стечению обстоятельств, уцелела до нашего времени усыпальница на Мироносицком

⁵ Кроме каменных, известны псковские памятные керамические плиты XVI в., покрывавшиеся темно-зеленой поливой. Их толщина значительно меньше, чем каменных плит.

⁶ О датировке этой часовни см.: Ю. П. Спегальский. Реконструкция церкви Николы на Усохе в Пскове «Памятники культуры. Исследование и реставрация», вып. 3. М., 1961, стр. 85.

⁷ О степени достоверности реконструкции отдельных частей часовни см.: Ю. П. Спегальский. Указ. соч., стр. 83—84.

⁸ В XVI в. в Пскове насчитывалось около 130—140 церквей.

⁹ «Тоя же весне около буя святого Николе у Вопочком конце камнем оделав и врата каменны изрядив, и садом яблонями насадили». Псковские летописи, т. II. М., 1955, стр. 193.

кладбище. Хотя это расположенное за городом кладбище не было упразднено, но и здесь такая постройка не сохранилась бы, если бы она не требовалась для каких-либо практических целей. Таким образом, сохранности этих памятников благоприятствовали особые обстоятельства. В то же время трудно себе представить, чтобы на кладбищах в черте города, где погребалось немало богатых псковичей, не было бы еще памятных сооружений такого же типа. На северной стене придела церкви «Василия на горке» в Пскове в 1946 г. автором были обмерены следы примыкания сооружения, совершенно аналогичного часовне у Николы на Усохе, сломанного в конце

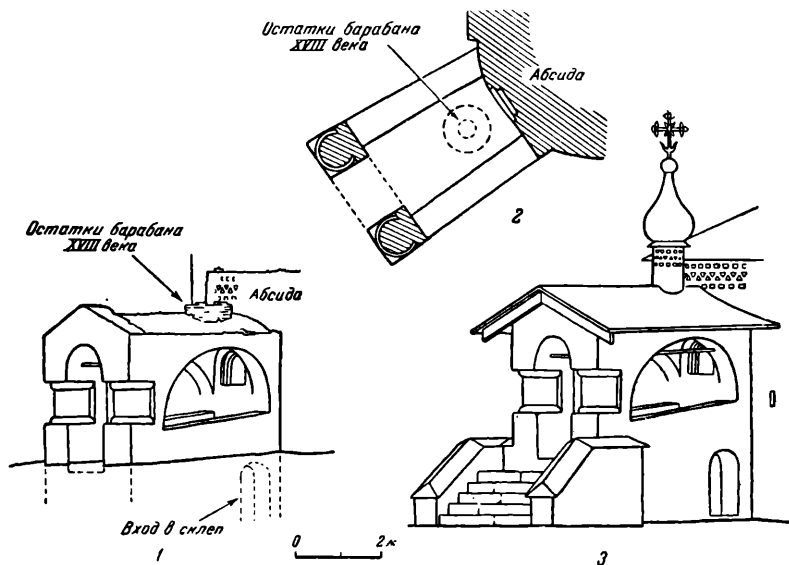

Рис. 44. Часовня у церкви Николы на Усохе.

1 — вид с восточной стороны (по обмеру 1945 г.); 2 — план (по обмеру 1945 г.); 3 — вид с восточной стороны (реконструкция)

XVII в. при перестройке. По-видимому, часовня-усыпальница у церкви Николы не была в свое время единственной.

Есть все основания полагать, что оба описанные здесь памятника представляют собой варианты распространенного в древнем Пскове типа здания, кстати сказать, типа прекрасно выработанного. Такие миниатюрные постройки не требовали больших средств на их осуществление, но, однако, были очень хорошо приспособлены к своему назначению. В них было место для захоронений, место для уединенной молитвы, места для надежной установки памятных плит, служивших для увековечения памяти усопших. Несмотря на крайне небольшие размеры, эти часовни, как видно по сохранившимся, были весьма заметными сооружениями, способными украсить не только кладбища, где они находились, но и окрестный пейзаж, так как они возвышались над кладбищенскими оградами.

В связи с этим, нельзя не обратить внимания на одно, оставшееся до сих пор неистолкованным, место в записках Вундерера, посетившего Псков в 1590 г. Описывая Псков, Вундерер, между прочим, отмечает, что они «видели в городе повсюду много пирамид трех- и четырехугольных от 10 до 20 локтей вышиной и довольно широких, на которых было много надписей буквами из свинца и меди»¹⁰. Надо полагать, что это сообщение Вундерера не плод его фантазии, а вызвано реальными наблюдениями, но

¹⁰ Перевод сделан с немецкого текста: J. Wunderer. Reise nach Moskau und Schweden, 1590. (Fichard, Frankfurtisches Archiv für ältere deutsche Literatur und Geschichte. 1812, стр. 201—217).

в него вкрались неточности. Не были ли это часовни-усыпальницы? Вундерер, не видя сперва за кладбищенскими оградами нижних их частей, а замечая главным образом их шатровые пирамидальные верхи, мог назвать их «пирамидами». Он мог ошибиться, приняв некоторые из шатров за трехгранные. В то же время указанная им высота шатров правдоподобна. Что касается «букв из свинца и меди», то свинцово-серые или же позолоченные буквы памятных плит, вырезанных из светлого известняка, очень легко можно было принять за металлические. Памятные плиты могли вделываться не только внутри, но и снаружи часовен. Вундерер привел содержание трех из этих надписей. При всей неточности их «перевода» все же совершенно ясно, что это были надгробные эпитафии¹¹. Упоминание Вундерера о надписях и содержание их убеждают в том, что описанные им «пирамиды» были не чем иным, как часовнями-усыпальницами, подобными той, остатки которой сохранились на Мироносицком кладбище. Из свидетельства этого путешественника можно видеть насколько распространенными были в городе эти постройки и насколько существенную роль они играли в облике Пскова XVI в.

¹¹ «Я, Скамай, сражаясь за отечество, умертвил 31 неприятеля и наконец Рольвоном шведом убитый в сражении, здесь почиваю». «Гроза притеснителей и защитник угнетенных, богатый ранами и летами опоясанный мечом, здесь почивает Шитак». «Пусть другие стяжали славу военными подвигами, а я, Палицкий, заботясь о мире, заслужил бессмертную славу». Извлечения, сделанные Ф. Аделунгом на немецком языке, перевод А. С. Клеванова ЧОИДР, 1863, кн. вторая. М., 1863 стр. 269.

IV. ХРОНИКА

РАБОТА СЕКТОРОВ
И ГРУПП ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР

СЕКТОР СЛАВЯНО-РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ в 1962 г.

В соответствии с семилетним планом Института работа сектора велась по трем проблемам раздела «Генезис и развитие феодальных отношений на территории СССР»: «Древние славяне в I тысячелетии н. э.»; «Город и деревня в древней Руси» и «Русское государство и его культура». Широко продолжалась работа над составлением «Свода археологических источников СССР». Вышли из печати монографии сотрудников сектора: «Зодчество Северо-Восточной Руси XIII—XV вв.» Н. Н. Воронина, «Аланские племена Северного Кавказа» В. А. Кузнецова, «Памятники железного века в междуречье Днепра и Десны» (т. I — И. П. Русановой и других, т. II — Г. Ф. Соловьевой) и более 30 статей. Сданы в печать монографии Б. А. Рыбакова «Древняя Русь (сказания, былины и летописи)», П. И. Засурцева «Усадьбы и постройки древнего Новгорода», Б. А. Колчина «Дендрохронология Новгорода» и около 40 статей на различные темы.

Полевые исследования, проводимые сектором, охватывали не только всю территорию древнерусского государства, но и важные для истории соседние территории: памятники неславянских народов Северского Донца и Приазовья и область северокавказских алан.

Приднепровская Славянская экспедиция (руководитель Б. А. Рыбаков) продолжала раскопки укреплений Южного и Северного Витачевских городищ: изучена конструкция вала, раскопаны остатки башен. В с. Триполье раскопано зарубинецкое святилище на высокой Девичьей горе. В составе экспедиции работало несколько отрядов.

Древлянский отряд (руководитель И. П. Русанова) продолжал разведки памятников типа Корчак в Житомирской области; выяснена их южная граница.

Верхнеднепровский отряд (руководитель В. В. Седов) вел разведку памятников I тысячелетия н. э. и древнерусского времени в Смоленской, Калининской и частично Гродненской областях; раскапывались древнерусские курганы.

Владимирский отряд (руководитель В. В. Седов) продолжал изучение древнерусского города Ярополча Залесского. За три года вскрыто около 5000 кв. м или $\frac{1}{5}$ часть города, в 1962 г. изучалось кладбище XI в. и жилища XII—XIII вв., собран богатый вещевой материал.

Радимический отряд (руководитель Г. Ф. Соловьева) раскопал у с. Демьяновки (в 40 км от Гомеля) часть большого курганного могильника с погребениями от середины I тысячелетия н. э. до начала XII в.

Новгородская экспедиция (руководитель А. В. Арциховский) закончила многолетние работы на Неревском раскопе¹ (в 1962 г. 200 кв. м) и перешла работать на Торговую сторону, где около Знаменского собора заложила ряд раскопов, доведя их до уровня рубежа XIII—XIV вв.

Смоленская экспедиция (руководитель Н. Н. Воронин) раскопала на $\frac{2}{5}$ руины большого безымянного каменного храма XII—XIII вв. на Рачевке с обширными галереями с трех сторон, притвором с запада, двумя капеллами у западных углов. Найдены остатки росписи XII—XIII вв. и граффити.

Полоцко-Прибалтийский отряд (руководитель Л. В. Алексеев) Прибалтийской экспедиции продолжал раскопки Друцка (четыре новых раскопа и один старый), Мстиславля (обнаружены остатки построек детинца XII—XIII вв.) и проводил разведки.

Северо-Осетинский и Зеленчукский отряды Северо-Кавказской экспедиции (руководитель отрядов В. А. Кузнецов) вели раскопки на городищах Верхний Джулат и Архызском. На первом найден могильник и две каменные церкви; на втором раскопан могильник X—XI вв., церковь и дом с железоплавильней, сделана топографическая съемка городища, при которой выявлен ряд очень важных объектов для последующих раскопок.

Городецкая экспедиция Горьковского историко-археологического музея-заповедника (руководитель А. Ф. Медведев) продолжала раскопки в Городце: изучены остатки первоначального укрепления, сгоревшего в конце XII в. (деревянные клетки с тыном перед ними), наземные и углубленные в землю постройки конца XII—начала XIII в., массовые кладбища жертв монгольского нашествия с захоронениями в четыре-пять ярусов.

Вологодская экспедиция (руководитель А. В. Никитин) раскапывала городище Кич-городок, созданный в XVI—XVII вв. как убежище для населения, вероятно, в период польско-шведской интервенции. Это уже третье городище в этом районе, которое, как выяснено экспедицией, было построено в XVI—XVII вв. по архаическому типу домонгольских русских крепостей.

Северо-Донецкий отряд (руководитель С. А. Плетнева) Нижне-Донской экспедиции провел разведку по северо-восточной (обследована цепь пограничных крепостей) и южной (найлены хутора оседавших на землю болгарских племен в Северном Приазовье) границам распространения салтовской культуры.

Верхне-Окская экспедиция (руководитель Т. Н. Никольская) завершила раскопки кольца построек вдоль внутренней стороны вала городища у дер. Слободка в Орловской области и раскапывала феодальный замок XII—XIV вв. в дер. Ждамирово Калужской области.

Прутско-Днестровская экспедиция (руководитель Г. Б. Федоров) изучала памятники на территории Молдавии.

В ходе работы Сектора над плановой проблематикой поставлены и обсуждены многие доклады сотрудников сектора и других секторов и отделов ИА АН СССР, а также работников других учреждений.

Проблемы этнической истории Восточной Европы в I тысячелетии н. э. и начале II тысячелетия н. э. рассматривались в двух докладах Г. Ф. Соловьевой и В. В. Седова. В докладе «К вопросу о восточной ориентировке погребений в древней Руси» Г. Ф. Соловьева² возражала против предложенной В. В. Седовым интерпретации древнерусских погребений XI—XIII вв. с восточной ориентировкой умерших как памятников ассимилиро-

¹ См. статью Б. А. Колчина в настоящем выпуске КСИА.

² Г. Ф. Соловьева. Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. II. Погребальные обряды. М., 1962, стр. 53—54 и рис. 5; ее же. К вопросу о восточной ориентировке погребений в древней Руси. СА, 1962, № 2.

ванного славянами балтийского населения³. В прениях по докладу В. В. Седов подчеркнул, что в его работе речь шла о восточной ориентации только мужских погребений (женские могут быть и западными), что находки в ориентированных на восток могилах славянских украшений не опровергают их принадлежности потомкам балтов, так как в рассматриваемое время все это население было уже славянизировано. Б. А. Рыбаков констатировал, что на данном заседании общий тезис В. В. Седова не был поколеблен, но доклад Г. Ф. Соловьевой показывает, что картина не была такой прямолинейной, как могло бы показаться. По мнению Б. А. Рыбакова, при изучении гидронимики обязательно следует учитывать важное обстоятельство: отдельные языковые явления могли быть в древности общими для славян и балтов, и позднее исчезнуть у одних и сохраниться только у других — следует искать надежные критерии для определения языковой принадлежности гидронимов. В. В. Кротопкин указал, что на изучаемой территории пока неизвестны погребения по обряду труположения более древние, чем XI—XIII вв. По его мнению, славяне были носителями зарубинецкой культуры и в этом случае их приход в область курганов с восточной ориентировкой следует отнести не к концу I тысячелетия н. э. (как это делает В. В. Седов), а уже к первым векам нашей эры.

В. В. Седов в докладе «Из этнической истории Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н. э.», сопоставив данные археологии и топонимики, показал, что анализ деталей погребального обряда и инвентаря рязано-окских финских могильников первых веков нашей эры позволяет выделить в этих памятниках захоронения населения балтийского происхождения. По мнению докладчика, ко времени прихода славян в конце I тысячелетия н. э. в западной части Волго-Окского междуречья балты в основном ассимилировали прежнее финно-угорское население, а в области рязанского течения Оки сами были ассимилированы финно-угорским (мордовским) населением. Выступавшие отметили большое значение работы В. В. Седова (Е. И. Горюнова, Т. Н. Никольская, Б. А. Рыбаков, А. Л. Монгайт); признано, что общая картина нарисована докладчиком верно и глубоко.

С. А. Изюмова (МГУ) сообщила о раскопках курганов VIII—XI вв. у с. Западное Тульской области, М. Х. Алешковский (ЦГРМ) сделал доклад «Древнерусские парные погребения как исторический источник».

Около трети докладов было посвящено древнерусским городам. М. Д. Полубояринова сообщила о раскопках в г. Турове. Л. А. Голубева рассказала о раскопках 18 сооружений конца XI — начала XIV в. в Белоозере, привела результаты дендрохронологического изучения срубов. И. К. Голунова сделала доклад «К топографии средневекового Пскова», подвергнув анализу данные письменных источников о Среднем городе, Застенье и Старом Застенье. Т. Н. Никольская сообщила о раскопках городища Слободка Орловской области, состоящего из детинца с кольцевым валом и обширного укрепленного посада. Докладчица реконструирует раскопанный детинец как кольцевое укрепление с примыкающими изнутри жилищами и датирует его второй половиной XII — первой половиной XIII в. М. Г. Рабинович (Институт этнографии) подробно охарактеризовал стратиграфию культурного слоя центральных районов Москвы, выделив три основные части этого слоя, которые он датировал: 1) со второй половины XVII в. до наших дней; 2) с середины XIV по XVII в.; 3) с конца XI — начала XII в. по XIV в. При обсуждении была признана правильность выясненной докладчиком стратиграфии и большой объем проведенной работы. Острые разногласия возникли лишь по поводу нижней даты

³ В. В. Седов. Следы восточно-балтийского погребального обряда в курганах древней Руси. СА, 1961, № 2.

⁴ Т. В. Равдина. Еще раз о датировке древнего слоя Москвы. СА, 1963, № 1, стр. 98—109.

московского культурного слоя. Т. В. Равдина⁴, Р. Л. Розенфельдт, А. Ф. Медведев считают, что в Москве пока не известен культурный слой древнее XII—XIII вв. Э. А. Рикман, А. Г. Векслер⁵, А. Ф. Дубынин поддержали точку зрения М. Г. Рабиновича. Н. Н. Воронин отметил крайнюю фрагментарность материала, имеющегося для решения этого важного вопроса.

А. В. Никитин сообщил о раскопках в Великом Устюге⁶.

В докладах С. А. Плетневой и Т. И. Макаровой была охарактеризована керамика средневековых слоев Таманского городища — в первом неполивная, во втором поливная. Выделены периоды в развитии керамики, отражающие особенности исторической обстановки в городе, четко охарактеризованы особенности русского периода Тмутаракани. Выступавшие отметили, что доклады имеют большое значение для понимания истории культуры Киевской Руси (Г. К. Вагнер), что полученные результаты будут эталоном при изучении раннесредневековых памятников Крыма (Д. Л. Талис). Дискуссию вызвал лишь тезис С. А. Плетневой о бытовании в Тмутаракани краснолаковой посуды вплоть до VII—VIII вв. Н. П. Сорокина и Д. Л. Талис склонны объяснить находки в этих слоях краснолаковой керамики перекопами. С. А. Плетнева не согласилась с этими возражениями, указав на то, что V—VII вв. вообще были временем переживания многих форм кухонной керамики IV в., она объяснила это явление сохранением в Тмутаракани старого синдо-меотского населения.

В докладе «О юго-восточной окраине русских земель в домонгольское время» С. А. Плетнева выделила две группы поселений: 1) пограничные крепости Курской земли и 2) неукрепленные селища дружественного племени славянского населения, как предполагает С. А. Плетнева — бродчиков⁷.

Южным соседям древней Руси был посвящен доклад В. А. Кузнецова об итогах археологических работ 1960—1961 гг. на средневековых городищах Большого Зеленчука и Верховьев Кубани. Исследования весьма значительного по размерам Нижне-Архызского городища с системой оборонительных сооружений и, наконец, наиболее крупная на Северном Кавказе концентрация христианских памятников X—XII вв. дали возможность докладчику считать, что именно там находился центр Аланской епархии. Выступавшие по докладу Б. А. Рыбаков, Н. Н. Воронин, Г. К. Вагнер и другие дали высокую оценку проведенным работам. Сектор пришел к мнению, что комплексы Нижне-Архызского и Хумаринского городищ следует сохранить в целом и сделать оба памятника заповедниками.

Методика изучения массового археологического материала (принципы классификации и описания средневековой керамики) рассмотрена в докладе И. Г. Хынку (Кишинев). Признана важность выработки археологами единой терминологии и общих принципов, говорилось о необходимости шире вести работу в этом направлении (Н. Н. Воронин, А. В. Никитин, А. Л. Монгайт, Г. Б. Федоров).

Истории древнерусской культуры было посвящено шесть докладов. О работе по изучению владимирской литературы эпохи Андрея Боголюбского рассказал Н. Н. Воронин в трех докладах: «Сказание о победе над болгарями 1164 г. и праздник Спаса (к истории русско-византийской борьбы)», «Житие Леонтия Ростовского» и его политический смысл», «К характеристике владимирского летописания времени Андрея Боголюбского». Докладчик показал, как под церковной оболочкой литературных памятников Владимирской Руси прослеживаются отзвуки реальной жизни общества. Политическая идея «Сказания...» утверждение равноправия Андрея

⁴ А. Г. Векслер. К вопросу о древнейшей дате Московского Кремля. СА, 1963, № 1, стр. 110—115.

⁵ А. В. Никитин. Раскопки в Великом Устюге. КСИА АН СССР, вып. 96, 1963.

⁷ См. об этом в статье С. А. Плетневой в настоящем выпуске КСИА.

Боголюбского с византийским императором и прав владимирского князя на общерусскую власть. «Сказание...» содержит в себе зародыши политических мифов позднейшего времени о происхождении власти московских государей. Краткая редакция «Жития...» вводила в обращение версию о древности северо-восточной церкви, возводимой ко временам греческих епископов Владимира I — это должно было утверждать равенство Суздальской Руси с Киевом. «Поучение на память Леонтия», направленное на защиту интересов ростовского боярства, было написано позднее, в конце XII в., в связи с ростом народных волнений. Идеино-политическое единство литературы и летописания третьей четверти XII в., как показал докладчик, обеспечивалось руководством самого князя Андрея. В период 1158—1177 гг. существенно изменился жанр летописания, характерна скупость собственно летописного материала и преобладание его литературной подачи в виде «повестей». По мнению Н. Н. Воронина, летописцем эпохи Андрея был поп Микула. Он скуп и тенденциозно использовал материал предшествующего ростово-суздальского летописания в интересах прославления Владимира и оставления в тени Ростова. Завершающая владимирский свод «Повесть о междукняжии» придала своду особую политическую остроту, выдвинув и в летописании мысль об историческом значении горожан как основной силы в борьбе за объединение Руси под главенством Владимира. При обсуждении докладов Н. Н. Воронина говорилось о том, что исследование владимирского искусства невозможно без привлечения литературных памятников (Г. К. Вагнер, А. Л. Монгайт), что комплексное рассмотрение вопросов древнерусской культуры стало хорошей традицией в работе сектора. Работы Н. Н. Воронина признаны важными и для изучения раннемосковской эпохи.

Б. А. Рыбаков сообщил о нескольких новых эпиграфических памятниках древней Руси. Г. К. Вагнер предложил реконструкцию наименее сохранившегося южного фасада Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском. Он считает, что в центральной закомаре фасада находилась композиция «Вознесения» с включенным в нее патрональным образом владимирской богоматери деисусного типа. Размещение владимирской «заступницы» над византийской богоматерью Панагией (бывшей в тимпане южного притвора) возвышало владимирский палладиум до общерусского, что в условиях феодального распада имело большое национально-объединительное значение. Согласившись с предложенной реконструкцией, выступавшие (В. П. Даркевич, Н. Н. Воронин, Б. А. Рыбаков) высказали ряд предположений об одной концепции декора Георгиевского собора, при этом Б. А. Рыбаков предположил, что трехъярусная композиция собора может отражать давнюю общечеловеческую религиозно-философскую идею о делении мира на ярусы — земли, людей и божеств, примитивно выраженную в резьбе Эбручского идола. Г. К. Вагнер подчеркнул, что намеренно не касается общих вопросов изучения собора в целом до завершения его полной реконструкции. Он считает, что при решении вопроса о народности декора Георгиевского собора надо учитывать не столько крестьянское искусство того времени, сколько идеологию мизинных людей города; неверно считать, что вся средневековая идеология была чисто книжной. Владимирское искусство было обращено к городскому населению — поэтому фольклорность в этом случае следует понимать более широко, с учетом городской культуры. В этом смысле Георгиевский собор, по мнению Г. К. Вагнера, гораздо более национален, чем Дмитриевский.

В докладе В. П. Даркевича «Царь Давид во Владимиро-Суздальской фасадной скульптуре»⁸ была дана новая трактовка образа Давида (на церквах Покрова и Дмитриевской) как святого царя, получившего власть от бога, и, следовательно, святого покровителя владимирских самовластцев. Выступавшие говорили о своевременности изучения Дмитриевского со-

⁸ См. об этом статью В. П. Даркевича в настоящем выпуске КСИА.

бора, о необходимости обсуждать разные варианты расшифровки идейного смысла этого декора (Н. Н. Воронин). Хотя уже сейчас можно считать общей идеей резьбы Дмитриевского собора устройство мира сильной властью князя (Н. Н. Воронин), но окончательно раскрыть смысл этого декора может лишь его комплексное изучение (Б. А. Рыбаков). Соотношению образов Давида и Соломона в русской иконографии было посвящено большое выступление Г. К. Вагнера. Наконец, тема крестьянского искусства древней Руси нашла отражение в докладе А. К. Амброза «О древнеземледельческой культовой символике в русской архаической вышивке». На основе сравнительного материала докладчик расшифровал геометрические узоры «ромб с крючками» и «перекрещенный ромб» как символы аграрного культа матери-земли со значением: «земля — растение — женщина», выделил основные устойчивые композиции этих элементов и пришел к выводу о том, что основная символика «украш» русского женского крестьянского костюма отражает древние материнские культы. Более осторожно следует подойти и к так называемым «дако-сарматским элементам» в крестьянском искусстве, поскольку не исключено их постепенное сложение на русской почве в результате местного развития.⁴ При обсуждении доклада говорилось о том, что на обширной территории распространения рассмотренных знаков их смысл мог меняться (Г. С. Маслова), что у кочевых народов знак ромба имел иное значение, чем у земледельческих (С. А. Плетнева). Основная дискуссия касалась сомнений докладчика в правильности теории дако-сарматского происхождения русских изображений богини с прибогами (Г. С. Маслова, Г. К. Вагнер, М. Г. Рабинович); выступавшие говорили, что аргументы докладчика против дако-сарматской гипотезы еще не достаточны и нужна дальнейшая работа над этим вопросом.

Коллектив сектора принял активное участие в работе сессии ИА и ИЭ по итогам полевых работ 1961 г. На секционных заседаниях были сделаны доклады: Б. А. Колчиным о моделировании сыродутного процесса и Г. К. Вагнером о реконструкции Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском. На Международном конгрессе истории первобытного общества в Риме были прочитаны сообщения Б. А. Рыбакова о календаре древних славян и Б. А. Колчина о датировках с помощью дендрохронологии.

А. К. Амброз

ГРУППА СЛАВЯНО-РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ ЛОИА в 1962 г.

В 1962 г. сотрудники группы славяно-русской археологии работали над двумя основными проблемами — древняя история славян и история культуры древнерусских городов.

Первой проблемой занимались П. Н. Третьяков, И. И. Ляпушкин, М. А. Тиханова и Г. Ф. Корзухина.

П. Н. Третьяков продолжал работать над темой «Финно-угры, балты и славяне в Восточной Европе». Им была написана глава «По этапам этнического процесса» и подбирался материал для раздела «Сопоставление топонимических и археологических данных по верхнему Поднепровью». И. И. Ляпушкин работал над монографией «Восточные славяне накануне образования древнерусского государства», написав часть II главы — «Славяне на территории Восточной Европы». М. А. Тиханова продолжала работать над темой «Южная Вольня в первой половине I тысячелетия н. э.». Она сделала доклад по главе «Керамика Лепесовки», в которой дана классификация материала. Наряду с круговой керамикой черняховского типа в Лепесовке встречается также местная лепная. Весь комплекс относится к концу III—IV вв. н. э. Группа утвердила план завершения монографии М. А. Тихановой под несколько измененным названием: «Поселение у с. Лепесовка (К истории населения Южной Вольни в первой половине I тысячелетия н. э.)». Г. Ф. Корзухина закончила работу «Среднее

Поднепровье в V—VII вв. н. э.», которая не была завершена в 1961 г. в связи с увеличением ее объема.

Второй проблемой занимались М. К. Каргер, П. А. Раппопорт, Ф. Д. Гуревич, А. Н. Кирпичников и Ю. П. Спегальский.

М. К. Каргер продолжал работать над монографией «Древнерусский город Иязславль», анализируя материал по художественному ремеслу этого города. П. А. Раппопорт для монографии «Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв.» закончил главу о памятниках Воыни. П. А. Раппопортом также прочитан доклад «К вопросу о Плеснеске», посвященный анализу широко известного в науке огромного Плеснеского городища. Автор пришел к выводу, что древний Плеснеск вовсе не был крупным городом (как это считает исследовавший его М. П. Кучера), а очень небольшим, но расположен он на территории большого городища скифской поры. Ф. Д. Гуревич продолжала работать над темой «Древний Новогрудок». Ее доклад «Некоторые новые данные о музыкальной культуре древней Руси» был посвящен описанию и интерпретации изображений музыкантов на костяной ухвертке XII в., найденной при раскопках окольного города Новогрудка и на шахматной фигурке из Волковыска. На последней изображен инструмент, напоминающий барабан — это распространенный в древней Руси ударный инструмент — бубен. Струнный инструмент, изображенный у музыканта на ухвертке из Новогрудка, в древнерусских письменных источниках называется псалтирюю. А. Н. Кирпичников прочел несколько докладов по теме «Русское оружие X—XIII вв.»: «Введение, историография и характер источников»; «Комплекс древнерусского вооружения по археологическим памятникам»; «Вооружение, рядовое и видовое разделение войск»; «Исторические этапы и пути развития древнерусской военной техники в IX—XIII вв.» «Тактическое использование древнерусского оружия». В этих докладах излагалась вводная и заключительные главы монографии. Ю. П. Спегальский работал над темой «Деревянное зодчество северо-западной Руси IX—XIII вв.», им прочитан доклад «Основные вопросы изучения деревянной архитектуры домонгольской Руси», посвященный в основном историографическим вопросам. К. В. Павлова прочла доклад о погребальном инвентаре Гочевского могильника.

Кроме перечисленных докладов, на заседании группы заслушаны доклады сотрудников других секторов и учреждений: В. В. Кропоткина (Москва) «Экономические связи Восточной Европы с Римской империей во II в. до н. э.— V в. н. э.»; А. В. Банк (Гос. Эрмитаж) «О поездке в Италию»; Я. Граудонис (Рига) «Позднебронзовый и раннежелезный век на территории Латвийской ССР»; П. Ауралиан (Румыния) «О раскопках в Добрудже», К. Д. Лаушкина (ИЭ) «Открытие языческого комплекса в Старой Ладоге» в 1958 г. В прениях по последнему докладу сотрудники группы высказали предположение, что комплекс, который К. Д. Лаушкин считает языческим святилищем, в действительности представлял собой хозяйственное сооружение.

Археологические экспедиции, руководимые сотрудниками группы, выполнили в 1962 г. следующие работы.

Деснинским отрядом Верхнеднепровской экспедиции (руководитель П. Н. Третьяков) были обследованы три района: выше г. Брянска, около с. Хотылева по правому берегу р. Десны; в среднем течении правого притока р. Десны — р. Судость и близ г. Трубчевска. Во всех этих районах выявлены и обследованы памятники V—VII вв.

Г а л и ц к о - В о л ы н с к а я э к с п е д и ц и я (руководитель М. К. Каргер) продолжала раскопки на территории окольного города городища у с. Городище (Шепетовского района Жмельницкой области). В 1962 г. вскрыта площадь свыше 3,000 кв. м. Экспедиция проводила также раскопки архитектурных памятников в Полоцке и Турове. В Новогрудке под существующей Борисоглебской церковью открыты остатки церкви XII в.

Днестровско-Волынская экспедиция (руководитель М. А. Тиханова) провела необходимые работы по исследованию комплекса больших гончарных печей римского типа на поселении у с. Лепесовка.

Отряд по изучению крепостей (руководитель П. А. Раппопорт) проводил изучение древнерусских городищ в пределах Львовской и Ивано-Франковской области УССР, а также обследование памятников военного зодчества в Закарпатье. Всего обследован 41 пункт. Отрядом исполнена топографическая съемка 25 городищ и замков, собран подъемный материал и в отдельных пунктах заложены разведочные шурфы.

Славяно-литовский отряд (руководитель Ф. Д. Гуревич) продолжал раскопки в г. Новогрудке (Гродненской области БССР). В околном городе открыты остатки наземных построек XI—XIII вв., в том числе некоторые с многочисленным богатым инвентарем. Небольшой раскоп на территории детинца позволил установить в слое мощностью около 5 м наличие культурных отложений XI—XVIII вв. Здесь обнаружены жилые постройки XII—XIII вв., которые в отличие от дерево-глинобитных сооружений, преобладающих в околном городе, оказались срубными.

В 1962 г. вышли из печати следующие труды сотрудников группы: Ф. Д. Гуревич «Древности Белорусского Понеманья» и Ю. П. Спегальский «Псковские каменные жилые здания XVII в.».

В 1962 г. старший научный сотрудник И. И. Ляпушкин успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук.

М. В. Малевская

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АС	— Археологический съезд
ВВ	— Византийский Временник
ВДИ	— Вестник древней истории
ВИ	— Вопросы истории
ВОКС	— Всесоюзное общество культурной связи
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ	— Государственный исторический музей
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЗАО	— Записки Археологического общества
ЗООА	— Записки Одесского археологического общества
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА РАО	— Записки Отделения русской и славянской археологии Русского Археологического общества
ИА	— Институт археологии АН СССР
ИАК	— Известия Археологической комиссии
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИ АН МССР	— Институт истории АН МССР
ИТУАК	— Известия Таврической ученой архивной комиссии
ИЭ	— Институт этнографии АН СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР
ЛГУ	— Ленинградский государственный Университет
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии
МАСП	— Материалы по археологии Северного Причерноморья
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МИА юго-запада СССР и РНР	— Материалы и исследования по археологии юго-запада СССР и Румынской народной Республики
ПСРА	— Полное собрание русских летописей
СА	— Советская археология
ЧОИДР	— Чтения в Обществе истории и древностей российских

СОДЕРЖАНИЕ

I. ИТОГИ И ЗАДАЧИ

Б. А. Колчин. К итогам работ Новгородской археологической экспедиции (1951—1962 г.)	3
---	---

II. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

Б. А. Рыбаков. Любеч — феодальный двор Мономаха и Ольговичей	21
С. А. Плетнева. О юго-восточной окраине русских земель в домонгольское время	24
В. А. Кузнецов. Глиняные жлоты Северного Кавказа	34
А. В. Гадло. Поселение XI—XII вв. в дельте Дона	40
В. П. Даркевич. Образ царя Давида во владими́ро-суздальской скульптуре	46
П. А. Раппопорт. Новые данные по исторической географии Волыни	54
А. П. Смирнов. К вопросу о месте производства шаманских привесок	59

III. ПОЛЕВЫЕ И ЛАБОРАТОРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. Л. Якобсон. Новый памятник раннесредневековой архитектуры в Крыму	65
Ю. С. Гришин. Погребение гуннской эпохи у деревни Кузкур (к вопросу о памятниках раннего железного века в Восточном Забайкалье)	73
Г. Б. Федоров. Работы Прутско-Днестровской экспедиции в 1960—1961 гг.	77
Е. К. Черныш, И. Т. Черняков. Археологические разведки в Подунавье	89
Ф. Д. Гуревич. Дом боярина XII в. в древнерусском Новогрудке	97
Р. Л. Розенфельдт. Захряпинские курганы XII—XIII вв. на реке Рузе	103
Ю. П. Спегальский. Псковские часовни-усыпальницы	106

IV. ХРОНИКА

Работа секторов и групп Института археологии АН СССР	
Сектор славяно-русской археологии в 1962 г. (А. К. Амброз)	111
Группа славяно-русской археологии ЛОИА в 1962 г. (М. В. Малевская)	116
Список сокращений	119

Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Средневековая археология

Утверждено к печати Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор издательства Л. В. Артишевская. Контрольный редактор вып. 11—99 С. Т. Попова
Технический редактор Л. И. Матюхина

Слано в набор 5/XI 1963 г. Подписано к печати 14/II 1964 г. Формат 70 × 108¹/₁₆

Печ. л. 7,5 = 10,27 уч.-изд. л. Тираж 1200 экз. Т. 03116. Изд. № 2263. Тип. зак. № 2963. Темплан 1964 г., № 133

Цена 61 к.

Издательство «Наука» Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства «Наука», Москва, Г-99, Шубинский пер., 10